

Альманах
Народного литературного
объединения «Заполярье»
№ 20 2020

18+

ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа»

Народное литературное
объединение «Заполярье»

Выпускающий редактор:

Е.И. Вергунова

Над номером работали:

И.М. Селиверстова
К.С. Селиверстов

Фотографии в номере предоставлены
авторами, либо взяты из архива
«Заполярье»

На обложке:

Памятник «Подвигу участников оленно-
транспортных батальонов
в годы Великой Отечественной войны»,
автор Сергей Никандрович Сюхин

© ГБУК «Этнокультурный центр
Ненецкого автономного округа», 2020
© Все авторы, текст, 2020

Издание финансировано
в рамках государственной программы
Ненецкого автономного округа
«Развитие культуры и туризма»

Содержание

Из архива «Заполярье»:
Алексей Коткин. Заполярные страдания.....1-9

Родной земли благодать:
Владислав Чупров. Три полена10
Ольга Пашун. У каждого правда своя11-12
Надежда Яркова. Имушки13-14
Валентина Коскова. Коза рогатая14-15
Лариса Грушевская. Мои воспоминания детства15-16
Виктория Боброва. Детство Ники16-18
Александр Вокуев. Юность у меня в кармане19-22
Николай Епифановский. Стихи и песни23-24
Иван Рочев. Стихи25
Игорь Колесов. Стихи26

Стихи и проза:
Владимир Орлов. Мне бы в небо подняться на миг.....27-28
Елизавета Выучейская. Мариша.....29-30
Виктор Матвеев. Прощай, проклятый интернат31-34
Нина Валецкая. Бабушка35-39
Ирина Коваль. Мой крайний север39-40
Сергей Тарабукин. Есть ты и сейчас41-42
Елена Алёшина. Болото42
Светлана Коныгина. Чувства43-44
Валерий Селиверстов. Вечность в окружности декораций45-47
Вячеслав Воложин. Опьянённый весной47-51
Татьяна Зуева. Никто не застрахован52-60
Лидия Сядейская. Удивительное всегда рядом60
Андрей Сядейский. Мой Север - родина моя61
Александр Салов. Кофейная птица62
Ирина Маркова. Мой милый дом63-64
Ирина Коткина. Коварство и любовь. Из жизни мамонтов64-66
Николай Миловский. Оставшийся там76-85
Инга Артеева. Повесть о Лилит86-94
Полина Акимова. Для счастья многого не нужно94-95
Елизавета Выучейская. Путешествие между дождями119-127
Мария Кравченко. Возвращение128-134
Ольга Пашун. Спираль времени134-140

Лит-тур:
Татьяна Окладникова. Россия. Вологда. Белов66-70
Любовь Царькова. Алтайский «Нео-Лит»70-75

Дебют:
Зинаида Корепанова. Корни96
Махпрат Мухиддинова. Размышления97-98
Любовь Гурбо. Раздёрни шторы99-102
Италия Эвридика. Мотыльки и бабочки в сети102-104
Иван Тетерин. Заиндевелая Душа105-107
Алексей Даричев. Шелест ночных сновидений107
Екатерина Коваль. Как полшубок деда спас108

Ненецкий автономный округ. Слово. Рисунок. Фото:
Любовь Фролова. Бережно память храня109-111
Анна Сулентьева. Когда рыбка клюёт - за душу берёт111-112
Денис Макурин. Поморская окутка - Лоскутные сказки112-114
Надежда Кабанова. Посвящается Пустозерску114
Анастасия Хабарова. Зимние раздумья115-116

Наши гости:
Денис Макурин. Нейто (Идущий на край Земли)116-118

Заполярные страдания

фрагменты романа

Алексей Коткин

Алексей Степанович Коткин родился 25 февраля 1925 г. в селе Коткино нашего округа в многодетной семье. После окончания школы работал в колхозе. С 1943 по 1945 гг. воевал в воздушно-десантных войсках на фронтах Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За Победу над Германией». После войны вернулся в родной колхоз, с женой Таусией Акимовной воспитали 5-х детей. В 60-е годы с появлением книги рассказов «Антошка» проявил себя как талантливый детский автор. Позже стал писать исторические повести и романы о событиях на нижней Печоре. Всесоюзную славу автору принёс роман «Красная ласточка». Член литературного объединения «Заполярье», Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Фёдора Абрамова. В последние годы жил и работал в Архангельске. Писателя не стало 16 августа 2007 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В половине апреля сорок второго года полк, в котором в основном служили рыбаки, охотники и оленеводы, мобилизованные в Ненецком национальном округе, переименовали в 31-ю отдельную оленно-лыжную бригаду. Бригада вошла в оперативное подчинение 14-й армии, и ее направили в оборонительные порядки левого фланга на Мурманском направлении. Бригада состояла из трех батальонов, в один из них — Первый — вошла рота капитана Аркадия Обухова, в которой остался и первый взвод Степана Шалькова, теперь уже младшего лейтенанта. В этом взводе в основном оказались мужики из печорских деревень. К этому времени великосельчане уже потеряли троих: убитым Якова Шевелева, раненым Дмитрием Ермогиновым и контуженным Софрона Чупрова. Чупров здоровьем был хлипкок, военные доктора подозревали у него заболевание дыхательных путей и все собирались отправить Софрона на детальное обследование в один из госпиталей. Но для этого требовалось согласие высших военных органов фронта, получить которое не удавалось. Ускорить решение вопроса помогли, как это ни парадоксально, фашистские бомбы...

К этому времени обстановка на Карельском фронте более-менее стабилизировалась. Фашистское командование, поняв бесплодность своих планов по взятию Мурманска и захвату всего Кольского полуострова, перешло к активной обороне со строительством долгосрочных опорных пунктов с тем расчетом, чтоб советские войска не смогли их одолеть. И вот перед батальонами 31-й Отдельной оленно-лыжной бригады командованием 14-й армии была поставлена задача по совершению боевых рейдов по тылам противника и разгрому его опорных пунктов.

— Необходимо сделать все для освобождения Кольской земли от оккупантов! — говорил на совещании с командирами и политработниками частей и соединений командующий армии генерал Фролов. — Уничтожать пришельцев где бы они ни находились!..

Слова командующего были восприняты как боевой приказ Родины и мгновенно распространились по всем фронтовым и тыловым даже самым малым подразделениям. И рота капитана Аркадия Обухова под покровом метельной ночи с пятнадцатого на шестнадцатое апреля сорок второго года на лыжах и трех оленьих упряжках проникла в тыл врага сквозь его боевые порядки. Взвод младшего лейтенанта Степана Шалькова двигался в арьергарде колонны. В качестве дозорных находилось отделение сержанта Трифона Барахматова, добровольно вызвавшегося, как он сказал, торить тропу и, если понадобится, первым принять огонь на себя. Оленьи упряжки, каждая с двумя саними, которые вели бывшие пастухи Ненецкого оленсовхоза Яков Вокуев, Захар Рочев, Илья Семяшкин из транспортного батальона Николая Замывалова, везли запас продовольствия и боеприпасов. Это для воинов-оленеводов была уже вторая вылазка во вражеский тыл. Первая, к сожалению, закончилась печально — погиб ездовой Тихон Пырерка и было потеряно восемь оленей, которых даже не удалось освежевать и вывезти в расположение батальона.

Конечным пунктом движения колонны на карте-верстовке капитана Обухова значилась высота 312, находившаяся в шести километрах от передовой. По сведениям разведки, высота была хорошо укреплена гитлеровцами и на ней разместились батареи тяжелых минометов, постоянно ведущих огонь по

передовой советских войск и доставляющих много неприятностей. К сожалению, из-за малочисленности советской авиации на Карельском фронте ее не могли использовать для подавления столь небольших целей, как батарея. И вот эту-то батарею приказано было уничтожить.

— Это ваша сверхзадача, товарищ Обухов! — сказал на прощание комбат и «отрубил» рукой что-то невидимое.

— Постараемся ее выполнить, товарищ комбат, — ответил командир роты. — Надеюсь, что это только наш «орешек»?

— Для других намечены другие «орешки»!

— Слушаюсь, товарищ комбат!..

Продвижение обуховцев к цели оказалось довольно удачным — их фашисты с высот не заметили. И к полуночи рота вышла на рубеж штурма. Здесь, несмотря на еще глубокий снег у подножия сопки, всем пришлось встать на лыжи. Оленьи упряжки отвели в небольшую поросшую лесом впадину, где натренированные животные были повалены в снег и как бы замаскированы, поскольку сразу же вместе с людьми и саними их покрыло толстым слоем снега.

Неожиданно с высоты ударил пулемет. По «голосу» командир роты Обухов сразу определил, что очередь, причем очень длинной, разродился немецкий МГ-34-й. Но по какой цели он бил? И что понудило его к стрельбе в такую непроглядную ночь?

— Может, нас учуяли гансы-то? — хотя и тревожно, но приглушенно прозвучал чей-то голос, когда капитан Обухов созвал командиров взводов для экстренного обмена мнениями.

— Пули ушли в другую сторону, значит, наше появление пока не замечено. Думаю, у фашистов пошаливают нервы, ведь они наслышаны о прошлом рейде майора Терехова. Вот на всякий пожарный и резанули очередь по склону сопки, — сказал командир роты и спросил: — Сразу штурманом высотку или сперва прощупаем подступы к батарее разведкой?

И здесь мнения разделились. Более молодые и порывистые командиры Первого и Второго взводов младшие лейтенанты Степан Шальков да бывший работник Шапкинского оленсовхоза Олег Канев высказались за немедленный штурм. А более умудренный жизнью командир Третьего взвода старшина Николай Овчинников, уроженец Мезени, категорически отверг предложение молодых коллег.

— «Не изведав броду, не суйся в воду!» — говорили наши предки, а они во многом были мудрее нас. Так прислушаемся к голосу разума! — сказал он.

И капитан Обухов немедленно встал на сторону Овчинникова, хотя в батальоне слыл «Аркашей Сорвиголова» за свои боевые дела осенью сорок первого. Тогда, еще будучи взводным, трое суток с горсткой своих бойцов

он сражался против сотни гитлеровцев, окруживших обуховцев. Несколько раз он поднимал бойцов на рукопашную и отстоял сопку, за что одним из первых в полку был награжден орденом Боевого Красного Знамени. И награда, как считали все без исключения, была заслуженной, поскольку взвод из двадцати шести человек потерял лишь двоих убитыми и троих ранеными. А на склонах сопки после боя было насчитано около четырех десятков фашистских трупов. За этот подвиг большинство рядовых и сержантов были удостоены медали «За отвагу».

— Старшина Овчинников прав на все сто! Без разведки нельзя обойтись! — заключил капитан Обухов и тут же приказал... старшине обеспечить разведдеятельности силами его взвода. Ну, а на войне приказы не обсуждают, их выполняют!

Вскоре взвод Овчинникова чуть не попластунски ушел в снежную сутемь. Курящим из оставшихся ждал возвращение разведки очень хотелось курить. Однако над всеми довел приказ Обухова, прозвучавший еще при выходе на задание: «Во время рейда не курить! Спички, у кого имеются, сдать старшине роты!» Ослушаться никто не осмелился, потому мечта даже об единой табачной затяжке теперь теряла всякий смысл. Кое-кто попытался махорку жевать, но от такого приема, кроме отвращения, ничего не почувствовал.

А метель продолжала свою бешеную пляску, которая прекрасно маскировала обуховцев.

Неожиданно «заговорили» фашистские минометы на высоте. Немцы, видимо, решили прощупать минами ранее пристрелянные участки русской оборонительной линии и внезапно ночью нанести противной стороне более ощутимый урон.

Эту затею гитлеровцев прекрасно понял капитан Обухов. Он понял и то, что внезапный огневой налет фашистов непременно его товарищам на передовой причинит непоправимый вред. Однако он был рад и тому, что немцы на высоте не подозревают об нависшей над ними смертельной угрозе. Капитан теперь желал лишь одного, чтоб побыстрее вернулся из разведки Овчинников. Обухову не терпелось сейчас же ринуться в атаку, поскольку внезапность всегда была гарантией боевого успеха и позволяла выиграть сражение с наименьшими потерями.

«У меня в роте большинство печорян, мезенцев, канинцев, а это народ боевой, закаленный суровой природой, потому на них можно положиться...» — додумать командир роты не успел. Перед ним, как белое привидение, появился старшина Овчинников.

— Товарищ капитан, все рассмотреть в этой снежной круговерти не удалось. Но во время стрельбы их минометов мы все-таки кое-чего выяснили. Минометов пять-шесть. Все они вместе с обслугой защищены каменными

стенками. Но минометы в первой момент для нас, думаю, не главное. Главное — два пулеметных гнезда на флангах в дотах. Их, думаю, можно с пятнадцати-двадцати метров закидать гранатами и в тот же миг ринуться на батарею и...

— Понятно, все понятно, товарищ Овчинников! — перебил командир роты и продолжал: — Спасибо за сведения и за довольно грамотное рассуждение о предстоящей операции. Мы примерно так и поступим. А где твои орлы?

— Они уже на исходной, ждут команду к атаке.

— Спасибо!.. По возвращении на базу буду ходатайствовать о присвоении вам офицерского звания!

— Служу Советскому Союзу!..

Минут через десять Первый и Второй взводы обтекли высоту по подножью и привидениями двинулись по ее склонам вверх. Обухов взял на себя координацию всех действий роты, хотя прекрасно понимал, что в условиях метельной ночи без применения световых сигналов сделать это будет чертовски сложно. Договорились так: Третий взвод Овчинникова, разделившись на две группы, по единому сигналу командира роты (красная ракета в небе), осуществляет массированную гранатную атаку на пулеметы и вступает, если понадобится, в рукопашную с обслугой. По тому же сигналу Первый и Второй взводы Шалькова и Канева штурмуют с двух сторон огневые позиции минометной батареи...

И вот ракета, искрясь, прорезала небесную муть, и закипела на сопке ожесточенная схватка. Правда, прислуга пулеметных гнезд от растерянности организованного сопротивления не оказала и в первые минуты была почти полностью уничтожена. Однако минометчики мгновенно пришли в себя и оказали яростное сопротивление. В рукопашной рослые гитлеровцы превосходили низкорослых обуховцев, потому последние старались поразить мощного врага огнем, избегая обмена штыковыми ударами. Фашисты дрались с ожесточением обреченных молча, а обуховцы не жалели матерной брани, что помогало им определять местонахождение друг друга...

Наконец младший лейтенант Шальков короткой очередью из автомата свалил последнего защитника батареи, и сопку окутала жуткая тишина, пропитанная пороховой гарью и запахом обгоревших человеческих тел.

Уйти с высоты ни одному гитлеровцу не удалось, хотя кое-кто из минометчиков пытался скатиться по склону сопки и скрыться в мелколесье. Но их тут же догоняли пули обуховских автоматчиков, предусмотрительно командиром роты проинструктированных на этот случай.

А только забрезжил рассвет, вместе с ним начала гаснуть и метель. Расставив

наблюдательные посты и придав им для усиления два немецких уцелевших пулемета с боезапасом, капитан Обухов при помощи Шалькова и Канева принялся подводить итоги скоротечного, но горячего боя. Они у командира роты, к сожалению, не вызвали удовлетворения. Конечно, фактор внезапности сыграл свою роль, и первая, заглавная часть задачи по разгрому фашистской минометной батареи была выполнена. Однако среди тридцати семи трупов противника насчитали и тринадцать погибших защитников земли русской. К тому же семеро были ранены тяжело, и их надлежало немедленно переправить на оленьих упряжках в медсанбат. Но сделать это было можно только с наступлением темноты. А темнота в апреле на этих широтах с приходом не спешит. К тому же следовало учитывать и то, что противник вряд ли смирится с потерей столь важного опорного пункта с шестью тяжелыми минометами, которые более месяца безнаказанно долбили оборону русских. Особо отличились в этой схватке мужики из Великого. Степан Шальков лично отправил на тот свет шестерых завоевателей, а Трифон Барахматов — четверых. Но эта ночь оказалась последней для земляков Шалькова и Барахматова — двоюродных братьев Осипа и Емельяна Бараковых да Домеда Безумова. В этом ночном бою пронзил штык-ножом верзила-немец грудь командира отделения Семена Ивановича Сметанина. Всех обуховцев, принявших смерть, уложили в ряд, прикрыли мертвые, искаженные смертью лица шапками. Трупы гитлеровцев стаскали к пулеметным гнездам и из их тел соорудили дополнительную защиту — брустверы на случай, если фашисты надумают штурмовать высоту.

— Что будем делать с минометами? Среди нас специалистов-минометчиков нет. И в качестве трофея нам минометы не вывезти, — обратился капитан Обухов к командирам взводов.

— Нашей главной задачей было уничтожение фрицовой батареи, потому минометы надо уничтожить, — сказал Шальков.

— Канешна, надобна этот зараза гранатками рвать! Нашей армии такая добро хватает, — поддержал коллегу порывистый Олег Канев, которому никак не удавалось избавиться от зырянского акцента в минуты душевного волнения. На этот раз поддержал товарищей даже осторожный Николай Овчинников. И вскоре прогремели шесть взрывов, превративших бывшие минометы в бесформенное железо. Почти невредимыми остались лишь массивные станины, которые на «ура» тут же были приподняты одним краем на камни и превращены в дополнительные укрытия от вражеских пуль. Обуховцы тщательно готовились к обороне. Им во что бы то ни стало надо было продержаться на высоте до темноты! И только вернулось одно из

отделений Овчинникова от оленьих упряжек с продуктами и дополнительным боезапасом, как с ближней сопки, удаленной примерно на километр к юго-востоку, ударил длинной очередью крупнокалиберный пулемет. Разрывные пули лопались то тут, то там. Но вреда обуховцам они почти не причинили, если не считать легкого ранения крохотным осколком в мягкую ткань ниже поясницы, полученного Трифоном Барахматовым. Обуховцев от пуль надежно защищали укрытия, главным образом сооруженные из мертвых гитлеровцев, а также минометных станин.

— Думаю, под прикрытием пулеметного огня фашисты кинутся штурмовать сопку, — предположил Шальков.

— Вряд ли! — возразил ему капитан Обухов. — Ведь они не дураки, прекрасно слышали отголоски ночного боя на сопке, а после слышали взрывы и потому поняли, что батарея приказала долго жить. Они, конечно, попытаются нас наказать, но как?! Ведь на лыжах через лощину к нам не кинешься — перестреляем всех!

На поставленный командиром роты вопрос вскоре последовал ответ. В по-прежнему еще низком небе над высотой пронесся немецкий самолет-разведчик, по которому обуховцы успели выпустить пулеметную очередь, не причинившую самолету вреда.

— Сейчас пожалуйт штурмовики или бомбовозы, потому нам надобно немедленно покинуть сопку и рассредоточиться в залесенных лощинах, где можно пересидеть до темноты. Но на сопке должны остаться человек восемь-десять добровольцев, которые бы имитировали активную оборону. На сопке будет жарко, это должны знать все, — Обухов повел взглядом по лицам товарищей.

— У меня в отделении из десятих осталось восьмеро, но мы справимся с этой задачей, товарищ капитан! — подал голос командир Первого отделения из взвода Шалькова сержант Трифон Барахматов.

— Спасибо! — Обухов не удержался, расцеловал каждого из добровольцев.

Вскоре тринадцать погибших и раненые обуховцы были размещены на шести санях оленьего аргиша, и аргиш ясаеи увели в глубь лесной лощины, чтоб там переждать дневное, как ожидалось, самое опасное для них время. Встав на лыжи, рассредоточились по лощине, залегли и лыжники. А отделение Барахматова приготовилось имитировать активную оборону сопки, имея на вооружении четыре пулемета. В числе четырех были два немецких МГ-34, из которых успешно можно было вести огонь не только по наземным, но и по воздушным целям. На случай отхода на восточном склоне сопки были всунуты в снег восемь пар лыж. Добровольцами оказались шестеро уроженцев Великого и два брата

Головиных из Оксина.

А крупнокалиберный немецкий пулемет с соседней сопки продолжал через короткие интервалы слать длинные очереди по утраченным минометным позициям. Однако лыжники в лощине, разделяющей сопки, не появлялись. И это несколько успокоило барахматовцев. Успокоило, но не ослабило их бдительность!..

Вскоре в небе на высоте двух-трех километров, будто вынырнув из сплошной серой массы, появились три «юнкерса». Эти самолеты частенько летали над Мурманском, над передним краем обороны защитников Кольского, потому их форма и даже звук моторов всеми были хорошо изучены.

— Гитлеры-то, видно, на плечах тоже голову носят. Ишь, на какой высоте плывут. Нам из пулеметов-то их и не достать! — вдруг с грустью в голосе сказал один из братьев Головиных, пристраиваясь за штабелем фашистских трупов.

— Но мы по ним пальнем из всех четырех и заставим подняться еще выше. Пусть-ка они тогда попадут по сопке бомбами! — вмешался в разговор Барахматов.

И высота ошетичилась огнем из всего наличного оружия. Однако самолеты, идя на прежней высоте, поочередно сыпанули по сопке бомбами. К счастью защитников высоты, лишь одна из бомб ударила по склону сопки, остальные разорвались в пространстве меж высотами.

— Аха, промахнулись, сволочи! — радостно выкрикнул кто-то из односельчан Барахматова. И тот, несмотря на свою молодость, суеверно перекрестился.

— Бросьте каркать, земляки! Самое жаркое для нас еще впереди! — сказал он, обращаясь к отделению.

А самолеты между тем сделали разворот, еще издали дали по высоте из пулеметов и с еще большей высоты высыпали новую порцию бомб. Однако бомбы, как и следовало ожидать, пронесли мимо высоты. Но фашистам огнем из пулеметов удалось сразить одного из братьев Головиных.

«Юнкерсы», отбомбившись, скрылись за сопками. А примерно через час над сопкой появилась пара штурмовиков. Они издали обстреляли высоту из пулеметов, а после с большой же высоты кинулись в пики и сыпанули на обороняющихся серией мелких мин, прозванных в среде фронтовиков «ракушками». По штурмовикам был открыт огонь трассирующими и бронебойными из всего наличного оружия. И при повторном пикировании один из самолетов загорелся. Волоча за собой шлейф черного дыма, он ушел за горизонт. За ним убрался и второй, неповрежденный.

Однако среди защитников высоты ликования по этому поводу не было, поскольку из трех-

четыре десятков сброшенных самолетами мин шесть разорвались в центре высоты. На этот раз от пуль и мин погибли еще трое барахматовцев.

— Так до вечера-то нас всех изведут, сволочи! — не обращаясь ни к кому конкретно, пожаловался Головин.

— Не будем пускать сопли, Иван Игнатьевич! Мы сами вызвались остаться на высоте! — по праву командира прикрикнул на красноармейца Барахматов, хотя в глубине души он был полностью солидарен с Головиным.

К исходу дня в отделении Барахматова в живых осталось лишь четверо. Но они продержались до темноты и выполнили основную задачу: не позволили усомниться гитлеровцам в том, что на высоте по-прежнему находятся значительные силы русских...

Уже в упавшей на землю темноте, прихватив погибших товарищей и их оружие, оставшиеся в живых барахматовцы спустились с высоты. Вскоре, поставив в середину колонны траурный оленпоезд-аргиш, обуховцы, используя лесные лощины, двинулись в обратный путь. И все-таки капитан Обухов исходом боя за высоту был удручен. Конечно, он поставленную перед ротой задачу выполнил, но какой ценой?! Семнадцать погибших и семеро раненых! Не дорого ли заплачено за фашистскую батарею из шести минометов?!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Не удалось на этот раз вывести в расположение своей бригады без приключений оленпоезд-няпой с ранеными да с рыбой и лейтенанту Каневу. Правда, в первую ночь по заснеженным лощинам поезд, ведомый опытными бойцами-ясавеями Захаром Анисимовичем Рочевым да Ильей Федоровичем Семяшкиным, сделал довольно приличный — километров в сорок — рывок к расположению советских войск. И многие бойцы из взвода сопровождения, да и раненые, уже готовы были поверить в некую небесную силу, которая оберегает их от вездесущей воздушной разведки противника. Если бы не это, рассуждали они, то фашисты непременно обнаружили бы громоздкий, маломаневренный поезд и навели бы на него самолеты-штурмовики или достаточно мобильную группу своих лыжников-карателей. И тогда бы большой крови не избежать. Но пока все шло более-менее благополучно. Старший из ясавеев Захар Рочев в какой-то миг даже пожалел, что перед выходом в рейд настоял на включении в резервную группу еще около пяти десятков оленей.

— Война ведь! Самолетка немецкий может урон делать, опять же мина, снаряд угодить аргиш может, да и любой высотка может стрельба открыть. Олешка убить, ранить могут, потому запасной животинка надобна побольше

собой брать, штоб обратный дорога заматка не было, — несколько искажая русские слова, сказал он комбату, сказал просто, как когда-то на бригадном совещании в чуме с братьями-оленеводами. И эта обыденность, далекая от воинской субординации, видимо, подкупила сурового комбата.

— Что ж, товарищ Рочев, ты отвечаешь за поезд-няпой, тебе и вожжи в руки! Берите в резерв столько олешков, сколько считаете нужным, — сказал гвардии майор и крепко пожал солдату руку...

И вот теперь этот аргиш из десятков не впряженных в сани животных, идущих на поводках за нартами, оказался обузой. И обуза эта главным образом выражалась в том, что в узких, залесенных проходах меж высотами животные часто оказывались по ту и другую сторону какого-либо деревца. Это обстоятельство вынуждало останавливать движение всего поезда-аргиша, чтоб освободить животных.

До полудня восьмого мая ничего не предвещало беды, хотя она могла обрушиться на эшелон в любую минуту. Однако подстерегала оленпоезд все-таки другая неожиданность. При выходе из очередной заснеженной седловины на небольшое плато, за которым виднелась плотная стена спасительного леса, передовые подсаночные Захара Рочева наткнулись на самолет-истребитель с красными звездами на фюзеляже и крыльях, который по «брюхо» сидел в снегу. «Ястребок», совершив вынужденную посадку, проделал в снегу колесами две борозды около десяти метров длиной. Как заключили обследователи лейтенант Канев и ясавей Семяшкин, самолет приземлился здесь около часу назад. Ими же было установлено, что оказавшийся в кабине пилота уже без признаков жизни младший лейтенант, будучи смертельно раненным, — на что указывали две пулевые пробоины в фонаре — все же нашел в себе силы и посадил машину прямо в снег. Глубокий снег, видимо, и уберег самолет от разрушения.

— Как обидно, ведь не дотянул до своих-то пять-шесть километров! — матюгнувшись, сказал лейтенант Канев, открывая кабину пилота. — Летчика заберем с собой. Не оставлять же его на поругание фашистам, — добавил, откинув фонарь.

— Товарищ лейтенант, а не взять ли нам самолет на буксир? В феврале мы оленями с нейтралки вытащили даже штурмовик. А штурмовик-то, пожалуй, в два раза потяжелей «ястребка» будет, — неожиданно обратился к Каневу командир второго отделения сержант Шерстобитов, оказавшийся во взводе за неделю до рейда с пополнением из госпиталя.

— Сержант-то, пожалуй, умный слово сказывал. Олешка свободный у нас имеется, упряжь тоже есть. Надобна пробовать самолетка тащить, — поддержал Шерстобитова

ясавей Семяшкин.

Затая с транспортировкой попавшего в беду самолета большинством воинов была принята. После короткого освещения оленпоезд с ранеными и рыбой, ведомый ясавеем Рочевым, продолжил движение к передовой. Для его сопровождения было выделено два отделения стрелков во главе с лейтенантом Каневым, который был ответственен за жизнь не только бойцов своего взвода, но и сорока семи раненых партизан.

Подле самолета остались девять лыжников под началом сержанта Шерстобитова и ясавей Семяшкин с двумя десятками тягловых оленей-быков. Солдаты сразу же принялись разгребать снег вокруг «ястребка», применив вместо лопат лыжи. Снег был свежий, зимними метелями не уплотненный, работа потому спорилась. А командир Шерстобитов и ясавей Семяшкин ладили упряжь и протягивали построшки к стойкам шасси самолета.

— Главное, самолет с места сдернуть, а там он за олешками побежит. Вот только немчура бы не помешала, — лишь успел сказать Шерстобитов, как по корпусу «ястребка» ударили несколько пуль, а следом с ближайшей залесенной высотки донесся сердитый «говор» фашистских шмайсеров. Первыми очередями были убиты мезенец Серафим Попов и три оленя. Отделение Шерстобитова мгновенно залегло и открыло по высоте ответный огонь. Однако все понимали, что не уплотненный зимними метелями снег — защита довольно ненадежная, что на этой позиции долго не удержаться. И для отступления пути были отрезаны, ведь до ближайшего леса, в котором скрылся оленпоезд лейтенанта Канева, было не менее двухсот метров.

— Видимо, фашисты засеки, как «ястребок» пошел на вынужденную, и вот подоспели, сволочи! — посетовал Шерстобитов, короткими очередями обстреливая высотку из своего пэпэша.

— Пожалуй, так и случилось, сержант! Но теперь надобно думать о другом, — откликнулся на голос командира отделения ясавей Семяшкин. — Олешков надобно отпускать, а не то немцы их всех перестреляют, — добавил и, обнажив финку, змеей пополз к упряжным оленям, которые, почуяв кровь соплеменников, метались из стороны в сторону.

Однако сержант сердитым окриком вернул Семяшкина на исходный рубеж.

— Думаю, каждый из нас понимает, что мы оказались в ловушке, из которой фрицы нас так просто не выпустят. Потому предлагаю двум-трем добровольцам, — только добровольцам! — остаться со мной подле самолета. Остальные встают на лыжи, берутся за построшки и за оленями устремляются в лес. Наша задача — прикрыть огнем отступление товарищей. Согласны с таким решением? — Шерстобитов, выпустив очередную порцию свинца по опушке, быстрым взглядом скользнул по лицам

товарищей. — Кто согласен остаться, прошу ко мне!

Первым примкнул к сержанту Максим Чупров, за ним — Михаил Головин. Тот и другой родом были из Припечорья. Первый — из деревни Каменка, второй из районного Оксина. Третьего добровольца не оказалось. Огорчило ли это сержанта Шерстобитова, неизвестно. Но внешне он оставался, насколько позволяла обстановка, спокойным и рассудительным.

— Братцы, вы понимаете, что наш шанс на спасение мизерный? — обратился он к добровольцам.

— Понимаем, сержант, не вчера родились, — отозвался на вопрос сержанта Головин. Чупров в знак согласия с товарищем мотнул лобастой головой.

— Спасибо!.. А теперь всем остальным встать на лыжи и взяться за построшки!.. Твоя задача, товарищ Семяшкин, управлять этой несколько необычной упряжкой! Построшки обрежу я подле стоек самолета. И мы вас прикроем огнем! — Шерстобитов дал длинную очередь по высотке и, выхватив финку, скатился под фюзеляж самолета, который для смельчаков пока служил неплохим прикрытием от фашистских пуль, летящих с высоты.

— Ого-го-го! — крикнул Семяшкин, стеганул вожжой передового по боку, и упряжка из семнадцати быстроногих животных, увлекая за собой пятерых лыжников, вихрем помчалась в направлении густо залесенной ложбины.

Тут же по высоте один за другим длинными очередями ударили автоматы шерстобитовцев. Однако кому-то из фашистских преследователей удалось дать очередь из автомата по уходящей упряжке и подбить двух олешков, которые, волочась на боку, резко затормозили движение отступающих. Но Семяшкин, хорошо знавший принцип запряжки, очень быстро отделил подстреленных животных от основной массы. А шерстобитовцы в тот же миг расширили зону и интенсивность обстрела высоты, да так удачно, что гитлеровцы в догон уходящим не сумели послать больше ни единой пули. Зато они перенесли всю мощь своего огня на оставшуюся подле самолета горстку воинов. Фашисты решили выкурить красноармейцев из устроенного ими убежища и первой же очередью трассирующих пуль подожгли самолет, который мгновенно вспыхнул громадным факелом.

— Ребята, за мной! Под прикрытием этого костра мы попытаемся оторваться от гадов! — не выкрикнул, а прохрипел Шерстобитов и, сильно оттолкнувшись палками, первым покинул бывшее укрытие, в котором через короткие минуты должен был взорваться «ястребок».

Головини Чупров последовали за сержантом. Им удалось одолеть чуть больше сотни метров, когда за спинами раздался мощный взрыв.

Шерстобитов интуитивно приостановился, глянул на опадающее пламя на месте стоявшего несколько мгновений назад самолета. И в этот миг немецкая пуля ударила ему в правую щеку, выбила коренной зуб, пробила насквозь язык и застряла во рту.

— Ы-ы-от! — прохрипел сержант, указав палкой в сторону уже близкого леса, и выплюнул зуб и пулю вместе со стучками крови. Минут через пять они скрылись в лесу, наткнулись на след семьяшкинской упряжки и, не жалея сил, принялись догонять ее, понимая, что далеко в таком громоздком порядке по сильно пересеченной местности она не уйдет...

В это самое время поезд с ранеными партизанами и с рыбой, возглавляемый лейтенантом Каневым, был уже в сотне метров от передовой. И здесь их обстреляли неведомо откуда вынырнувшие два «мессера». От их пуль погибли трое раненых и четыре оленя.

Вечером два десятка рейдовиков получили возможность помыться в бане-палатке и ушли на двухдневный отдых. А ясавеям Захару Рочеву и Илье Семьяшкину было приказано вновь готовиться в путь. На этот раз им предстояло с двумя поездами-няпоями, загруженными почти двумя сотнями раненых, отправиться в Кандалакшу.

Шерстобитовцы одолели дальнейший путь к своим без приключений. Самого сержанта, оказав ему первую медицинскую помощь, отправили также в Кандалакшу. Язык у Шерстобитова распух и с трудом помещался во рту. Однако фронтовые медики пообещали сержанту, что со временем рана на его языке зарубцуется, и он сможет говорить.

Группа капитана Обухова через неделю после неудачного штурма аэродрома Лоустари с ротой партизан из отряда «Полярник» отправилась в рейд в близкий к озеру Онежскому район...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Весной сорок второго года помимо усиленной роты капитана Обухова на северном фланге Карельского фронта в тылу противника действовала и десантная группа двенадцатой бригады морской пехоты. Этой группе был придан оленетранспортный взвод под командованием лейтенанта Ивана Чупрова, уроженца земли ненецкой. Чупров был из кадровиков-пограничников. Осенью сорок первого ему предстояло демобилизоваться, но грянувшая война спутала все на свете. Небольшого роста, как и большинство его сородичей-коми, Иван обладал светлым умом и отменной храбростью. Потому командир группы моряков, наблюдавший за оленно-транспортным батальоном Замывалова, и остановил свой выбор на Чупрове, когда формировалась десантная морская группа.

Двадцать восьмого апреля, преодолев сопротивление фашистской береговой обороны, на мыс Пикшуев с морских

«охотников» и ведомых ими барж с минимальными потерями высадился батальон морской пехоты и с ходу завязал схватки с подходящими резервами гитлеровцев, оттесняя их в глубь материка. Поскольку задача десантного батальона была несколько шире, чем захват на Пикшуеве плацдарма, часом позже к мысу подошли рыбаговецкие тральщики с легкими баржами, на которых был расположен оленетранспортный взвод с двумя сотнями животных и с семью десятками саней, предназначенных для транспортировки военного снаряжения, боеприпасов и раненых. Обстановка была напряженной. Ведь в любую минуту над местом высадки могла появиться авиация противника, которая, вне сомнения, уже получила известие о вторжении на Пикшуев с моря русских морских десантников. И в этом случае не только осложнится положение наступающих на позиции врага морских пехотинцев, но под угрозой будет и само существование морских судов вместе с людьми и оленями, поскольку группа не имела надежного прикрытия с воздуха. К тому же суда приблизиться к берегу не сумели. И если морские пехотинцы и значительная часть бойцов оленетранспортного взвода высадились на берег при помощи шлюпок, то оленей в шлюпки не посадишь. И в этот, казалось, критический момент к командиру батальона морских пехотинцев обратился командир транспортного взвода Иван Чупров:

— Товарищ комбат, прикажите связать сани аргишом одни за другими. Мы потянем сани за веревку на берег. И олени сами поплывут за саними.

Моряк согласился, и работа закипела. Вскоре санный аргиш потянулся к берегу, а за ним, прыгая с барж в воду, поплыли к берегу и олени. До появления в небе фашистских самолетов успели убраться восвояси морские суденышки, были сформированы упряжки. На некоторых нартах были установлены ручные и станковые пулеметы. Эти своеобразные северные «тачанки» могли очень быстро менять огневую позицию и потому появлялись на самых неожиданных для фашистов участках, оказывая морякам неоценимую огневую поддержку.

Полмесяца десантники вели тяжелые, кровопролитные бои за Пикшуев. Не раз возникали критические моменты, когда казалось, что фашисты вот-вот скинут их в море. Но здесь всякий раз приходили на выручку впервые получившие применение северные «оленетачанки». Поддерживая моряков, завидную смекалку, даже дерзость проявили и многие бойцы оленетранспортного взвода, помимо огневой поддержки совершавшие и разведывательные вылазки. В один из дней главным героем оказался оленевод Илья Пьянков из подразделения разведчиков. Пьянков знал, что комбатом перед

разведчиками поставлена задача во что бы то ни стало добыть «языка». И Илья, ни с кем не советуясь, решился на отчаянный шаг, даже, казалось, на безрассудную дерзость. Только над Пикшуевым стустился туман, Пьянков на упряжке из пяти быстроногих хабторок ворвался в передовые порядки фашистских войск.

— О-о, рус Иван! Давай, давай, подарка делай! — завопил один из захватчиков, широко улыбаясь. Этот гитлеровский вояка ни на секунду не усомнился, что им подвалило великое счастье в виде пяти олешков, из которых можно было сделать не только дополнительное жаркое или суп, но и шашлык, который фашистский завоеватель очень обожал. Да и остальные фашисты на этом участке в оленьей упряжке не усмотрели для себя никакой угрозы, хотя и не могли понять, что же привело в их боевые порядки этого дикаря. А «дикарь» между тем, быстро развернувшись, набросил на голову одного из гитлеровцев заранее приготовленный аркан-тынзей и мгновенно исчез в оседающем на землю тумане. Прогрепевшие вслед Пьянкову запоздалые автоматные очереди никакого вреда ни ему, ни упряжке не причинили.

Несказанно удивил Пьянков и своих сослуживцев, когда волоком доставил в расположение батальона потерявшего сознание, полуживого гитлеровца.

— Давай, ставай! Хватит лезать-то! — тормошнул он пленного, ткнув носком сапога под задницу.

Однако фриц хотя и трепыхнулся, но продолжал лежать, со стоном и кряхтением разглаживая ладонями занемевшую и малость поврежденную тынзеем шею.

— Где же ты, Ильяка, такого зверюгу арканом подцепил?! — не скрывая восхищения поступком товарища, спрашивали морячки, подступив к упряжке Пьянкова.

— Там, у фасыстов, — Илья махнул рукой в сторону передовой, жадно раскуривая поданную кем-то сигарку.

— Тебя за фашистом ваш лейтенант послал?

— Засем послал? Я сам посол. Селый неделя думал, как фасыст притассыть. И надумал. Поеду фасыстам гости. Думал, засем фасыст стрелять станет? Ведь селовек руках один хорей дерзыт! Так и соверсылось. Я тынзей фасысту сею клал и тассыл сюда, вот!..

Между тем пленного привели в чувство, оказав первую медицинскую помощь, и сопроводили в штаб. А утром следующего дня за столь необычный героический поступок Илье Петровичу Пьянкову комбатом была прикреплена на грудь боевая медаль «За отвагу».

— Носи, братишка, с гордостью. Ты ее заслужил не только удачью, но и остроумием! — сказал при этом офицер-моряк.

— Слузу Совецкому Союзу! — глухо

прищелкнув каблуками и сверкнув черными глазами, ответил оленивод-разведчик...

Наконец, отвоевав надежный плацдарм на Пикшуеве, который фашисты так и не сумели вернуть до полного их изгнания с седого Мурмана в сорок четвертом, батальон морской пехоты с оленетранспортным взводом Ивана Чупрова, получив пополнение в живой силе, в транспортных средствах, в снаряжении и боеприпасах, передислоцировался к реке Западная Лица. Преодолев на подручных средствах и на оленьих упряжках вплавь реку, моряки и бойцы-олениводы влились в состав Четырнадцатой армии, оборонявшей правый берег.

Однако наряду с успешными рейдами по тылам врага случались досадные неудачи и крупные потери. Во второй половине мая из разведподразделения 14-й армии ушли в поиск в расположение вражеских войск три группы воинов-добровольцев общей численностью шестьдесят человек. Радиосвязь с ними была утрачена через сутки и больше не возобновлялась. Люди будто в воду канули. Тайна исчезновения шестидесяти отважных северян так и осталась тайной навсегда. Не всякий раз были удачными и действия оленетранспортных подразделений. Хотя от них, обеспечивающих действия советских воинов в тылу врага всем необходимым, зависело очень многое. В майских боях на Западной Лице оленетранспортный взвод лейтенанта Чупрова попал под удар фашистской штурмовой авиации и понес значительные потери. Аргиши, устремившиеся с боеприпасами на одну из господствующих над местностью сопков, где держало оборону одно из подразделений Десятой дивизии, были почти полностью уничтожены. У защитников высоты из-за отсутствия патронов и гранат создалось критическое положение, чем не замедлили воспользоваться гитлеровцы. Они окружили малочисленную группу красноармейцев и потребовали:

— Рус швабен, здавайс! — и ринулись вверх по склону высоты в психическую атаку.

— А х... в глотку не хотите ли, гитлеровски звери?! — ответили защитники высоты, среди которых были выходцы из Великого Николай Слезкин и Петр Головин. Однако стрелять было нечем. Фашисты поняли безвыходность положения русских и с галдежом полезли к вершине. И в этот самый миг на головы фашистов обрушился град камней и откинул вооруженных до зубов завоевателей на добрую сотню метров назад вниз.

Эта бесприметная в истории войн схватка продолжалась более трех часов. И воины-северяне вышли из нее победителями. Вскоре подоспевшим подкреплением кольцо окружения было прорвано, на высоту сразу же устремился запасной аргиш с боеприпасами. И гитлеровцы навсегда были изгнаны с этого пятачка Кольской земли...

Родной земли благодать

Произведения победителей и призёров Открытого регионального литературного конкурса, посвящённого 95-летию со дня рождения А.С. Коткина

Владислав Чупров
с. Трусово, Республика Коми

Три полена

Утро. Зима 1944 года. Шестидесятипятилетний, ещё довольно-таки крепкий широкоплечий старик Иван Иванович, прихрамывая, вышел на своё крылечко, задымил самокруткой, подумал – как хорошо дома. Он вчера вернулся с участка – три месяца грузили брёвна в вагоны.

«Всё для фронта – всё для Победы». Скорее бы она уже пришла, надо в деревне мужские молодые руки. А то ведь из мужчин – одни старики и инвалиды.

Взгляд его упал на дровишки у крылечка, которые он вчера напил из жердей от изгороди. И увидел на свежем снегу след от санок за калитку, заинтересовался.

Спустился с крылечка, пошёл – куда же ведёт след от его дров? Идти было недалеко, через дорогу во двор соседнего дома.

Ограды вокруг дома уже не было, да и на крылечке все дощечки уже были оторваны. Всё ушло на отопление.

У крылечка стояли санки... и на них три полена, которые вчера Иван Иванович приготовил для своей печки. И тут из дома вышел двенадцатилетний мальчик, в деревне по имени его никто не называл, только учителя в школе. В деревне все его звали Бабкин. Потому, что он жил со своей бабушкой. Отец в первые дни войны пропал без вести. А мама его умерла при

тяжёлых родах, так и не родив. Бабкин внук открыл дверь, вступив за порог, увидев соседа, хотел обратно нырнуть за спасительную дверь. Но собрав всё своё мужество, мальчик вышел навстречу. Иван Иванович встретился глазами с маленьким воришкой.

У того на глазах были слёзы, но он смотрел прямо. Иван Иванович посмотрел на мальчика, на его впалые щёки, худенькие плечики... и сердце сжалось от жалости – хоть кричи. Иван Иванович протянул руку мальчику для рукопожатия и смущённо сказал:

– Вот... давно не виделись. Поздороваться зашёл, – и пожав мальчику его маленькую ладошку, тут же быстро повернулся и пошагал к своему дому. Вечером Иван Иванович после колхозной работы взял топор и пилу. Выпил на дрова остатки своей ограды и уже ночью вывозил эти дрова на санках к крылечку в соседний Бабкин дом. Подумал – ну теперь до весны точно хватит.

Соседская бабушка до весны не дожидая – похоронили. Бабушкиного внука увезли в детдом. После Победы старик загородил новой изгородью свой дом и обнёс оградой пустующий соседский дом. Прошло десять лет. Весна 1954 года. Однажды старик, выглянув в окно, увидел высокого парня в солдатской одежде без погон в Бабкином дворе – в голове мелькнула радостная мысль: «С войны вернулся сосед!» Хотел выйти на улицу, но от радости отказали ноги... сел на табуретку, остался дома.

К вечеру того же дня затарахтел трактор на улице. Послышался какой-то грохот. Иван Иванович схватил свой посошок и поспешил выйти. Во дворе лежала огромная куча берёзовых дров! К Ивану Ивановичу подошёл высокий здоровенный парень в солдатской одежде, обнял Ивана Ивановича и сказал:

– Дедушка, это я – Бабкин внук – давно не был! Поздороваться зашёл! – и счастливо засмеялся.

Старик обнял парня, из глаз его текли старческие слёзы и всё шептал: «Слава тебе, Боже, вернулся. Вернулся...»

Ольга Пашун

г. Нарьян-Мар, НАО

У каждого правда своя

Баба Агафья жила отшельницей. И дом на краю деревни, и характер замкнутый.

– Ходит, как кол проглотила, ишь гордая, обчество избегает! – шипели вслед ей бабки, – в городе-то не уработалась.

Только ещё не плевались.

Третьеклассница Светлана удивлялась сердитости бабок. Они, бывало, кучковались у магазина, обсуждая очередную жертву, но без злости. Скорее по привычке да доброте душевной, желая наставить на путь истинный. А тут...

– Баб Маня, – спросила она однажды после школы соседку, сидящую на лавочке возле дома, – а почему вы бабу Агафью не любите?

Пожилая женщина, растерянно поглядев под ноги, поставила клюку к дому. Казалось, палка подпёрла старые стены, не давая им рассыпаться. Баба Маня поправила клетчатый платок, зачем-то потрогала пуговицу на бархатной тужурке. Переступив ногами, несмотря на теплую погоду покоящимися в валенках с галошами, проворчала:

– Ты иди-иди, давай уроки делай, не суй свой нос, куда не след.

– Да я уже сделала на продлёнке. Просто вы так сердитесь, когда говорите о ней.

Старуха встрепнулась:

– Ведьма она, смотри, никакие годы её не берут. Нас согнуло в три погибели, носом землю пашем, а она как лебедь белая плывёт. Припёрлась с города на старости лет. Мёдом ей, что ли намазано. Мы здесь на ферме да на пугине жили тянули, детей поднимали, надрывались, а у неё ни мужа, ни детей. Не жизнь, а разлюли малина, – от нахлынувшей волны зависти закашлялась и вдруг замолчала, прикрыв маленькой, ссохшейся, в коричневых пятнах ладошкой рот. словно пыталась затолкнуть уже произнесённые слова обратно.

Светлана, проследив за взглядом притих-

шей старухи, увидела бабу Агафью, идущую по центральной улице к сельсовету. А там суета, к празднику готовятся, ко дню Победы. А как же, великий праздник и встретить надо достойно. Война, она всех задела, хоть краешком. Вот только ветеранов в деревне почти не осталось, чтоб в президиуме сидеть. Ну, ничего, труженики тыла выручат. Не до Агафьи. Постояла, потопталась и пошла прочь. Сумочку только хозяйственную оставила на табуретке. Уже на выходе кто-то окликнул, махнула рукой.

Дома помолилась перед иконкой закопчённой, уже и лика не видно, от бабушки осталась. После чая с баранкой прилегла отдохнуть. Могла бы она рассказать девчужке, которая с Марьей разговаривала, почему не любят её на деревне, да зачем? Прошла боль, от которой слёзы ручьями текли. А так, что ворошить прошлое... у каждого своя правда.

В 44-ом призвали Агафью в армию, прошла курсы медицинские и под весну оказалась на третьем Прибалтийском фронте. До лета шла подготовка к наступлению. Вот тут-то и накрыло её самой настоящей большой любовью.

Разведчики – люди отчаянные, ничего не боятся. Однако Михей месяц вокруг девушки кренделя выделывал. Вернётся с поиска и к медсанбату.

Потом расстаться не могли, всё говорили, говорили. А о чём, и не вспомнить. Но так хорошо, тепло было.

Убили Михея летом, при наступлении. Дружка его, Петра, ранили тяжело, жив ли? Аннушка, с которой девушка сдружилась, вытащила его. Только себя не сберегла, погибла. А как сберечь, когда ад кромешный. Плакать не плакала, сил не было, успевай раненым помогать. Сердце каменным стало от слёз застывших. Потом сама в госпиталь попала. Мина, разорвавшаяся рядом, тело осколками нащиповала, не думала в живых остаться.

А родная деревня встретила неласково. Она каждого обнять хотела, войне конец! Живы! Победа! Радоваться бы, ан нет...

В медпункт к ней мужики повадились, то спиртика канючат на опохмелку, мол, душа горит, то на кашель жалуются, лекарство просят. Только видит она, другой интерес у них, надуманно всё. Разговаривала жестко. А тут принесла нелёгкая Саньку килатого, которого так и звали Санька-кила. Его и в армию по немощи не взяли. Агафья на такого и в голодный год не взглянула бы. Следом за ним жёнка его забежала и ну голосить:

– Разлучница, отца у детей увести хочешь! – и «та-та-та», как автоматная очередь. Бабы подтянулись, поклёвывают:

– Знаем, чем там на фронте занимались...

– Мужиков хоть ложкой ешь ...

– Сёдни жив, завтра нет, чего теряться... – раздавалось с разных концов толпы, собравшейся у крыльца.

Агафья собрала нехитрые пожитки и, несмо-

тря на уговоры матери, уехала в город. Там в заводской медсанчасти всю жизнь и проработала. Семьи не создала. Говорила себе: «Кому пустая баба нужна, которая и дитя родить не сможет». Врач в госпитале честно сказал. Да и подойдёт какой мужик, а она Михея рядом видит, ничего поделать не может.

Домой только на похороны приезжала. Сначала маму проводила, а затем и сестра, которая занедужила, простыв на путине, ушла следом. Отец ещё до войны утоп на рыбалке. Вот и осталась Агафья одна-одинёшенька. Что ей в городской квартире делать? Из угла в угол шастать?

Поехала в деревню, в дом родительский. Доски с окон сняла, намыла всё.

С сельсовета заходили, спрашивали, будет ли дрова заказывать на зиму. Она в ответ – нет, не надо, до зимы не доживу, так что зря не волнуйтесь. Помирать приехала. Не поверили, хоть и старая, но крепкая. А её уже ничего не держало на земле. Михей нынче приснился, стоит на другом берегу реки, улыбается, рукой машет. Значит, срок подошёл. Медали в сельсовет отнесла, может, для музея сгодятся.

Светланка вечером к соседке забежала:

– Баб Мань, нам для музея надо воспоминания записать у ветеранов, подскажите, с кем поговорить?

– Да и не осталось, подит-ко, ветеранов-то, может Иван Фёдорыч, старый хрыч, дак он в больнице. Ишшо Савелий был да сплыл, дети в столицу забрали... а ты сходи к Агафье, может, расскажет что.

– А разве она воевала? Я и не знала, – глаза девчущки от удивления распахнулись.

Баба Маня вздохнула:

– Воевала, только разговоришь ли её, молчунью?

– Баба Маша, а пойдём вместе, я стесняюсь одна.

Старушка для вида поворчала, но потихоньку оделась и, взяв клюку, отправилась вслед за тараторившей Светланой.

У дома Агафьи столкнулись с председателем.

– Что ж никто не подсказал, что Агафья Тихоновна воевала? Я ведь и знать не знал.

«Откуда тебе знать-то, милый, после войны родился, её уже здесь не было», – подумала Марья, но промолчала. Чувствовала она какую-то вину, держащую её как собаку на поводке в напряжении.

– А мы смотрим, сумка Агафьиная лежит, а в ней шкатулка. Открыли, там медали и документы. Вот я и побежал на праздник пригласить, как почётную гостью, – закончил председатель с уважением в голосе.

Лопата, прислонённая к дому, не перегоразживала вход, значит дома хозяйка. В сенях отряхнули ноги голиком и, постучав, зашли.

– Агафья, добрый вечер, мы к тебе по делу, – баба Маша потопталась у входа и пошла через кухню, – спишь, что ли?

Председатель и девчущка нерешительно тронулись за ней.

На кровати лежала Агафья в нарядной косынке, в платье, ни разу не одёванном. Туфли сиротливо прижались к ножке кровати. В руках, сложенных на груди, кружевной платочек. Гостей поразила счастливая улыбка, застывшая на лице хозяйки.

– Умерла что ли, Царство ей небесное, – баба Маня неуклюже перекрестилась.

Хоронили Агафью всем миром, хорошо хоронили. Был торжественный караул, пальнули в небо, распутав воробьёв на ветках берёз. Бабки перешёптывались:

– Вот и пришёл её день Победы.

– Да, чуть-чуть не дотянула...

– Когда мыли её, касаточку, на теле живого места не было, всё в шрамах...

– И ведь не жаловалась никогда....

– Гордая была, – вытирая слёзы подытожила баба Маня.

Смерть примирила всех, делить было нечего. У каждого своя правда.

Надежда Яркова

г. Нарьян-Мар, НАО

Имушки

Мишка открыл глаза и сразу решил: убегу сегодня. Это решение зрело в нём давно, заполняло всю его худенькую фигурку и заставляло немного недоверчиво смотреть на воспитателей и нянечек интерната. Мишку привезли в деревню в начале зимы, привели в большую комнату мальчишек и велели убрать вещи в тумбочку. Это-то Мишка выполнил, и довольно-таки легко, а вот душою прислониться пока не смог ни к кому. Нет, нет, нянечки были добры, и повариха тётя Лена смотрела ласково, и ребята сразу же в свои игры приняли. Но Мишке нужно было что-то большее, своё, личное, что мог он доверить только одному человеку.

Тут Мишка вздохнул, потому что как раз такого человека он и выделил для себя. Как только он увидел воспитательницу, сразу окрестил её Тёткой. Не в смысле как чужого, равнодушного человека, а вот именно тёткой, тётушкой, близким родственником. Тётка была красива, хорошо играла на гармошке и знала столько разных историй, особенно про свою деревню. Мишке казалось, что он никогда их не переслушает. Истории рассказывались вечером после отбоя, и Мишка всегда торопился юркнуть в постель, чтобы приблизить волшебные минуты. Другие ребята ещё долго возились, иногда выясняли отношения, эти минуты оттягивались, и Мишка всегда терпеливо ждал, а Тётка тоже терпеливо успокаивала забияк и по-матерински жалела обиженного.

Мишка сразу оценил в ней это: пожалуй, прижать к себе, погладить. И почти сразу стал мечтать, чтобы когда-нибудь всё это предназначалось только ему, ему одному, и никому больше на всём белом свете. Засыпая под ласковый Тёткин голос, он представлял Игнашкин бор, весь устланный белым ягелем, и Дёмину яму, в которой какой-то давний Дёма ловил медве-

дей, и болото с морошкой, и богатые рыбой озёра. И, наверно, даже во сне мечтал, как Тётка однажды подойдёт, обнимет, и весь мир уместится в переплетении тёплых рук.

Но этого всё не случилось, Тётка была одинаково добра ко всем детям, опекала девчонок, журила мальчишек, не выделяя кого-то особо.

Когда дружно посыпались на землю листья, а в лесу поубавилось ягод, Мишка решил, что больше ждать счастья не будет: сегодня. Наскоро одевшись и умывшись (Тётка всегда требовала чистоты и порядка), заглянул в столовую, где тарелки с дымящейся кашей уже ждали первых ребятишек. Повариха Лена как всегда добродушно глянула на Мишку, оценивая, не нужна ли добавка. Добавлять Мишка ничего не стал, потому что всеми мыслями был уже далеко от интерната. Пальтишко, шарф, шапка, сапоги - всё, больше всё, а что будет дальше, он пока думать не хотел. Решил всё-таки к Дёминной яме двигаться: «Заберусь в неё, - думал, - глубокая, спрячусь хорошо». Дорога вела через вису мимо кладбища, но Мишка и про страх забыл, так им овладели мысли.

Как-то Тётка сказала, что есть такие игры, в которые можно играть спокойно, а не носясь сломя голову по спальне. И показала бирюльки - спички. Мишка сначала решил, что это девчоночье, но Тётка ласково подтолкнула его к столу, где разметались бирюльки, и предложила собрать их так, чтобы одна другую не касались. Занятие оказалось не из лёгких, палочки словно прилипали друг к другу, попробуй, вытащи. Мишка увлёкся, а рядом слышал Тётку. Она взяла за правило: со всеми новенькими непременно заходила в гости к своим родителям, вот и теперь негромко объясняла Люське, куда они завтра пойдут. Мишка уже был в этом крепком доме на берегу реки с большим сеновалом на заднем дворе и умопомрачительным запахом печёного в кухне. Дальше кухни Мишка не бывал, как-то оробел под строгим взглядом неразговорчивого деда, а вот от бабушки получил улыбку и вкуснейшую слойшку, как называла печенье Тётка. Вот бы ещё раз туда, да что я, маленький, что ли, проситься, сама-то ведь не берёт.

Мишка почему-то рассердился на корень, о который зашнурлся. Ишь, придумала, имушки. Мишка даже остановился. Как же он забыл? Нет, игру эту помнил, играли в неё с ребятами часто, жмурки это, но воспитательница ласково говорила так, как называли в её детстве: «имушки». И объясняла: имать - ловить, значит. Мишке ведь тогда это слово понравилось, душевное, как и сама Тётка. А больше всего нравилось мечтать: вот когда будут ребята играть, Тётка водить будет, а он, Мишка, приноровится попадать ей под руку как можно чаще, а она будет его ловить и весело кричать «Имушки!», и послано это будет только ему, Мишке.

Тут он снова вздохнул: видать, нечего ждать. И ещё быстрее побежал по тропинке. Съехал

по скользким листьям в яму, набросал их на себя, затих. Но лежать долго на земле осень уже не давала, холодок стал пробираться за шиворот, и Мишка заворочался. Потом сел, посидел. Представил, что в интернате сейчас обед. Тётка, наверно, с девчонками возится, заметит ли, что его нет? Мишку снова опутали мысли, заставили свернуться клубочком и даже на какое-то время убаюкали.

Проснулся от холода и ужаса: а вдруг медведь заявится? Мишка уже готов был вскочить и снова бежать, но вдруг... «Мишка, Мишка-а-а-а...» Внутри у Мишки всё заглохло, захлестнули страх и желание броситься навстречу, да так сильно, аж выпрыгнул бы из ямы!.. И в то же время какая-то непонятная обида пригнула ещё ниже к листьям. Мишка прислушивался изо всех сил, голоса вроде бы удалялись. Тут Мишка попытался забраться на верх ямы, но скользкие листья удержали его на месте. «Ну и пусть, не выйду, останусь здесь», - снова и снова пульсировало в Мишкиной голове, отчетливо он толком не понимал, что ему сейчас нужно делать.

«Мишка-а-а-а...»... Показалось, что голоса стали ближе. Нет, только показалось. Снова мучения охватили бедную Мишкину душу. А в следующую секунду заострённый Мишкин слух выхватил: «Мишка, Мишка, ты где?» Тётка кричала, казалось, уже дрожащим от волнения голосом. «Мишка, мальчик мой, имушки, имушки...» Тут Мишка не выдержал. Вскочил и по скользкому склону прямо-таки взлетел наверх. Зовёт, его зовёт, и про имушки поняла! Мишка уже не разбирает дорогу, не обратил внимания, что одна ветка больно хлестнула по щеке, как бы наказывая за молчание, ну и пусть, главное, она его, Мишку, зовёт... «Мишка, имушки!» Голос рядом, мелькнуло синее пятно тёткиного пальто, широкие от волнения, и в тот же миг от удивления, тёткины глаза, протянутые к нему, Мишке, руки! Мгновенно он налетел на них, и сразу же руки эти обхватили его, Мишку, казалось, со всех сторон и крепко сжали. И уткнувшись в тёткино пальто, вдыхая его знакомый запах, Мишка закрыл глаза, ощущая всем своим худеньким тельцем, как пульсирует в голове: имушки, имушки, имушки...

Валентина Коскова

г. Нарьян-Мар, НАО

Коза рогатая

Коз в квартале держали все поголовно, отчетливо и мостки, и тропинки были сплошь обсыпаны мелкими чёрными горошками. Было очень весело бегать по ним и пычкать – вовсе даже не вонькие козы какашки! Это совсем не то, что нынешние пузырьки в упаковочной плёнке давить.

Каждое лето отправляли меня на козье молоко к тётушке, поскольку родилась я девятым по счёту ребёнком, из которых семеро к тому времени уже померли – у матери было малокровие. Ухлёбывала я целительное молоко с толстым удовольствием, из поллитры, на которую была натянута резиновая соска с отрезанным кончиком. Чтобы молоко бежало шибче, я сама откусывала край этой соски. Из чашки принципиально не пила, поскольку та была куда меньше моей любимой бутылки.

– Ну что, помощница, любишь кататься, люби и саночки возить. Пошли со мной, Зойку доить будем.

Счастья полные штаны, лечу впереди тёти Ани, только пятки сверкают. Щеколда у хлева тяжёлая и высокая, тянусь, переступаю с носочка на носочек... Тщетно. Тётушка легко, привычным жестом отмахивает щеколду и в нос ударяет запах свежего сена. Козы ещё не пришли, но их бляенье и цоканье по деревянным мосточкам уже совсем близко. Тётя Аня, наклонившись, хлопочет в стайке, тормозит свежее сено, рукой размешивает и разминает пойло. И вот она, коза...

Не знаю, чем я ей не угодила. Помню только её круглые большие глаза с длинными белыми ресницами и то, как быстро она скочила в мою сторону. Я даже вскрикнуть не успела, как Зойкины острые рога пригвоздили меня к подгнившей доске, разделяющей стайку от стайки. На несколько мгновений повисла тишина,

которую нарушил мой звонкий смех.

– Ой! Матерь моя заступница! Убила, убила ведь девку-то! – тётя Аня в беспамятстве кинулась в нашу с Зойкой сторону, но ноги ей отказали, она упала и била кулаком по земле, пытаюсь ухватить козу за что попадёт. – Лёшка! Беда! Беда!

В дверях показался перепуганный Лёшка – мой папа. Он ничего не понимал, рассматривая представшую перед ним картину.

– Цыц! Тихо все! ...Вот козы!

Папа ухватил Зойку за рога, попытался вытащить из доски, но те и на капушку не продвинулись. Тогда он приподнял меня за подмышки и попытался выдернуть из полона. Безрезультатно... Постоял минутку, решительно двинулся к выходу. Все сызнова принялись за своё – кто в рёв, кто в хохот, коза же взягивала задними ногами выше головы.

– Ох, попляшете у меня все, когда свободу!

Отец вернулся с ножовкой в руках. Крик стал ещё пуще. Но папа решительно, уверенными движениями начал отпиливать козе один рог.

– Нюрка! Будёт выть, помогай лучше! Держи, давай!

– Кого держать-то?

– Да хоть козу, хоть девку, держи кого ли уже!

Вскоре, освобождённая и довольная от пережитого приключения, я сидела на корточках в стайке у двух маленьких козлят. Ясно теперь, почему Зойка так взбеленилась – она деток своих защищала. Однорогая Зойка виновато приутилась в сторонке.

– Ой, Лёшка, не знаю, что из этой стрекозы вырастет – ведь в каждую дырку лезёт, ничего не боится, – укоризненно вздыхала рядом тётя Аня.

– Знамо, что вырастет – артистка... Что ни день, то новое представление...

Лариса Грушевская

г. Калининград

Мои воспоминания детства

Где мой дом – душа моя?
Где живет моя родня,
Где зима и солнца нет,
Но я вижу в людях свет.
Свет души таких людей
Способен исцелять сердца.
Они рисуют теплоту,
И все душевные невзгоды проходят...
Я просыпаюсь, я творю ...
Я не писатель, не поэт,
я просто вижу в людях свет.
Мне снится сон.

Я босиком... бегу по песку от бабушки Мары к себе домой на Набережную.

Я снова маленькая девчонка. Вечер. Мне очень страшно. Боюсь деревянных столбов с нарисованным черепом. Начинаю бежать еще быстрее и вот уже вижу дом тети Шуры, добегаю, поворачиваю. Фух! Я дома.

Касаюсь босыми ногами деревянного покрытия. Открываю первую дверь, вторую. И, наконец-то, свет и тепло наполняет мою душу. Мне спокойно. Вокруг много людей, большое застолье, они поют, кто-то танцует. Иду на кухню, там бабуля моет в тазу посуду. Сажусь, беру полотенце и начинаю ее вытирать. Я не люблю мыть посуду, но люблю кухню. Там мы, беседуя, проводим вечера. Там после бани бабушка наливает бражку. Оттуда каждое утро плывёт запах шанег. Там есть погреб, где дедушка, готовясь к моему приезду, заготовил «провизию» из банок стуженного молока и кабачковой икры. Именно на этой кухне я впервые попробовала сухое молоко из банки и холодную чистую воду из огромной бочки.

Управившись с посудой, иду в любимую комнату. Она совсем небольшая, но самая любимая. У стены стоит шкаф, он уже старый,

одна дверца плохо закрывается. В нём освободили полку для моих вещей. Комната пропитана творчеством, много книг, альбомы, краски и всякие мелочи.

Ночью, когда все спят, дом оживает. Слышу скрежет половиц, кто-то ходит по кухне. Дом старый, здесь жили мои предки – устьилемы. Здесь меня крестили, окуная в бочку с головой. Мы старообрядцы. Закрыв глаза, вижу величавых женщин в сарафанах и платках, суровых по вере, с грустью в глазах. Война, потеря близких оставили отпечаток на их лицах. Но они не потеряли умение жить и радоваться каждому дню. Я боюсь их, но люблю всей душой...

Настанет утро, и дедушка на мотоцикле свозит нас за грибами. Я хочу сесть позади него, но меня, конечно же, посадят в коляску. А грибы в лесу чудные, как в сказке «Морозко», большие-большие. Вечером с песней за столом мы их будем чистить. Если останется время, я спрячусь в балагане или залезу на чердак. Завтра мы поедем на лодке в Тельвиску. Мне нравится, когда дедушка катает нас на лодке. Вечером я услышу стук в дверь, это рыбаки принесли семгу. Потом я буду наблюдать, как дед умело чистит ее своими огрубевшими пальцами...

Просыпаюсь. Я плачу, как плакала всегда, когда улетала, теперь уже к себе домой, и знала, что не увижу родные места целый год. Этот момент переживаю каждый раз очень долго и тяжело...

И вот я лечу. Я снова здесь, заново всматриваюсь в знакомые лица. Мне никуда не хочется, я устала от работы, от забот. Но, глядя в улыбающиеся глаза встречающих, я понимаю, что

Здесь исцелят мне сердце,
Рисуя солнце на сером небе,
Настроив душу на искусство,
Тем сделав жизнь мою теплее!
Я вновь девчонкою бегу
по улице к родному дому.
Все там же встретит он меня,
Приветливо открыв калитку...

Виктория Боброва

г. Нарьян-Мар, НАО

Детство Ники

Мама Ники работала учительницей в оленеводческом поселке Выучейское. Попала она в поселок после окончания педучилища, приехав из Нарьян-Мара, где оставила свою мать, брата и сестёр. Отец погиб под Сталинградом в 1942 году. Жили они тогда тяжело, часто голодали и мерзли, так как дров купить было не на что, зимой и летом она ходила в тонком пальтишке. Выучейское маме сразу понравилось. Люди были приветливыми и хорошо к ней отнеслись. Еще бы, мама была молода и очень красива, замечательно танцевала, да ещё играла на аккордеоне. Быстро подобралась ей и пара – молодой рабочий совхоза Алексей, самостоятельно выучившийся играть на гармошке и гитаре.

О любви

В поселке Выучейское отношения Никиных родителей называли, как в фильме «Алешкина любовь», вышедшем на экраны в то время. Роль главного героя исполнял Леонид Быков, впоследствии режиссёр, снявший фильм «В бой идут одни старики». В сюжете фильма герой Леонида Быкова пришел на свидание в своей любимой, проделав путь пешком на многие километры. Отец Ники, тоже Алексей, внешне очень схожий с Леонидом Быковым, бежал на свидание к матери Ники каждый день, преодолевая на лыжах расстояние в 25 км. Это побудило земляков назвать их любовь с нетерпением Алешкиной любовью.

Воспоминания о малой родине

Ника не помнила, сколько ей было лет, когда мама уехала в Индигу в командировку, оставив её в семье коллеги по работе. Папа служил на Северном флоте. Ника очень скучала, и прибегала к своему дому, чтобы постоять на крыль-

це, дверь была заперта. Она смотрела на бесконечно тянущуюся еру и за ней на заснеженные горы.

Когда спустя много лет Ника вернулась на свою малую родину в поселок Выучейское, то так часто вспоминаясь ей горы оказались не такими уж и большими холмами. Правда это, что в детстве не только деревья, но и горы были большими...

Из прекрасных воспоминаний детства

Ника любила ходить в магазин и смотреть на игрушки. Запомнилось то, как ей очень хотелось игрушечного тигра. Тигр был сшит из искусственного короткого меха, оранжевый в черную полоску, и сидел на задних лапах. Располагался он на полке в сельмаге между банок с огурцами, вареньем и полотенцами для рук. Ника подолгу стояла в магазине, смотрела на него и представляла, как возьмет его в руки, обнимет, представляла его запах. Сколько длились мечтанья-страданья, она не помнит, но однажды папа Алексей позвал её в магазин. Папа был нарядно одет в черное короткое пальто с поясом, на голове шапка-пирога, и о – счастье! Он купил Нике столь желанного тигра. Запах игрушки она помнит до сих пор, чувствует его шкурку под пальцами, как будто всё было вчера. Много было игрушек, но тигр накрепко остался в памяти. Сейчас, будучи взрослой, Ника, глядя на детей в магазине, заморожено смотрящих на игрушки, понимает их состояние.

Сказочные богатырские кони

Смешно и стыдно признаться, но Ника не до конца уверена до сих пор, была на самом деле эта история или нет.

Поздним морозным зимним вечером она со старшими девочками из школы-интерната, где работала мама, гуляла в поселке. Небо было тёмным, звезды на небе, морозно, снег хрустел.

Девочки вдруг сказали, что сейчас на улице покажутся богатырские кони и действительно в конце улицы возникли огромные белые кони, с развевающимися длинными гривами, которые пронесли мимо. Ника их и сейчас помнит. Вот что значит сила детского воображения! А может быть, они и на самом деле были тогда, там, эти богатырские кони, просто взрослым это не дано увидеть, а видят только дети?

Страшное

Был в совхозе племенной бык-производитель холмогорской породы. Боялся его весь посёлок. Когда быку удавалось вырваться со скотного двора, все дети сидели по домам, со страхом смотрели в окно на то, с какой легкостью он поднимал и подкидывал заборы из штакетника. Слушался он только одну женщину – скотника

фермы, которая ухаживала за ним. Она брала его за кольцо, продетое в носу, и вела назад на ферму. Были случаи, когда он и её поднимал на рога. Рано или поздно такой зверь мог стать причиной трагедии.

В один из дней дети детского сада вышли на прогулку в посёлок и стали свидетелями драмы: вырвавшийся бык подбежал сзади к старому оленеводу Гавриилу, который тихонько шёл по улице, он был уже глух и не слышал приближавшейся опасности. Бык поднял его на рога и подкинул вверх. Когда старик упал, бык начал колоть его рогами, топтать копытами. Детей быстро завели на территорию детского сада, но и оттуда Ника с другими детьми видела, как люди пытались отогнать быка, слышали их крики и страшный предсмертный вопль старика. Прекратилось это после того, как быка застрелил из ружья житель поселка. Старик-олeneвод не смог оправиться от травм и умер.

Переезд

Когда Нике исполнилось 7 лет, семья переехала в поселок Красное, где у отца жили родственники, а маме предложили место завуча в Красновской школе, и ещё она преподавала историю. Но малая родина, Выучейское, долго ещё приходила Нике в воспоминаниях – прекрасных и страшных.

Жизнь в посёлке Красное

Из Красновского детства запомнились Нике лужи, огромные, как котлованы, преодолевали дети их на плотках из досок, отталкиваясь или гребя доской, бывало, что и падали с плотов. Дома сушили пальто и обувь, с которых ручьями стекала вода, и получали трепку от родителей. У Ники долго ноги ныли после ледяных купаний, очень болели, особенно в резиновых сапогах.

Оленеводы

По поселку пробежал слух: прилетел вертолёт, вернулись оленеводы и привезли медведей. Весь поселок сбегался посмотреть. И правда, огромные туши медведей лежали на бруске. Ника запомнила на всю жизнь огромные головы, длинные когти зверей, грубую бурую шерсть. Медведи задирали оленей, оленеводам пришлось их отстреливать, защищая стада.

Бабушка

Ника помнит: проснулась от волшебного запаха, пахло чем-то очень вкусным. И тут она вспомнила, что ещё с вечера бабушка поставила тесто на шаньги. Оно стояло на кухонном буфете под потолком, в большой эмалированной кастрюле зеленого цвета. Как говорила бабушка, тесто «жило», то есть понималось, а бабуш-

ка заталкивала его назад в кастрюлю, и тесто опускалось вниз. Бабушка делала так несколько раз за ночь. Утром, пока все дети спали, топи-лась печь, бабушка готовила начинку: варила рис, яйца, картошку для пюре. Бабушка из теста раскатывала тонкие «дежни», выкладывала на них начинку – рис с яйцом, пюре из картошки, варенье из черники и морошки, творог, и ставила шаньги на противень, обмазывала маслом и отправляла в печь на угли, закрывая дверцу. А дети, если не спали, то с нетерпением ждали на кухне у печи горячих шанег. Здорово было открыть дверцу печи и посмотреть на то, как румянятся шаньги, чувствовать жар, обжигающий лицо.

Запах манил, по комнате разливалось тепло, значит можно было встать. Ника откинула одеяло, быстро засунула ноги в валенки, чтобы не вставать на холодный деревянный, окрашенный коричневой краской пол, натянула на себя платье, вязанку (кофту) и, отодвинув занавески, отделявшие комнату от кухни, вышла. Бабушка в халате с повязанным поверх него фартуком, в цветастом платке на голове хозяйничала на кухне. Весь стол, а также поверхности кухонных шкафов были заставлены тарелками с румяными, горячими ещё шаньгами. Наскоро ополоснув лицо холодной водой из умывальника и расчесав длинные, слегка вьющиеся волосы, Ника уселась на деревянный табурет в предвкушении пира. Бабушка Маня (именно Маня, а не Мария, так ей нравилось больше) любила своих детей и внуков. Продолжая скалкой раскатывать «дежень» на столе, усыпанном мукой, она подвинула к Нике тарелки с шаньгами. Ника всегда начинала «пир» с картофельных шанег. Шаньги обжигали пальцы, губы, масло стекало, но остановиться было невозможно. Никогда в жизни не ела Ника шанег таких, как пекла ее бабушка. Были другие – на толстом слое теста, в которых немного сметанной начинки, но разве это шаньги? Это останется в памяти Ники навсегда.

Бабушка Ники родом из деревни Абрамовская, что в Усть-Цилемском районе. Её основал далекий предок Абрам. Семья бабушки была крестьянской, многодетной, держали скот, лошадей, выращивали рожь, лен, картошку. Родилась бабушка Маня до революции. Образования не получила, но, что удивительно, уже имея свою семью, шестерых выживших детей, принимая внуков, она установила в семье чёткие правила. Ника хорошо запомнила, что каждый вторник, вечером, все дети вместе с бабушкой усаживались у радиоприемника в большой комнате и слушали передачу «Театр у микрофона», где транслировались спектакли. Бабушка во время прослушивания спектакля занималась рукоделием – пряла или вязала «писанки»-рукавицы, носки с усть-цилемским узором для многочисленных детей и внуков. Все напряженно вслушивались в голоса, доносившиеся из приемника. Потом пили чай

на кухне и обсуждали спектакль. В четверг кто-нибудь из детей читал книгу, все сидели в комнате вокруг читавшего и слушали. Также в один из дней недели все вместе ходили в кино-театр, который располагался в Доме культуры. Нике запомнилось, что после просмотра фильма «Всадник без головы» она долго боялась находиться в доме без света или выйти во двор, всюду ей мерещился всадник без головы. Вот вдруг она откроет дверь в коридор, а он выедет на лошади ей навстречу? Так простая деревенская женщина, просто Мария, воспитывала детей. Откуда у нее было это упорное стремление приобщить к прекрасному?

Библиотека

Семья Ники после переезда в город Нарьян-Мар занимала в бабушкином доме, что на улице Печорской, маленькую комнату. Вдоль одной из стен, от пола до потолка, отец Ники сделал из досок книжные полки. Книг было много, и читать их Ника любила. У детей, проживавших в доме, и их друзей, приходивших в гости, была одна игра, в которую они часто играли. Называлась «Найди книгу». Спрашивавший должен был задать вопрос: «А где находится книга В. Чаплиной «Дети зоопарка?»» или, к примеру, какая-либо другая книга. Отвечающий должен был назвать полку и найти книгу. А ещё в комнате Ники была тетрадь, куда записывались книги, которые друзья брали почитать, всё было устроено, как в настоящей библиотеке. «Библиотекарями» все дети были по очереди.

Одним из любимых развлечений детей летом был поход в детскую библиотеку на улице Тыко Вылки рядом с магазином «Чайка». Друзья собирались на Печорской, приходили уже с книгами, которые надо было сдать, и дружной толпой шли в город. Сдав книги, поговорив с библиотекарем Любовью Алексеевной Питаловой, все шли назад в дом Никиной бабушки. Обязательным пунктом остановки для друзей был магазин «Заря» на улице Октябрьской. Полки в магазине были заставлены сгущенным молоком, кофе с молоком, какао с молоком в металлических банках, тушёной. Было сливочное и шоколадное (!) масло. Дети стояли в магазине и пытались представить, какое же оно на вкус, шоколадное масло? Насытившись «вприглядку», и купив черного хлеба, шли дальше на Печорскую. Дома, нарезав хлеб на ломти, поделив их пополам, а затем ещё раз пополам, Ника намазывала четвертинки сливочным маслом, затем каждый из детей рисовал кончиком ножа узоры по маслу: полоски, крестики, кружочки, снежинки – кому что в голову придет. Масло посыпалось сахарным песком и получались «пирожные». Взяв «пирожные», все выходили на улицу, усаживались на крыльце, завалинке или мостовой у дома и читали книги.

Александр Вокуев

г. Нарьян-Мар, НАО

Юность у меня в кармане

Я спустился с трапа самолёта и пожал руку своему дяде, который работал в аэропорту. Как обычно, он меня не ждал, но рад был увидеть. Дядя посмотрел на меня не так, как сделал бы это пять лет назад. В его взгляде было одобрение, возможно, даже уважение. Наверно так смотрят на всех молодых людей, которые какое-то время пытливо постигают науки на большой земле.

В автобусе от самолёта до зала выдачи багажа оглядел тех, кто летел со мной. Как быстро они изменились. После посадки все стали близкими, даже родными. Среди встречающих я увидел нескольких знакомых, поздоровался, снял чемодан с багажного конвейера и вышел на улицу. Начинался дождь, было много комаров.

Проехал я почти задаром по студенческому, который действовал ещё несколько месяцев. За окном появлялись первые дома, каждый из них пробуждал воспоминания, которые сменяли друг друга. Вот здесь мы стреляли с чердака из рогатки по металлической остановке, тут жил мой брат, у него однажды зимой замерзли концы занавесок и висели, как сосульки. Дальше школа, вокруг которой мы часто гуляли с друзьями.

Я добрался до дома сестры, который пустовал, пока она с семьёй отдыхала на юге. Полил цветы и покормил кошку, как мне поручили. После возвращения в родные края я чувствовал лёгкость и свободу. Даже несмотря на то, что уехал из бурлящего жизнью города-миллионника в провинцию. Возможно, также себя чувствует рыбёшка, которая из бурного моря возвращается вверх по реке в маленький приток, где она родилась.

Перекусив чем было, я надел свою самую

красивую рубашку и пошёл бродить по улицам детства. Время замедлилось, и переживать каждую секунду было большим удовольствием. Во всех людях, которые появлялись вдалеке, я старался угадать знакомых. На пешеходном переходе столкнулся с техником из моей школы, поздоровался. На секунду его взгляд замер на моём лице, узнавая, и он улыбнулся мне.

Первым делом я пошёл в гости к старшему брату. Дверь, как обычно, была открыта, я вошёл в квартиру и прислушался к родным голосам.

– Кто там?

– Свои.

Из кухни выбежал рыжий мальчик, изрядно награждённый веснушками, и удивленно уставился на меня.

– Лёша! Откуда ты взялся, тебя так давно не было. А нам мама пирог приготовила с абрикосовым джемом.

Я потрепал огненный ёжик на голове своего самого неугомонного племянника и прошёл на кухню, где собралась вся семья брата. Миша и его жена завалили меня вопросами о последних годах жизни. Рассказать было что, я успел бросить учёбу и выбрать другую стезю, сменил несколько работ и поездил по европейской части страны.

Все родственники слышали о переменах, которые произошли в моей жизни. В основном они узнавали об этом от мамы, но рассказы очевидца всегда интереснее. Насколько мне удалось понять, брат с женой одобрили мой выбор.

Пока мы вели разговоры за чашкой чая с абрикосовым пирогом, я осмотрел кухню брата, в которой не был несколько лет. Всё в ней изменилось, начиная от пола и заканчивая мебелью. Мне всегда было сложно уследить за тем, какие метаморфозы творятся в квартирах моих братьев и сестёр, которые обзавелись семьями. Старую мебель обычно увозили в наш деревенский дом, где она служила ещё долгие годы.

От брата я узнал, что на следующий день в девять часов из речного порта отправится теплоход до деревни. Чтобы успеть на юбилей родного села, мне надо было плыть именно на нём. Следующая «калоша», как мы называли теплоходы, будет только через день.

Остаток дня я решил провести, гуляя по городу. Пока шёл от брата до дома, где в детстве мы с родителями обычно останавливались у тёти, встретил нескольких одноклассников и учительницу. Никогда бы не подумал в школе, что так буду рад видеть их. Наталья Валерьевна удивилась, когда узнала о моём выборе профессии. Я ждал этого, в школе про меня говорили: «без царька в голове». Хотя в то же время утверждали, что, окажись царёк на месте, он нашёл бы, чем управлять.

Скоро я пришёл к дому тёти. Она уже не жила здесь. В окне детской на втором этаже, где мы обычно ночевали с родителями, было

темно. Как ни старался, я не мог разглядеть полотно на противоположной от окна стене. Не мог я увидеть и Скруджа Макдака, который со своими племянниками-утятами плывёт куда-то на корабле, окружённом утёсами и морскими чудовищами. Этот рисунок на всю стену всегда занимал моё воображение и создавал в комнате сказочную атмосферу. Её дополнял вечный писк радио на кухне, с которым эта детская всегда теперь ассоциировалась. Там я познакомился с Волшебником Изумрудного города, который много времени потом не отпускал меня, заставляя вновь и вновь плакать от безысходности, что все хорошие приключения заканчиваются.

На улице смеркалось, августовские тёмные ночи вытесняли белые июльские. В приподнятом настроении от приятных воспоминаний я решил проехать на автобусе до другого конца города, где прошли мои подростковые года.

Когда я вновь увидел дом, в котором прожил шесть лет, то неосознанно нахмурился. Тотчас нахлынули тяжёлые воспоминания. Расставание с мамой, плохая компания, иногда напряжённые отношения с ещё одной тётёй, у которой я жил. Хотелось навсегда забыть о тех годах, притвориться, что их не было. Живя там, я впервые познакомился с алкоголем и сигаретами. Они создавали много буйной радости и дикого веселья, но спустя годы не оставили от себя ничего, кроме сожалений и потерянного времени. Как ни старался, я не мог отпустить эти воспоминания.

Я никого не винил в том, что всё сложилось так. Но в глубине души мечтал быть добродушным выпускником-отличником или хотя бы хорошистом, которого большинство искушений ждут впереди.

На следующий день рано утром я собрал скромный багаж, который состоял из книг, белья, трёх рубашек, двух пар джинсов и подарков родителям. За полчаса до отправления теплохода я бегал по квартире сестры в поисках зарядки от телефона. Пришлось ехать до речного порта на такси. В «галоше» опять было много знакомых, которые расспрашивали меня о делах и планах на жизнь. Тем временем городские краны за нашими спинами становились всё меньше. Я гулял по палубе теплохода и, глядя на заросшие ивами берега, вновь как в детстве представлял, что мы плывём по водам Амазонки.

Сойдя с трапа, я обнял маму. Мне показалось, что она совсем не изменилась. Мама была такой же, как десять лет назад и, наверно, как и двадцать, чего я уже не помнил. Узнав о том, как сильно похудел, я повернулся к отцу. Он поседел и стал похож на своего дедушку, фотография которого висела в одной из комнат нашего деревенского дома.

Теплоход отплывал обратно в город, а мы с родителями поднимались по горке в деревню, и под нашими ногами разлетались камешки. Во

дворе дома как обычно был образцовый порядок, всё на своих местах, и, как никогда, чувствовалась хозяйская рука. В узком дверном проёме сидел лохматый рыжий кот и с любопытством смотрел на гостя. Когда к нам вышел дядя, кот лениво побежал на картофельные грядки, где обычно ловил птичек.

В родном доме тоже многое изменилось. Деревенская жизнь неспешно следовала за городской, у родителей появились плазменный телевизор и интернет. Стал как будто немного меньше холодный коридор, который так и остался для меня «колидором».

На кухне уже был накрыт стол, и мне показалось, что мама ждала, по крайней мере, пятерых сыновей, а не одного. Передо мной были мастерски нарезанная сёмга, картошка с укропом, засоленные волнушки, огромные котлеты, черничное, смородиновое, морошковое варенье и другие блюда.

В детстве я не замечал, сколько труда старших членов моей семьи скрыто за этими продуктами. Сколько исхожено троп в негрибной год, сколько раз руки моего дяди трескались от воды и от штормовых ночей, когда туго натянутая сеть рвёт пальцы. И сколько тундровых сопкок обошла мама, когда искала морошку. Теперь это стало очевидным, поэтому еда приобрела огромную ценность.

Вечером я пошёл гулять по местам детства. В деревне не было слышно голосов людей, только собаки лаяли на берегу Печоры, а на реке изредка ревели моторы. После получасовой прогулки обнаружил себя возле дома, который вновь напомнил мне гумилёвское «Машенька, ты в этом доме жила и пела...». Неухоженный с виду дом большую часть года пустовал, только летом его хозяева приезжали на рыбалку. Вот и сейчас в окнах горел свет, что взволновало меня. Скорее всего, приехал сын хозяина Юра, но в глубине души я надеялся, что его сестра тоже решила навестить деревню в её юбилей.

Я познакомился с Машей летом между десятым и одиннадцатым классами. Она возникла в жизни совершенно неожиданно, и я очень удивился, что не встречал её раньше. То было очень живое лето. Целыми днями мы с ребятами купались и играли в волейбол. По вечерам собирались играть в карты, что затягивалось до глубокой ночи. Я играл всё хуже, потому что всё чаще смотрел не в карты. Всё чаще я искал её взгляда. Однажды ночью, промотавшись от бессонницы, я пришёл к Маше и сказал о своих чувствах.

С тех пор прошло шесть лет, и я всё старался представить, какой она стала. Но тут Маша сама появилась на крыльце дома. Сначала я не узнал её и подумал, что это жена Юры, с которой я не был знаком. Из дома вышла красивая молодая девушка с пышными волосами, собранными в тугой хвост. Внезапно наши взгляды встретились, и я узнал Машу. Мы поздоровались, обменялись парой дежурных вопросов

и ответов, но общение было очень натянутым, и я понял – так теперь навсегда. Маша вернулась в дом, а я отправился дальше смотреть, остались ли нацарапанные мною послания на скамейке у реки, и стало ли мельче озеро за деревней.

Эта встреча напомнила мне о тех днях, которые мы весело вместе проводили. Самым приятным в воспоминаниях оставался тот вечер, когда с ребятами из деревни мы ездили за реку с палаткой. Как радостны и звонки были минуты, что мы провели в палатке, набившись туда до отказа. Мы рассказывали анекдоты и всякие интересные истории из жизни, а я переживал из-за того, что от укуса мошки у меня ужасно разбухла губа. Тогда мы собирались героически провести ночь в палатке, но к трём часам совершенно негероически сдулись и поехали обратно в деревню.

После прогулки я вернулся домой, где меня уже ждал домашний ужин с родителями и дядями. Я успел отвыкнуть от неспешного деревенского ужина, который часто затягивался и превращался в чаепитие.

После еды мама проводила меня в мою комнату на чердаке. Она была оазисом порядка среди пыли, рухляди и кучи старых телевизоров. Раньше эта комната тоже была завалена старыми вещами, но, когда я подрос, её освободили и отремонтировали. Теперь она напоминала мне рубку капитана с книжными полками и большим окном. Из него открывался чудесный вид на Печору, берег реки и берёзку, которую посадил мой отец, когда был ребёнком.

Перед сном я порылся в томиках своих детских книжек, нашёл там приключенческий роман Джека Лондона и вновь встретился с отважными золотоискателями на Юконе. Уже лёжа в постели, я заметил, что на одном из углов изголовья кровати что-то висит. Это была речная ракушка с дырочкой, в которую была продлена веревка. Я вспомнил, что эту ракушку подобрала и подарила мне Маша, когда мы ездили купаться.

На следующий день в 12 часов мы с родителями отправились в клуб. Там начинался концерт в честь юбилея деревни. Собрались все, кто ещё остался на селе, в основном это были пожилые люди. И немного молодёжи – их внуки. Выступали разные творческие коллективы из соседних деревень, а один приехал из города по приглашению директора клуба.

Я ждал обычного деревенского концерта, каких порядком насмотрелся в детстве, но артисты из города удивили меня. Они выступали в национальных костюмах с самодельными музыкальными инструментами – частями рогов оленей с колокольчиками и какими-то звонкими железками. Их номера были полны энергией, которая завораживала. Автоматически я начал отбивать ритм песен по спинке кресла

передо мной. В составе коллектива были только женщины, в основном ровесницы моей мамы. Лишь одна из танцовщиц была примерно моего возраста. Она выступала с такой страстью, что сразу привлекла моё внимание.

Когда позднее я думал, почему меня так заинтересовала эта девушка, то приходил к следующим мыслям. Если бы природа попыталась выразить всю красоту наших краёв, в том числе морошковые поля в тундре, закат на Печоре, золото листьев в осеннем лесу и январское морозное небо со всполохами северного сияния, то сделала бы Полину. Она неожиданно для меня воплотила в себе всё очарование Севера, каким я видел его.

После концерта все жители деревни и гости собрались за клубом, где установили палатки. В них накрыли столы, которые ломались от северных угощений. За столом по соседству со мной сидели две деревенские бабушки. Впервые в жизни я догадался спросить у них, помнят ли они моего деда. Я его никогда не видел, и мне очень хотелось узнать, каким он был. Пока мы разговаривали, к деревенскому гулянию присоединились переодетшиеся городские артисты.

Они сели за тот же стол, где уже устроился я. Девушка, так поразившая меня своим танцем, оказалась прямо напротив. Мы познакомились, разговорились и я узнал, что её зовут Полина, она танцует с самого детства и у неё очень красивые веснушки.

Мне было легко и приятно общаться с ней. Нашлось много общих тем, обсуждали, кто и где уже побывал и куда собирался ещё поехать путешествовать. У нас оказалась одна и та же страна мечты, в которую мы больше всего хотели бы отправиться, – Индия. После окончания праздника я проводил артистов до катера, и они уехали, а вместе с ними и Полина.

Вечером потемневшее небо над деревней осветили всполохи фейерверков, а село впервые за долго время оживилось разговорами и смехом потомков его основателей.

После юбилея я пожил ещё несколько дней с родителями. Гулял по тундре, забирался на крышу заброшенной всеми фермы, которую уже начали разбирать на строительные материалы. Всего больше было смотреть на пустующие школу и детский сад. Казалось, реки жизни совсем недавно с сильным напором ворвались в эти края, наполнили школы скрипом мела по доске, а детские сады смехом и плачем, после чего схлынули.

Настало время возвращаться в город, где меня ждали дела. Утром я опять в торопливой суматохе собрал свои вещи и побежал на «галощу». Уже в салоне теплохода оказалось, что я забыл зарядку от телефона, и мне пришлось бежать обратно. Капитан дождался своего не-

расторопного пассажира, и мы начали отъезжать от берега. Я поднялся из салона наверх, на воздух, и помахал родителям, которые стояли на берегу. Теплоход вновь отправился в трёхчасовое плавание по «Амазонке».

В городе я планировал задержаться на несколько недель – мне предстояло собрать информацию для статьи в архиве местной газеты. Вновь поселился у своей сестры, которая должна была приехать только в сентябре. В это время я стал ходить на концерты в местном Доме культуры и выискивать среди артистов Полину. Тогда часто выступали, и нередко на сцене появлялся коллектив «Юность», в котором я увидел её. Ещё я нашёл брошюру с программой выступлений Дома культуры, на первой странице которой под подписью «Юность» одной из самых добрых улыбок смеялась Полина. Брошюрку я стал всегда носить в кармане – при плохом настроении фотография в ней помогла тучам надо мной проясниться.

После очередного выступления «Юности» я пил кофе в фойе Дома культуры. Внезапно из-за угла появилась Полина.

– Здорово, что зашёл! В нашем городе новые люди – это всегда интересно. Ты был на концерте?

Я чуть не проговорился, что это уже третье подряд выступление, на которое прихожу.

– Меня очень впечатлило, вы сегодня выложились на полную. Даже сложно представить, что в каждом из городов России есть такие творческие коллективы, а в них тысячи талантливых людей.

Мы долго общались, и меня удивил один парадокс. Обычно с девушками, которые нравятся, сложно общаться. Постоянно говоришь какую-то чушь, попадаешь в неловкие ситуации. Но с Полиной всё было иначе. Я смотрел на густые тёмные волосы с подкрашенными кончиками, вечно улыбающиеся глаза из-под очков, ямочки, которые появлялись на её щеках при смехе, и на душе становилось необычайно легко и тепло. Становилось так же хорошо, как было, вероятно, в детстве. При этом мы были совершенно открыты в общении, не было никаких неудобных тем, и разговор лился водопадом.

Я узнал, что артисты из «Юности» репетируют почти каждый день по вечерам. После своих поисков в архиве я неизменно приходил в фойе Дома культуры, где для меня всё стало таким радостным и светлым.

Шли дни, и внезапно наступил момент, когда все мои работы завершились, и пора было уезжать для того, чтобы сдавать готовую статью.

В предпоследний вечер я решил рассказать Полине о своих чувствах. Уже по привычке мы сидели в фойе и болтали.

– Почему мы всегда встречаемся только здесь? Давай завтра пойдём погулять, и лучше куда-нибудь на природу. Я так давно не бродил

по берегу Печоры.

– Извини, я не могу. Много дел, репетиции, работа.

– Но я послезавтра уже улетаю, мы теперь не скоро увидимся.

Полина молчала и пристально смотрела мне в глаза. Казалось, что-то удерживает её от утвердительного ответа. Вдруг она встала и вошла в концертный зал. От неожиданности я замер, но спустя мгновение последовал за ней.

На первый взгляд в пустом тёмном зале никого не было. Потом я заметил, что одно кресло занято. Когда я подошёл к Полине, она задумчиво смотрела на сцену. Я сел рядом и приготовился к тому, чтобы всё ей сказать. Но только я попытался заговорить, она прервала меня.

– Не надо. Я знаю, что ты сейчас будешь говорить. Во мне живут похожие чувства. Но не к тебе. Забудем это.

Её ответ словно оглушил меня. Я вернулся в фойе, и Полина скоро присоединилась ко мне. Несмотря на всё, что случилось, она была в этот вечер мила и общительна как никогда. Мысленно я поблагодарил её за то, что она так умно поступила в этой ситуации. Иначе между нами тоже раз и навсегда выросла бы стена дежурного общения.

За те мгновенья в концертном зале я понял, что её ситуация гораздо сложнее моей. Она ничего не объяснила, но я догадался, что её неразделённая любовь заслуживает уважения.

Когда я улетаю, стояла ясная и очень тёплая погода. В иллюминатор я смотрел, как убегают родные сопки и речки. Дом становился всё меньше и скоро затерялся в облаках. Впервые, покидая родину, я грустил не от прощания с родными краями. Они теперь стали немножко ближе ко мне. Родная тундра, река, заросли смородины и скрип снега под валенками воплотились в девушке, изображение которой было в кармане моих джинсов. Но сама она была бесконечно далека от меня, миллионы световых лет ложились между нами, пока самолёт набирал высоту...

Николай Епифановский

г. Нарьян-Мар, НАО

Ты прости меня, любовь

Гуси-лебеди отпели,
В песне той звучала грусть.
А рябины вновь надели
Свой наряд из красных бус.
Тундра сказочным узором
Нам ковёр рисует вновь.
Вспоминается с укором
Наша первая любовь.

Ты прости меня, любовь,
Так случается.
Я же помню, не забыл,
Но не каюсь я.
Где-то там, в тиши ночной
Огонёк горит.
Чья-то первая любовь
До утра не спит.

Я смотрел на небо в звёздах,
Словно след любви искал.
Но, наверно, было поздно,
Где-то в жизни растерял.
Не вернешь и не заметишь,
Улетают вновь и вновь
Наши годы словно песни,
С ними первая любовь.

Проживешь и не заметишь
В вечных поисках любви,
Что с тобой на белом свете
Есть любимые твои.
Только это не игрушка –
Жизнь – она всего одна.
Я не слушал счёт кукушки,
Выпивая жизнь до дна.

Служу на Севере

Суровый край, морозы и метели,
Но в нашем сердце места нет тоске.
Мы форму стражей космоса надели,
Нас ждут родные где-то вдалеке.

На стражу Родины и неба синего,
Уйдет ракета, устремляясь ввысь.
Чтоб мирным было небо над Россией,
Где мы живем, и где мы родились.

Подъём, ученья, каша и зарядка.
В солдатских буднях пролетают дни.
Привыкли к воинскому распорядку
Покой страны мы охранять должны.

Просторов тундры, северных сияний,
Звезду полярную, что освещает путь
И нарьянмарских девичьих признаний
Домой, уехав, ты не забудь.

И есть в эмблеме нашей молний стусок,
Своей земли врагу не отдадим.
На страже Родины в любое время суток,
Живи страна, а мы покой храним.

Памяти Людмилы Зыкиной

Голос летел над Россией
Словно полет журавлей.
Песни, что мамы нам пели,
Будут, как память о ней.
Этой порою весенней
Стали березы светлей,
Люди склонили колени.
Русский умолк соловей.

Издалека будет так же бежать
Волга-река, сквозь снега и хлеба.
Также платок согреть будет мать,
Только не будет тебя.

Голос звучал в каждом доме,
В спелых колосьях полей.
Он всем казался знакомым
В песне любимой своей.
Песенным эхом столетий
Будет звучать твой талант.
Песней сердечною спетой
Ты возвращаешься к нам.

Нет, мы тебя не забудем,
Как не забудем рассвет.
Будет в далекой округе
Песня всё также звенеть.
И на заре близ березы
Будут всё также вздыхать.
Будут накатывать слёзы,
Будем тебя вспоминать.

Заполярное лето

Вновь лето пришло заполярное
И птиц несмолкающий гам.
А тундра, такая нарядная,
Весь день улыбается нам.
Закружат дуга хорородами
Берёзок и трав луговых.
Грибными по тундре походами
В местах потаённых моих.

Заполярное лето,
Краски белых ночей.
И звенит песня эта,
Словно в тундре ручей.
Полетит белой чайкой
Над печорской волной,
В небе радугой яркой
Загорит над тобой.

Короткое лето на Севере,
Но сколько вмещает оно
Венков из ромашек и клевера
И встреч задушевных тепло.
Пусть где-то кивают подсолнухи,
И бархатный воздух в Крыму,
Зато запах белой черемухи
Ни с чем никогда не сравню.

А хмурое утро останется
За катером с белой волной.
Печорские дали откроют нам
Мир тундры, простор голубой.
Мы связаны нитью незримой
С тобой, Нарьян-Мар, навсегда,
И песню, такую любимую,
Поём, пусть бегут с ней года.

Бабушка

Ветер туч коснулся,
Близится рассвет.
Воздух встрепенулся,
Разливая свет.

Сонный дождик каплями
Чуть звенит по крыше.
В небе птица вскрикнула,
Поднимаясь выше.

Я проснулся рано
И гляжу в окно,
Кто-то где-то ухает
Страшно и смешно.

В сенях двери скрипнули –
Бабушка пришла,
Благодатный запах
Хлеба принесла.

Ах, как я соскучился
И бегу навстречу,
Будем вместе коротать
Длинный-длинный вечер.

Будет кот мурлыкать,
Самовар кипеть.
Будем вместе с бабушкой
Песни тихо петь.

Ночь в тундре

Где-то гагара заплакала,
скрипнула сонная ель.
Это своим обитателям
Тундра стелила постель.

Птицам – брусничной поляною,
Или осокой-травой,
Красной смородиной пьяною
Нам постелила с тобой.

Здесь, на болоте с морошкой,
Тихо стелился туман
Белую ватой над кочкою,
Словно скрывая обман.

Тихий уснул перелесок.
Слышно как листья шуршат.
Лишь иногда с тонких веток
Птицы, срываясь, летят.

Слушаю вместе с тобою
Сон уходящего дня.
Гулко стреляет порою
Красная точка огня.

Не произносятся речи.
В этот полярный уют
Тихо ложится на плечи
Вес твоих ласковых рук.

Завершает круг земля

Завершает круг земля
Вокруг своей оси.
Новый год! Люблю тебя,
Радости часы.

Принеси немного счастья
В чередё невзгод.
Пусть сменяются ненастья
Солнцем круглый год.

И друзей моих улыбки
Чаще мне дари,
Словно бусинки, на нитки
Радость собери.

Иван Рочев

п. Хонгурей, НАО

...Травы пахнут сладко-сладко,
аромат такой идёт...
Август белую лошадку
под уздцы в луга ведёт.
А в лугах кругом раздолье,
серебром блестит роса,
а у края, слышишь, поля,
там моя поёт коса....

Аромат багульника мне зимою снится,
и ковёр брусничника за собой зовёт,
олёнёнок маленький весело резвится,
а в далёком чуме бабушка поёт:
«Спи, внучок мой маленький,
день упрыгал зайнойкой,
проскользнул лисёнком,
сереньким мышонком,
пробежал волчонком,
резвым оленёнком».
Песни колыбельные в детстве нас хранили,
те слова заветные помним до сих пор,
по озёрам лебеди сказочные плыли,
возвращались гуси из-за дальних гор.
Ночь пройдёт пусть ласково
маленькою ласкою,
спелою морошкой,
полненьким лукошком,
глазки закрываются,
дрёмой наполняются.
Бабушкина песня, дедушкина мудрость,
пусть помогут внукам в трудную минуту,
радость пробуждения нам подарит утро,
ласковое солнце всю разгонит смуту.
Будет утро ясное,
сказочно - прекрасное,
тундра встретит с радостью,
с ягодною сладостью,
ладушки-оладушки,
внук уснул у бабушки.
Вновь рассвет над тундрой – красавицей,
в голубых глазах озёр её покой,
ах, как сладко спать на бабушкиной малице,
от невзгод и бед укрывшись ласковой рукой.

Белые крылья рассвет поднимает,
холод ушел со двора,
солнце в озёрах лучи умывает –
всем просыпаться пора!
Утро осеннее землю согреет,
сладит Печоры волну,
ласковей будет оно и добрее,
в сердце заденет струну.
Глазки лучистые снова откроет,
чей-то проснётся малыш,
бабочка крылья росой умоет.
Утро спускается с крыш.

Шумят листвою зелёною
берёзки белоствольные,
в тебя душой влюбленные,
в просторы тундры вольные.
Стоишь ты над Печорою,
Любуясь ранней зорькою
и белой ночью скорою,
рябины кистью горькою.
Здесь жили деды - прадеды,
отцы трудились, строили,
был пот солёным, праведным,
слова их дела стоили.
Ты, Хонгурей, во времени
уже не потеряешься,
забот, печали бремени
всё разрешить стараешься.
И тёплой доброй осенью
вновь стаи к югу тянутся,
а небо светлой просинью,
с рекой твоей останется.
Твои огни вечерние,
мой Хонгурей, загадочны,
и будем слову верные,
пути пусть будут сказочны.
А память наша светлая
незримой нитью тянется,
ты – пристань та заветная,
для сердца не меняется.

Игорь Колесов

с. Ижма, Республика Коми

Деревня опустеет, но потом
вернётся вновь, один в один,
сакральный центр – зырянский дом -
с обрывом и рекой един.

Придут, прогнозам вопреки,
другие люди, новые умы.
«Построятся» на берегу реки,
а может... это снова... будем мы.

Прабабке Ксении Всеволодовне Семяшкиной

За рекою заснеженной полоса
из сараев, домов и бань.
Приглушённые голоса.
У кровати сидит коми ань.

Окна смотрят на берег другой.
На скамье деревянной смола.
Шепчет бабушка надо мной:
«Отцоо Милэстливей Микела...»

Коми ань – коми женщина, отцоо – помоги,
Милэстливей Микела – Николай Чудотворец.
Отпечталось в памяти, а фотография напо-
нила. Я тогда сильно заболел (года четыре, на-
верное, было), и прабабушка со мной сидела.
Даже скамью помню. Почему-то, пока она
шептала, всё смотрел на шарики смолы, кото-
рые застыли между досками.

Ещё цветные, скоро станут белыми
Деревья, листьями покрытая дорога,
Рябина птиц накормит ягодами спелыми,
А ижемка пшена насыплет у порога...

Ещё дождями, скоро снегопадами
Опустятся на землю облака,
И снова заколышется лампадами
Свет окон в темноте издалека...

Ещё волнами, скоро рябью млечной
На ветер западный откликнется река.
Сольётся берег с пармою заречной,
Тропа появится как нотная строка...

Ещё цветные, скоро станут белыми
Деревья, листьями покрытая дорога,
Рябина птиц накормит ягодами спелыми,
А ижемка пшена насыплет у порога...

Родины свет

Один из обычных воскресных зимних дней
нашего детства

Над катком – водоёмом пожарным –
Рассыпается хлопьями снег.
Лампа в сумерках шаром янтарным –
Моей маленькой Родины свет.

Мы в снежки побеждаем «соседских»,
Наш отряд в телогрейки одет.
Свет из окон на улочках сельских –
Моей маленькой Родины свет.

Нам расскажет вполголоса мама
Диафильма нехитрый сюжет.
Луч на печке квадратом экрана –
Моей маленькой Родины свет.

Над катком – водоёмом пожарным –
Рассыпается хлопьями снег.
Лампа в сумерках шаром янтарным –
Моей маленькой Родины свет.

Изьва ов

Ыджыд керка сулалö, дась пыр нянь да сов.
Обесыс оз сиптысьлы, вөръясьы оз пов.
Тадзи нэмсö олöма, Изьва бöкса морт.
Коркö сьöкыд овнысö, сьöкыд вöли, но...
Изьва олö, Изьва вылö, Изьва ов!

Öшинь сайын усьö лым, тöлысь нюмъялö.
Менам соддорын лымморт, öтнас сулалö.
Бабöлысь ми юавлим: «Кор нö тулыс лоö?»
Уна кузьджык гождёмсьыс, тöлыс миян, но...
Изьва олö, Изьва вылö, Изьва ов!

Пачас шаньга пöжасьö: «Пессö содты, ай.
Юмов мырпом пагремысь, мамö, гöстльы вай».
Геждаджык нин пыравлас, ывсянь локтö код.
Бөрвыв тайö вежсяс на, оз, дерт, аски, но...
Изьва олö, Изьва вылö, Изьва ов!

Ыджыд керка сулалö, дась пыр нянь да сов.
Обесыс оз сиптысьлы, вөръясьы оз пов.
Тадзи нэмсö олöма, Изьва бöкса морт.
Коркö сьöкыд овнысö, сьöкыд вöли, но...
Изьва олö, Изьва вылö, Изьва ов!

Перевод с коми языка

Ижма будет жить

...Стоит изба большая, да будет хлеб и соль,
Не закрывая двери и не боясь воров.
Жил веками человек на ижемской земле,
Бывало трудно, тяжело бывало, но...
Ижма жила, Ижма живёт, Ижма и дальше
будет жить!

За окном падает снег, улыбается луна,
Одинокий снеговик стоит у меня во дворе.
Мы спрашивали бабушку: «Когда уже весна?»
Намного дольше лета наша зима, но...
Ижма жила, Ижма живёт, Ижма и дальше
будет жить!

В печи пекутся шаньги: «Добавь дрова, отец.
Сладкую морошку из подвала, мама, гостю дай».
Стали реже заходить на огонёк путники.
Когда-нибудь это изменится, может быть,
не завтра, но...
Ижма жила, Ижма живёт, Ижма и дальше
будет жить!

Стоит изба большая, да будет хлеб и соль
Не закрывая двери и не боясь воров.
Жил веками человек на ижемской земле.
Бывало трудно, тяжело бывало, но...
Ижма жила, Ижма живёт, Ижма и дальше
будет жить!

ПОЭЗИЯ

Мне бы в небо подняться на миг

Владимир Орлов

Потом опять на фронт, но трудовой,
За пятерых работал, не сгибаясь,
И праздник отмечали боевой,
И слезы утирали, не стесняясь.

И вспомнив даты Вечного огня
У монумента землякам-героям,
Среди наград я видел у отца
Такой же орден, опаленный боем.

Жажда

Мне бы в небо подняться на миг,
Насладиться красотами края,
И услышать подоблачный крик,
Там, где кружится чайчья стая.

Мне б в потоке набрать высоту,
Чтобы чувства пробили слезою
Так, чтоб скорость сушила во рту,
И душа говорила со мною.

Мне бы дух укрепить снова свой,
Чтобы жажда летать не пропала,
Чтобы пульс, поднимаясь порой,
Мое сердце в груди не сжимал.

Скоро снова в Крым цветущий
Я поеду отдыхать,
И средь белых волн ревущих
Буду строки напевать.

В день Победы в Великой Отечественной войне

Вчера отец мне рассказал про бой,
Как шли в атаку, ярость не скрывали.
Под минометный перекрестный вой,
Они в окопах немцев добивали.

И было чувство близости конца,
Вот-вот война закончится в Берлине,
И был салют, но раны у отца
Болят, как в сорок пятом, и поныне.

Победу отмечали всей страной,
На лицах счастье горе затмевало,
Не каждый возвратился в дом герой,
Двенадцать миллионов не хватало.

И это только тех, кто воевал,
А кто в тылу, их вдвое больше было,
«Нам повезло, - отец мне прошептал. -
А брату нет, его огнем накрыло».

Будут и стихи и проза
Про уютный Коктебель,
Где цветет не только роза,
Но и северная ель.

Где над берегом летая,
С парашютом на заре,
Буду я мечтать, родная,
И стихи писать тебе.

Поднимусь я выше в небо,
Загляну за горизонт,
За которым степь как море,
А за ней - метеофронт.

Там всегда белеют тучи,
Рвутся башни в высоту,
И мне кажется, к приезду
Наведет дождь красоту.

Который день под дождь и снег
Холодный ветер пену гонит,
Душе такое не подходит,
Ей подавай тепло навек.
Чтоб можно было ввысь летать,
И закружиться с облаками,
Да так, чтоб каждый, кто был с нами
«О! Это счастье!» – мог сказать.
Чтоб все, кто встали на маршрут
В погоне за погодой дивной,
Чтоб верили в борьбе спортивной
В свое крыло и парашют.
И, нарезая виражи,
В туманной дымке над полями,
Душа моя летает с вами,
Дождем смывая миражи.

Закончился рабочий день,
Идёт устало наш пилот.
И, удлиняясь ночью, тень
Свой охраняет вертолет.

Молчат движки, стоят винты,
Есть время легкими вздохнуть,
Металл устал, не только ты,
Им тоже нужно отдохнуть.

А утром рано в бой опять,
«Ноздрями» дышит вертолет,
И только техник ждет того,
Кого он выпустил в полет.

Весна приходит, превращаясь в лето,
А лето в день холодный проливной,
И только осень сказочного цвета
Все чаще возвращается домой.

Несут ее ветра туда, где солнце,
Где можно задержаться на денек,
Но я живу, где по утрам в оконце
Уже стучится ледяной снежок.

Мой Север – край двухмесячного лета,
Из них всего-то восемь дней жары,
Но тут с весны гораздо больше света,
И осень преподносит нам дары.

Гусиный клин уже под облаками,
Пора настала птицам улетать,
Я с грустью провожаю их годами,
Мечтая, что мы встретимся опять.

Град

Вижу я – стустились тучи,
Потемнели небеса,
Бьет по ветру град колючий,
Жалит кожу, как оса.
И прикрывшись капюшоном,
Я спешить домой бы рад,
Но снимаю телефоном
Этот первый с неба град.

Поднимите голову, друзья,
И взгляните вдаль на горизонт,
Где пестреет Родина моя
Красками осенними болот.

Голубыми пятнами озер,
Золотою россыпью листвы,
Тундрой, так похожей на ковер,
Где мои рождаются мечты.

Поднимите голову, друзья,
Оторвите взгляд от суеты,
Как прекрасна осенью земля,
И еще роднее с высоты.

Мариша

Елизавета Выучейская

Сегодня пришла дежурить в мой кабинет Мариша Таликова. Пары для неё не нашлось. Я попросила её найти себе помощника. По сути у меня не отдежурил Артём Морозов, но Мариша дежурить с ним наотрез отказалась. Сказала, что она найдёт себе пару из другой группы. Порывисто выскочила в коридор и через минуту привела за руку слегка упирающегося, но сияющего от счастья Лёшу Конева.

Алёша – мальчик со многими странностями, очень тихий и одинокий. Два года в их группе я была классным руководителем, поэтому неплохо знаю этого юношу. Знаю, что за всё время учёбы он ни разу не ходил с ребятами в столовую. Будет терпеть, но вместе со всеми есть не станет. Когда учащиеся группы убежали на обед, Лёша оставался в кабинете, и мы с ним иногда разговаривали на разные темы. Мальчик он неглупый и достаточно глубокомыслящий. Однажды спросила его, чем он занимается в свободное время? На что он ответил:

– Люблю бродить в одиночестве по городу. Хожу, думаю о чём-нибудь... Мне интереснее бродить одному, не люблю компаний, толпа думать мешает.

– Ну, и о чём ты думаешь?

– Обо всём, в основном, о жизни. Иногда стихи сочиняю.

– Алексей, а ты стихи мне свои покажешь?

– Ой, что вы?! Нет, нет! Они ещё не настолько хорошие, чтобы их Вам показывать.

– Скажи, а на дискотеки ходишь?

– Не хожу. А что там делать? Мне это не интересно.

– Да... Трудно тебе будет, – сказала я, – ведь когда-нибудь придется искать пару. Многие ребята и девушки знакомятся именно на дискотеках. Как же ты себе девушку найдёшь?

– А пусть они сами меня ищут. Думаю, что незачем стараться нравиться кому-то, я имею в виду девушек. Будет здорово, если это случится само собой. Придёт сама, увидит, внимательно рассмотрит и полюбит меня таким, какой я есть

– со всеми достоинствами и недостатками...

Вот такой непростой парень.

Все годы, пока я их группу учу, Алексей носит длинные волосы, падающие на глаза. Этими длинными прядями он словно отгораживается от однокашников. Стеснительный до болезненности.

Он и учится на тройки только потому, что стесняется громко озвучивать ответы, хотя я знаю, что он много читает и в некоторых вопросах неплохо разбирается. У нас с ним много общего, поэтому нам есть о чём поговорить на переменах.

Сидит Лёша на первой парте третьего ряда. Если надо срочно стереть с доски, повесить таблицу, или у меня падает ручка, он, никого не стесняясь, всегда приходит на помощь.

Мариша тоже девушка со странностями. Она любит оставаться наедине со мной на переменах и обрушивать на мою голову свои девчоночьи тайны. В начале сентября она влюбилась в молодого физрука Александра Михайловича. Только влюблённость её начала утихать, случился праздник – День учителя. Марише взбрело в голову вручить физруку самодельную открытку.

Она подошла ко мне на перемене.

– Инесса Леонидовна, – горячим шёпотом выдохнула мне в ухо, – как вы думаете, Александр Михайлович сейчас в учительской?

– Не знаю, – ответила я, пожимая плечами и ещё не понимая, к чему клонит девушка. – Вроде бы должен быть в учительской.

Мариша протянула мне открытку, покраснела и пробормотала:

– Обязательно передайте ему это... Только ничего не говорите про меня.

– Ну Маришенька, – начинаю я, старательно подбирая слова, – ты же понимаешь, что дело это гиблое. Александр Михайлович – взрослый мужчина...

– Знаю! Знаю! – с жаром перебивает меня Маришка, – всё наперёд знаю, и что вы мне сейчас скажете, тоже знаю! Я сама об этом много думала. Я ведь видела его девушку, красивая такая, ребёнка их видела. Знаю, что он мне не пара. Но... Только... Всё-таки, пожалуйста, Несслидовна, добрая, хорошая, миленькая, – голос её дрогнул, – очень-очень прошу вас, передайте!

Девушка при этих словах взглянула на меня по-детски доверчиво, с такой надеждой и со слезищей, медленно ползущей по щеке, что отказать ей я не посмела. Забрала открытку и отправилась в учительскую.

«Надо же, – подумала я, – вот это взлёт карьеры, гордись, Инесса! Стать письмоношцем влюблённой девчухи, ну не смех ли? Надо что-то придумать, чтобы не передавать эту открытку.»

Но на моё счастье ничего придумывать не пришлось, Александра Михайловича в учительской не оказалось. Тут и звонок прозвенел.

На следующей перемене снова подбегает Мариша и скороговоркой спрашивает:

– Несслидовна, скажите, пожалуйста, Вы передали ему мою открытку?

– Нет, Маришенька, Александр Михайлович не заходил в учительскую на прошлой перемене.

– Ой! Как хорошо! – вырвалось со вздохом облегчения у неё. – Знали бы Вы! Вы только бы знали, как я волновалась всё это время! Я поняла! Я всё поняла! Дайте мне открытку!

Её слова были наполнены таким душевным огнём, какой может полыхать только у впервые влюбившейся девчонки. Протянутую открытку она из моих рук нетерпеливо выдернула и ушла, нервно постукивая каблучками. Я с облегчением вздохнула.

Тогда подумала, что она не будет отдавать открытку Александру Михайловичу. Сегодня узнала: всё-таки вручила.

Вот так. Бьётся же девчоночье сердчишко, любит, страдает, переживает, на то оно и дано.

Уже несколько дней исподтишка наблюдаю за Маришей и Лёшей. Льнут друг к другу. Глаза в глаза смотрят, и такие радостные оба!..

Маришка на перемене привела Лёшу в кабинет.

– Помоги мне! – сказала она Алексею довольно властно и бесцеремонно. – Я сегодня одна дежурю.

– Марина, – попробовала вмешаться я, – у Алёши ещё один урок, а переменка короткая.

– Ничего, – безапелляционно сказала она, уже обращаясь ко мне, – пусть он хотя бы сту-

лья на столы поставит, какая-никакая, а помощь.

Лёша, не говоря ни слова, начал поднимать стулья. Причём делал он это так: стулья на столы ставил сиденьями, а Мариша – ножками.

– Несслидовна! А чего Алёшка так странно стулья ставит? – спросила Маришка, хотя этот вопрос она вполне могла задать Алексею.

– Это чтобы столы не пачкать, – ответил за меня Алёша. – Знаешь, сколько песка потом на партах будет. – Сказав это, Лёша стал переворачивать стулья, поставленные Маришей.

Девушка довольно улыбнулась и, глядя на меня, с манерным вздохом произнесла:

– Ох! И в кого ты, Алёшка, такой правильный?

– В Инессу Леонидовну, – улыбаясь и украдкой взглянув на меня, сказал он.

Признаюсь, мне было жутко приятно услышать это.

Я стала собираться домой. Уже давно прозвенел звонок. Группа третьекурсников ушла на урок, а Лёша так и остался в моём кабинете с Маришей. Перед уходом заглянула в кабинет и увидела: Маришка ткнулась лицом Алексею в грудь, а он замер с метлой в руках, и лицо его озарилось робкой счастливой улыбкой.

Как они уберут кабинет, завтрашний день покажет.

18.10.2010

Прощай, проклятый интернат

Виктор Матвеев

Года пролетят,
Словно белые стаи над нами,
Года пролетят и забудутся наши печали.
Прошедшее вспомним
С пронзительной, острою грустью –
Оно никогда нас с тобой
От себя не отпустит...

Радиодинамик, висевший в классе над грифельной доской, прокашлялся и произнес:

– Внимание! Говорит школьный радиоузел! Членам сборной школы по лыжам срочно собраться в кабинете директора!

Он вопросительно посмотрел на учителя истории Зинаиду Сергеевну, которая утвердительно кивнула и продолжила урок. Его общение с этой пожилой женщиной складывались как нельзя лучше – она видела его отношение к предмету, полностью ему доверяла и даже уполномочила пару раз самому вести урок ввиду ее отсутствия по болезни.

Поскольку с их девятого «А» в сборную никто, кроме него, не входил, пришлось идти одному. И то, что он там услышал, его совершенно не порадовало.

Завуч Майя Алексеевна кратко разъяснила причину вызова:

– Вчера работник буровой, находящейся на реке Пешица, а именно Ушаков Николай Елисеевич, отправился туда на лыжах. Но на буровой не объявился. С собой у него был рюкзак.

– Местный, места эти должен знать! Значит, что-то случилось!

На улице было минус 28 с приличным ветерком, и что в этом случае могло произойти, объяснять не надо.

– Ваша задача: в составе группы прочесать единственную дорогу, ведущую туда в полосе 50-100 метров от нее в обе стороны до буровой в районе реки Гусинец. Далее – до Пешицы – будет действовать другая группа, которую доставят туда на ГТТ. Идите, собирайтесь и оденьтесь потеплее. Сбор через 40 минут у школы. Все.

Николай не дошел до буровой всего 600 метров. Перед последним поворотом, где дорога делала крюк, сошел с нее и пошел напрямую – по целине. Присел отдохнуть. Даже лыжи не сняты. Полулежал, присыпанный снегом. Уснул и замерз. В рюкзаке, помимо личных вещей, было две бутылки спирта. Не начатых.

Он не раз еще в жизни увидит людей, замерзших насмерть – это накладывает на человека характерный отпечаток. А что, если бы он просто взял и выпил? Хотя бы 100 грамм. Дошел бы! На зубах, но дошел! А так – нет. Всё нес ребятам.

Пройдет всего два года, и в этих же местах, на полпути из Белушья в Пёшу, в такую же погоду, он будет тащить на себе девятиклассника Вовку Колтырина, который этим же днем придёт на лыжах в посёлок, а вечером отправится обратно. И видно Судьба сама послала его на встречу Вовке. Один бы тот просто не дошел.

Он приехал в начале февраля в отпуск с военного училища и собирался отправиться в Пёшу к своей знакомой, как сказал его один товарищ: «Для романтически настроенного дурака и 20 верст не крюк!» Но получилось так, что случайно встретил Вовку, а тот, обрадовавшись, попросил пойти с ним вместе. И просто «встал» на поддороги:

– Ты иди, а я отдохну немного и догоню!

– Ага! Плавали, знаем! Не лето красное, не май месяц!

Это состояние ему было хорошо знакомо по лыжным гонкам и многочисленным кроссам с полной выкладкой. Когда ноги становятся ватными, сопли вперемежку со слюной тянутся веревками до колен и предательская подленькая мысль начинает стучать по мозгам: «Отдохни! Чего ты!» И тут, преодолевая боль, через «не могу», переламывая себя, начинаешь понимать, чего ты стоишь на самом деле, продираясь ко второму дыханию, используя все резервы организма. И физические, и моральные.

Отмахать за день почти сорок километров – для этого нужны веские основания и определенная физическая подготовка, которой у Вовки как раз и не было. Какие силы в пятнадцать-то лет? Не говоря уж о физической выносливости. Ну пацан же еще!

– Домой чего-то захотелось! Детский сад!

Ближе к ночи, уже в потёмках, он дотащит Вовку до интерната, шатаясь от усталости, сбросит его прямо в первой комнате на кровать, где проживали белушские и выдавит, глядя в их испуганные лица – Вовка же ушел не спросившись:

– Позвоните из кабинета заведующей в поселок: «Добрались. Все нормально!»

Хорошо рассуждать о героических вещах, лёжа дома на диване и почитывая Арсентьева «Смерть меня подождет» или «Семьдесят два градуса ниже нуля» Санина. Книжки – это книжки, но реальная жизнь намного прозаичнее, страшнее. И чего ты стоишь на самом деле, поймешь только тогда, когда сам попадешь в подобную ситуацию.

Впрочем, как в той сказке: петушка в этот раз спасли. Но в другой раз – увы. Слишком шепутным был Вовка. Не уберется. Есть такая категория людей, которые начинают что-то делать, а потом думают. Вот Вовка к этой категории и относился.

Как сказал герой Кирилла Лаврова в фильме «Колье Шарлотты»:

«Скачет птичка весело по дорожке бедствий,
Не предвидя от того никаких последствий!»

Про Нижне-Пешский интернат середины 70-х нужно сказать отдельно.

С виду это обшарпанный, давно не крашенный, обшитый вагонкой двухэтажный дом из бруса, где на первом этаже располагались кабинет заведующей Тамары Николаевны, столовая и пять комнат для проживания учащихся девятих-десятих классов, приехавших из населенных пунктов Канино-Тиманья.

В этих поселках были в основном восьмилетние школы, а в Волонге – так и вовсе только 4 класса. Так что жить вдали от родимого дома довелось многим с самого детства.

Традиционно в первой комнате жили белушские. Вторая – Волонга. Третья – Ома, Снопа, Вижас. Четвертая отдавалась индигским. Пятая – Верхняя Пеша и Волоковая. Вариации на тему расселения были, но незначительные.

Девушки располагались на втором этаже. Условия, мягко выражаясь – грубо говоря, были спартанскими. Всяческое отсутствие удобств. Туалет прямого падения в холодном коридоре, на стене которого, аккуратно напротив глаз сидящего, карандашом, жирно было написан то ли девиз, то ли констатация факта «Поср..ть без куренья, что чай без варенья!»

Вода привозная с реки, печное отопление. Дрова и уголь. Сами напилим, сами наколем. Еще и учителям поможем. Электрических розеток в комнатах не было, только одна лампочка. Ничего, приноровились. Путем нехитрых инженерных действий пара лезвий безопасной бритвы и кусок провода становились кипятильником.

В небольшой комнате они жили вшестером, спали на панцирных кроватях. Общая вешалка, три тумбочки и выступающая на полметра из кабинета заведующей печь – вот и весь комфорт. Да, еще радиодинамик, который включался в шесть утра с Гимном СССР и выключался в полночь, после исполнения того же Гимна.

Баня – раз в десять дней. Общая. В поселке. В специально выделенное время.

Питание было тоже не ахти. К концу месяца заканчивались выданные лимиты, доедались последние остатки того, что было на небольшом холодном складе, и все запивалось горячим чаем. «Республика ШКИД», да и только! Спасало то, что сами занимались ловлей куропаток и зайцев, которых варили в интернатовской столовой – в персональной кастрюле для своей комнаты. Спасибо поварам, двум Ивановнам – Христине и Валентине, всегда шли навстречу, не отказывали. Ребята были все деревенские, к труду привыкшие с детства. Вообще, это умение выживать в экстремальных условиях очень пригодится потом в жизни, а в армии особенно. Городским всё было в диковинку, а уж намотать правильно портянки и вовсе казалось непосильной задачей!

Традиционно статус «интернатовского» давал право посещения взрослых фильмов в родном поселке. Это как пропуск во взрослую жизнь, с тобой уже считались всерьез.

Дощатое здание интерната особым теплом не отличалось и продувалось насквозь. Холодина была лютая. Зима 1973-74-х годов выдалась вообще на редкость морозная. Минус сорок – обычное явление. Матрацы примерзали к металлическим сеткам кроватей. Иней по углам стен. Спали все вместе, не раздеваясь, сдвигая кровати посередине комнаты.

Что касается отношения поселкового контингента к ним, то это постоянные стычки с определенной категорией местных «кадров». Такие есть в любом пункте. Особых развлечений в селе не было, вот их как магнитом и тянуло к интернату. Тут и девушки приезжие, да и ребят «тряхануть» можно, кто послабее и отпор не даст. В любом поселке найдется пара «отморозков». Участкового никто в глаза не видел. Рассчитывать приходилось только на себя. И на плечо друга. Вместе и держались. Поодиночке – замнут.

Спасало движение. Чем-чем, а лыжами он увлёкся с детства. Как на Севере да без лыж! В интернате они постоянно этим и занимались – компания подобралась отменная – окружные соревнования 74-го года по лыжам выиграли на раз и в эстафете, и в личных гонках. Имели первые взрослые разряды и на этом останавливаться не собирались. Что-что, а дух соревновательности физрук Николай Павлович им привил – дай Бог каждому! Встать в шесть утра и до завтрака сгонять «десятку» было в порядке вещей.

– Быть надо только первыми! – говаривал он. – Вы у меня теперь чемпионы округа. Надеюсь, и в дальнейшей спортивной жизни не потеряетесь.

А еще в почете были карты! Собирались обычно в третьей – у омских. Там и комната побольше и закуток удобный – за печкой. Вариантов игр было много, но особой популярностью

пользовался «козёл обыкновенный». Вышшим шиком было врезать противоборствующей паре «тридцать шесть козлов» и шестерки на погоны! Но, это уж как карта пойдет! Его постоянный партнер – Димка Сахаров, с которым у них была выработана целая система условных знаков. И какие у кого карты, им становилось известно только по одному взгляду и несколькими неприметным жестам.

В шахматы в интернате никто практически не играл, но вот в селе соревнования порой проводились. В 10 классе он выиграет первенство поселка и получит свою первую конкретную награду – наручные часы.

Что до культурной жизни, то она ограничивалась еженедельными субботними танцами в помещении столовой на первом этаже, да и то не всегда. А чтобы пойти на эти самые танцы, нужно иметь хотя бы приличные брюки! С этим были проблемы. Готовых в продаже днем с огнем не найти. Единственный вариант – сшить в местном ателье у хромой закройщицы. Так еще и материал нужно было найти. Тоже проблема.

Мишка Малыгин, старше их на год, местный, вот также все ходил в старых с пузырями на коленях штанах. Кудрявый, стройный, спортивный парень. Сшил шикарные брюки, по фигуре, клеш – все дела. Пришел весь такой-растакой в школу! Ну, франт! Ленка Кузнецова – его пассия и первая красавица школы, позднее они поженились и жили на Варандее. И надо же, незадача: первый урок – физкультура! Прыжки в длину. Миша не нашел ничего лучше, как в брюках и прыгнуть. Ладно бы после приземления улетел носом вперед, так нет! Все пошло по наихудшему сценарию! Потерял равновесие, его утянуло назад! Брюки треснули на самом интересном месте! Не смеялся никто.

Гитара в интернате была всего одна, старенькая семиструнная, у его друга Тарыча – Витьки Таратина из Волонги. Два года вместе за одной партией просидели. Собственно, Тарыч его и научил играть. А песен Тарыч знал великое множество. Репертуар состоял из адской смеси песен Высоцкого, Окуджавы, Аркадия Северного, Вертинского и ещё Бог знает каких неизвестных авторов:

– ...А вдоль по тундре, по железной дороге,
Где мчит курьерский «Воркута – Ленинград»...

Временами Витька устраивал показательные концерты, поставив табуретку на стол и усевшись на него сверху, начинал:

– Меня искал весь наш госаппарат,
Меня искала вся милиция Союза –
Не мне ворочать камешки
В мои шестнадцать лет
На берегу пролива Лаперуза!

А его «посельщик» – Борька Хозяинов пу- скал по кругу шапку:

– Подайте, люди добрые! Сами-то мы не местные!

Подавали обычно сигаретами, так как оба покуривали. Бывало, подкидывали и мелочь. После первого Нового года, встреченного в интернате, Серега Кныш (сам с Горячего Ключа, отец которого работал мастером на буровой, а его сдал в интернат, чтобы дурака не валял, да и всё под присмотром!) привез песню, от слов которой все просто «угорали»:

– Там в океан течет Печора,

Там всюду ледяные горы,

Там стужа люта в январе –

Не хорошо зимой в тундрЕ! (с ударением на последнем слоге).

Как специально – про них! Спустя годы, уже с появлением Интернета, он узнает, что эту песню написала Ада Якушева и посвятила ее Юрию Визбору.

Серега рассмешил всех и просто «убил», когда привез с каникул сотню рублей – огромные в их глазах деньги! Небрежно вытащив пачку из кармана, эффектным жестом порвал резинку, наклонился над кроватью и высыпал их себе на голову:

– Гуляем! Рокфеллер приехал!

Уж погуляли, так погуляли! Весь интернат на ушах стоял! Но репертуар Витькиных песен не ограничивался только «блатотой», ему не чужда была и лирика Есенина, а романс на слова неизвестного поэта и вовсе растрогал того же Серегу до слез:

– Я пишу тебе, друг мой, со станции Осень,
Где тревожно гудят на путях поезда,
А багряные листья постоянно уносит
В своих зябких ладонях речная волна...

– Все! Сейчас Ритку приведу. Качегову. Для нее исполнишь! С перебором! А вы – посмотрел на нас – сидите тихо!

Любовь у них, видишь ли. Как она плакала, когда пришла пора расставаться! Как плакала! Думали: «Уплывем все, на хрен, без весел!»

К десятому классу стало спокойней. Обыклились, пообтерлись. А такой нюанс, что с началом навигации в селе катастрофически не хватало рабочих рук для разгрузки грузов, проходящих по реке пласкоутами с Белушья, их попросил директор Николай Иванович помочь родному рыбокоопу, так и вовсе сделал их привилегированным классом. Не за бесплатно, разумеется.

Так что они были и с деньгами, и при товаре. И к своему выпускному были готовы на все сто. Под кроватями лежали чемоданы, под завязку набитые спиртным. Бабка-уборщица и ночная няня по совместительству ругалась:

– Чево у вас там напихано? Кирпичи, что ле? С места не сдвинуть!

– Книги там у нас! Учебники! К выпускным экзаменам готовимся!

Знала бы она, какие там книги! Ящик спирта, да три – вина «Ркацители» – для девушек! Специально привезли из соседнего села Омы на «АН-2», договорившись с пилотами.

В один из солнечных июньских дней 1975-го

его друг Витька Воронов, раздобыв где-то большое увеличительное стекло, выжжет на стене, рядом с окном в их комнату надпись: «Прощай, проклятый интернат!», выразив общее настроение по факту их проживания в нем. Да и не только их. Под этими словами многие бы подписались.

«Ворона» красовался в военной рубашке и кителе со значками – снял с демобилизовавшегося брата Славки, пока тот в поселке гулял «со товарищи». Витька «водился» с Надеждой В. – «девушкой с бархатной кожей», как ее все звали, дочерью знатного оленевода, и это обстоятельство делало его объектом постоянных подначек:

– Ну, все, теперь с оленями будем! Тесть-то богатый! Орденом Ленина награжден! Не хухры-мухры! В окружной газете фото было напечатано.

Торжество по случаю «выпускного» отмечали в поселковой столовой. Тут же и аттестаты вручали и красивые речи говорили: «Впереди у Вас светлое будущее, знаете ли! Счастья и радости в дальнейшей жизни, понимаете ли!» Вот тут-то их припасы и пригодились. Два класса, в каждом по 36 человек. Итого: 72. Плюс родители, которые смогли приехать. Приглашенные и учителя. Местная администрация. Вокально-инструментальный ансамбль из воинской части. Всё по высшему разряду!

В разгар торжества они вызвали директора на улицу, за столовую – для разговора. Налили ему полный стакан водки, который Николай Иванович, бережно приняв, выпил, мотнув головой и, занюхав кулаком, сказал:

– Дай вам Бог, ребята, не потеряйтесь в этой жизни! Держитесь друг за друга! И главное – всегда оставайтесь людьми! А сейчас пошли в зал – люди ждут!

Пошли, не возражая, «Тарыч» за спиной директора показал ему большой палец.

А через три дня придет отчим на «Казанке» и вручит ему повестку – явиться в военное училище туда-то и тогда-то. Всё. Гражданская жизнь закончилась. С остатками детства. Кануло в вечность.

Они поедут всемером, а поступит он один. Потому что он хотел поступить, а они, честно говоря, «валяли дурака» – так, «за компанию», сами не зная, чего хотят в этой жизни. Поддались на уговоры военкома, выполнявшего свой план.

У любого человека должна быть мечта, цель. И не одна. Они могут быть локальными, тактическими и стратегическими. Это уж у каждого свое. И если ты поставил перед собой цель – иди до конца. И она обязательно сбудется.

...И мы никогда не забудем
про светлое детство,
И будет порою
туда нам с тобою хотеться,
До боли хотеться,
да прошлому нету возврата –
Мы дальше по жизни пойдём,
пошагаем, ребята!

Бабушка

Нина Валейская

Мой чудесный северный край – родина перелетных птиц, светлых летних ночей, неистовой зимней пурги и замечательных добрых людей. Меня на Север всегда неудержимо тянуло, особенно, когда там жили мои любимые родные – мама и бабушка.

Жили мы в маленькой однокомнатной квартирке в деревянном двухэтажном бараке на берегу Печоры, возле порта. Все дома в Нарьян-Маре, так же, как и сейчас, имели свои названия. Наш барак назывался «Шумел камыш». Я была единственной горячо любимой внучкой моей бабушки Ирины Григорьевны, и всегда была при ней, потому что моя мама сначала училась, а потом работала далеко от нас. Моя бабушка всю жизнь прожила в тундре, была умелой тундровичкой, а вот горожанкой была «аховой». В городе бабушка продолжала жить по тундровым понятиям и обычаям. У нас тогда, мне кажется, останавливались все ненцы, приезжавшие в Нарьян-Мар по своим делам. Наш двор заполняли олени упряжки, за которыми никто толком не следил, но ни разу с нарт не пропало ни одной покупки наших гостей. Бабушка никому не отказывала, и, конечно, не брала ни копейки за постой. Ненцы с шумом вваливались в нашу квартирку, и она сразу же наполнялась запахами цветущей тундры или морозной свежестью её ледяных бескрайних просторов. Бабушку особенно волновал памятный её тундровой душе запах дыма ивовых костров и теплый запах оленьих шкур. Большой стол заваливался гостинцами из тундры, и ведерный медный самовар неоднократно ставился бабушкой на стол. Наш маленький русский сосед из квартиры напротив – Сашенька, прибежал к нам, и с порога заявлял, что он тоже ненец, и оставался у нас до самой ночи, а порой и засыпал, то рядом с бабушкой, то рядом со мной. И обязательно писал ночью в кровать, потому что пил со всеми густой черный чай. Его пичкали сырым оленьим мясом и

рыбой, ягодами и вареными куропадчыми яйцами. Уже будучи взрослым, Саша при встрече с нами всегда почтительно наклонялся и, как в детстве, подставлял лоб для бабушкиного поцелуя. Его ранняя трагическая смерть была большим горем не только для его родных, но и для нас...

Если, кроме чая, наши гости пили ещё и водочку, то шум из нашей квартирки не стихал до самого утра, но никто из соседей ни разу не пожаловался на нас с бабушкой в милицию. Лишь глубокой осенью, к большому огорчению бабушки, мы оставались дома совершенно одни.

Как-то моя мама Ксения Петровна перед очередным своим отъездом купила и привезла на попутной машине два, розового атласа, ватных двуспальных, стёганных узорами, одеяла. Мы с бабушкой впали в неописуемый восторг от их розовой красоты и удивительной мягкости, но одеяла почти сразу же стали стелиться гостям. По ненецким обычаям, всё самое хорошее и вкусное в чуме подавалось гостям, а моя бабушка трепетно чтит законы тундры, а не какие-то там городские, которых она, возможно, и не знала.

Как-то осенью, когда от нас отхлынул весь народ, бабушка вдруг заметила, что одеяла имеют нездоровый, серый и усталый вид, и тут же приняла крутое решение. Буквально через час она с великим трудом тащила к реке первое одеяло. Я уныло плелась за бабушкой с хозяйственным мылом в руке и связкой прищепок на шее. По привычке я не ожидала ничего хорошего от бабушкиной скоропалительной затеи.

Оставив меня на берегу сторожить одеяло, бабушка поспешила за вторым. Можно подумать, что кто-то мог польститься на такое замызганное одеяло. Да лучше бы его украли, а ещё лучше, если б украли оба. Наконец, появилась запыхавшаяся бабушка со вторым одеялом и началась стирка века. Вода у дебаркадера была довольно грязная, но зато в красивых разводах нефти, и я залюбовалась ими. Одеяла, как капризные дети, не желали мыться, так и норовили вырваться из рук и уплыть от нас вниз по течению. Пару раз нам с бабушкой пришлось прыгать в воду, чтобы спасти одеяла от неминуемой гибели. Мыло толком не мылилось, и, улучив момент, выскользнуло из руки бабушки и быстренько смоталось от нас. У нас мыло пожило бы ещё, а река Печора большая, и сразу же смылила это непослушное, глупое мыло. Люди на дебаркадере, ждавшие паром, с изумлением и восхищением, как мне показа-

лось, глазели на нас. Не каждый решится в такую погоду стирать ватные одеяла в реке.

Бабушка надеялась, что мы после стирки уже вдвоем донесем до дома одеяло на палке. Но куда там, палка сразу же сломалась, и я, и одеяло упали. По-моему, самым правильным решением было бы нечаянно оставить одеяла на берегу. Уж больно они были тяжелыми от воды и налипшего на них речного песка.

Никто не отважился помочь моей бабушке донести до дома такое одеяло. Ей пришлось самой, с большим напряжением и кряхтением, волочить его по земле. Волочить пришлось долго, с большими перерывами на отдых. Каким оно стало после этого, лучше не вспоминать. С великим трудом и матюками бабушки на трёх известных ей языках, мы пристроили первое одеяло на поленнице дров возле нашего дома. Когда бабушка на последнем издыхании приволокла второе одеяло, и мы попытались затащить его к первому, то дрова развалились! Одеяла нехотя и важно въехали в большую грязную лужу. Бабушка опять вспомнила все известные ей матюки, но тут её обуял нервный, неудержимый смех, и она сама чуть не упала в эту же лужу. Даже дома, ставя самовар, бабушка продолжала смеяться. Как же мы устали и промерзли до самых костей! Ведь мы дважды прыгали в реку, спасая одеяла, и еще все время моросил нудный осенний дождик. Нас разморило от тепла печки и горячего чая, и бабушке стало жалко стынущие в холодной грязной луже одеяла, и она придумала, как их просушить. Всего-то надо было закинуть одеяла на крышу нашего сарая и хорошенько их там расправить: скоро зима, и снег вытянет из них всю влагу. Но мы понимали, что одним нам с такой работой не справиться.

Вдруг на пороге нашей квартирки появился Иван – племянник бабушки – с увесистой авоськой свежей рыбы, завернутой в газеты. Был он в добротном ватнике и клетчатых брюках, заправленных в высокие сапоги – бродни. На лысой его голове красовалась новая кепка, которая ему явно нравилась. Он её не снял, когда подсел к столу. Иван стал пить чай, так же, как и мы, макая куском черного хлеба в рыбную «помачку». «Помачка» – это когда особенным образом подкисшую белую рыбу заваривают крутым кипятком, сдабривают растительным маслом, и добавляют самодельную горчицу с тонкими полукружьями лука. Это очень-очень вкусно. Ваньчо – так звала племянника бабушка – весело смеялся над нашими злоключениями со стиркой одеял, но смех его застрял в горле и лицо вытянулось, как только бабушка предложила ему помочь нам поднять из лужи одеяла на крышу нашего сарая. В те времена было принято уважать просьбы старших по возрасту, поэтому Ваньчо быстро сбегал до своей лодки, принес старый ватник и брюки, переделался и подтянул на всю высоту свои бродни. Он раздобыл где-то старую шаткую лестницу, и при-

слонил её к стене нашего сарая.

Бабушка была уже старенькой и довольно грузной, надо было видеть, как она, вновь вспоминая все известные ей матюки, лезла по лестнице на крышу сарая. Чудом поднявшись на неё, бабушка сказала нам, что ни за что на свете не будет слезать по этой шаткой лестнице обратно на землю. Мы долго возились, и все трое перемазались липкой грязью, прежде чем нам удалось втащить одеяла на крышу сарая. Это была, скорее всего, заслуга Ваньчо. Мы не успели обрадоваться успеху, потому что внезапно вместе с одеялами провалились вовнутрь сарая. Как хорошо, что мы летели вместе с ватными одеялами, только поэтому никто не пострадал. Оказалось, что крыша сарая была из старых досок, прикрытых гнилым рубероидом.

Выйти из сарая мы не смогли, потому что на его двери висел огромный амбарный замок. Тогда никто в городе не закрывал двери на замки, да и бабушка купила этот амбарный замок из-за ключа. Она хотела носить его для красоты на поясе, но почти сразу же потеряла. Бабушка была рада, что мы так удачно слезли с крыши, а то, что одеяла так и не попали туда, её уже не волновало.

Осенью, без снега, в пасмурный день быстро темнеет. В это время все люди уже вернулись домой с работы, на улице никого не было. Сколько мы ни кричали, никто к сараю не подходил. Мы уже отчаялись, как вдруг услышали, что кто-то подошел к двери сарая, и снимает замок. Мы просто взвыли от радости, и рванулись к двери. Освободителем оказался наш сосед со второго этажа. Он проходил мимо и услышал наши крики. Замок был не закрыт, просто продет в дужки. Сосед открыл дверь сарая, и его, с перепугу, чуть удар не хватил. Увесистый амбарный замок выпал из его рук и больно ударил по ноге. Из двери сарая вырвались два больших и одно поменьше, грязных чудища. Откуда мог знать наш сосед, что мы просто с головы до ног были перемазаны в глине?! Мы с Ваньчо, не останавливаясь, с радостным воем помчались домой, а бабушка стала благодарить соседа за чудесное спасение. И только тогда он пришел в себя и стал смеяться. Он тут же предложил ей новые крепкие доски, рубероид и свою помощь в работе. Оказывается, наш сосед совсем недавно перекрыл крышу своего сарая, и у него осталось ещё много досок, гвоздей и рубероида.

За выходные дни Ваньчо и наш сосед перекрыли крышу нашего сарая. Доски так сладко и свежо пахли деревом. Я ведь тоже там была и, скорее, мешала, чем помогала, а довольная бабушка из окна кухни любовалась их работой. Ваньчо и наш сосед ловко подняли одеяла на крышу сарая и тщательно расправили их там.

Мы хорошо и очень шумно отметили окончание работ на нашей крыше. Бабушка от всей своей щедрой и любящей души постаралась, чтобы на нашем столе было всё только самое свежее и вкусное. Она необыкновенно вкус-

но солила белую рыбу. Она получалась очень нежной и чуть розоватой. У бабушки к посолке рыбы был особый дар, который мне, к сожалению, не передался, а сваренное ею оленьё мясо было сочным и таким нежным, что можно было есть его одними губами.

Бабушка пригласила к столу не только соседа - помощника, но и всю его семью. На шум подтянулись и другие наши соседи, некоторые из них пришли со своей водочкой и едой из дома. Почти сразу же все забыли, по какому поводу гулянка, и дружно поднимали граменные стаканы за какой-то, уже прошедший к тому времени, праздник. Все дружно и с большим воодушевлением пели, как всегда, русские застольные песни. В том числе и «Шумел камыш». Может быть, по причине этих шумных застолий и получил такое название наш барак?

Новую кепку Ваньчо мы с бабушкой случайно нашли только летом, когда окончательно высохла та самая грязная лужа. Кепка, по видимому, упала с лысой головы Ваньчо, когда он возился с нашими одеялами. За всё это время он о ней и не вспомнил, а ведь она ему так нравилась! Нам с бабушкой захотелось обрадовать Ваньчо этой находкой, но кепка была очень грязной, и мы решили её постирать. Мы не только постирали кепку, но и дважды кипятили её с содой, хозяйственным мылом, горчичным порошком и тщательно просеянной золой из печки. Наверняка кепка стала чистой, даже стерильной, вот только на голову Ваньчо она после всего этого не влезла, и он по этому поводу долго, до слёз, смеялся.

Ваньчо часто бывал в городе, но из-за наших с бабушкой проблем порой забывал, зачем приезжал в Нарьян-Мар. Бабушкин амбарный ключ в конце концов нашёлся, причем в самом неожиданном месте. Дело было так. Мама привезла мне брошку в виде мухи, и я, чтобы она не затерялась, прикрепила её к листику толстянки. Бабушка сослепу приняла муху-брошку за настоящую и ударила по ней полотенцем. Муха-брошка и не думала улетать, и тогда бабушка так ударила по ней, что горшок с толстянкой упал и раскололся, комья земли разлетелись по всему полу. Убирать землю бабушка поручила мне, и вот тогда среди комьев земли мною был найден ключ и три подгнившие трубочки денег. Мама каждый месяц посылала нам деньги, и бабушка их прятала, но вспомнить куда, порой не могла. Ключ от амбарного замка недолго красовался на поясе бабушки, он навсегда потерялся вместе с поясом.

Пришла зима и укрыла снегом наши многострадальные одеяла. Мы с бабушкой о них благополучно забыли, и, возможно, вспомнили бы только весной, если б не Ваньчо. Он откопал одеяла под самый Новый Год и занес домой, и сразу же остро запахло морозной свежестью. Одеяла были сухими и очень холодными. Вата в них плотно слежалась, и были они сероватомутного цвета, с некоторыми, особо въевши-

мися, пятнами грязи. Даже от холодных белых снегов наши одеяла не порозовели! К нашему с бабушкой огромному огорчению, на вид они стали намного грязнее, чем были до стирки. Вот и стирай после этого! Что только мы ни делали с одеялами, чтобы они вновь стали мягкими. Хлопали ими по полу, стучали скалкой, теребили руками, ходили по ним босыми ногами. Ничего не помогло! По нашему общему мнению, одеяла стали только ещё серее и плотнее. И тогда бабушка, вся красная и потная, с торчащими дыбом седыми волосами, вдруг сказала мне, чтобы я брала пример с наших одеял: как бы ни теребила, ни трепала меня жизнь, я оставалась такой же крепкой и твёрдой, как они.

Чтобы скрыть от зорких глаз мамы хотя бы серость наших бедных одеял, мы, наконец-то, догадались надеть на них пододеяльники. Но разве от мамы можно было что-то утаить? В первый же вечер брови мамы полезли на лоб. Они всегда так делали, когда она сильно удивлялась. И всё потому, что мама взялась за одеяла, готовясь ко сну. В доме запахло порошком, назревал скандалчик. И тогда бабушка скромно заметила, что, возможно, мама и хотела купить розовые одеяла, но потом решила, что серые не такие маркие, и купила их. И поспешила добавить, что с годами никто не молодеет, и эти одеяла были мягкими по молодости, но со временем стали старше, и потому окрепли и уплотнились. Если бы мама знала, что пришлось пережить на своём веку нашим одеялам, то стала бы относиться к ним с большим уважением. Неизвестно, убедили ли маму слова бабушки, но вскоре я, крепко прижавшись к ней, безмятежно спала под одним из этих одеял. Почему-то, когда приезжала мама, гостей у нас не бывало, но стоило ей уехать, как почти сразу же под нашими окнами слышался звон оленьих колокольчиков и шуршание полозьев нарт, и бабушка радостно выбегала на крыльцо. Как это получалось, не знаю, ведь в те времена сотовых телефонов не было и в помине. Просто какая-то мистика.

Мама приезжала всегда с подарками. Помню, как-то привезла целый чемоданчик с лимонными вафлями. Ничего вкуснее я в жизни не едала. Пока мама с дороги, в кухне чаёвничала с бабушкой, я ухитрилась съесть все вафли. Когда они вошли в комнату и увидели, что я лежу на кровати с раздутым животом и еле дышу, а в чемоданчике только пустые обёртки от вафель, то сильно испугались. Всё обошлось, но если сейчас съесть такое же количество вафель с некоей химией в них, то последствия могут быть непредсказуемыми.

Бабушка обожала алюминиевые бидончики, и мама каждый раз привозила ей хотя бы один новый бидон. Со временем их у нас собралось немало, и часть из них коротали свой век в темноте и сырости нашего сарая. Бабушке стало жаль сосланных в сарай бидончиков, и как-то раз она взяла и подарила их все нашим гостям,

после чего снова стала просить маму привезти ей в подарок хотя бы один бидончик. Мы с бабушкой даже в магазин ходили не с сумками, а с бидонами. У бабушки – большой, а у меня – маленький. Та ещё была парочка!

Нам с бабушкой всегда хотелось чем-то обрадовать и удивить маму. Обрадовать как-то не получалось, а вот удивить – почти всегда. Не буду рассказывать, как мы клеили обои на стены, не имея никакого понятия об этом, что из этого получилось, как сильно удивилась мама, и какие её усилия потребовались, чтобы всё привести в порядок. Лучше расскажу, как мы красили полы в нашей квартирке.

Бабушке удалось купить большую банку светлой эмали для пола, это было тогда невероятной удачей. Мне было восемь лет, и я где-то краем уха слышала, что перед покраской нужно подметать пол и мыть его. Бабушка уверенно заявила, что ничего этого делать не надо. Зачем терять время, мол, под краской всё равно ничего не будет видно. Мы никак не могли сдвинуть на середину комнаты большой платяной шкаф, нам удалось это лишь после того, как мы выгребли из него все вещи. Кровати и стол решили не трогать, и даже не красить под ними, ведь всё равно не будет видно. Небрежно закинув все вещи в шкаф, мы, совершенно обессиленные, ушли на кухню пить чай. Вот бы нам после чая остановиться и больше ничего не делать, но куда там! Бабушка с большим старанием красила эмалью вокруг шкафа и всё время повторяла все известные ей матюки, из-за того, что мусор с пола лип на кисть. Я уже не могла подмести веником пол, потому что носила за бабушкой банку эмали, и руки мои были залиты краской. Веник наверняка прилип бы к моим рукам. Руки бабушки тоже были в краске.

Хорошо, что я выронила банку с эмалью уже у порога кухни, но плохо, что брызги краски усеяли нас с бабушкой с головы до пят. Особенно охотно легли они на потное и красное лицо бабушки. После таких трудов нам снова захотелось подкрепиться чаем, но пол в кухне мы тоже покрасили! Бабушка быстро сообразила, как нам пробраться к столу и чаю. На сырой от краски пол мы быстренько наметали кирпичи и положили на них доски. Путь к столу был свободен! Мы кое-как протерли руки керосином и очень довольные собой стали пить чай.

Так как мы обе были в краске, то надумали помыться в городской бане, и бабушка попросила меня достать вещи к бане. Чтобы я не испачкала пол, велела мне кинуть на пол газеты до самого шкафа. Так я и сделала, но в шкафу ничего к бане не нашла из-за страшного бардака в нем. Бабушка рассердилась и сказала, что мне нельзя ничего поручить. Она поспешила к шкафу, но, второпях упала, хорошо ещё, что на газеты. Бабушка была грузной, и я с большим трудом помогла ей подняться. Она тоже не нашла в шкафу нужных к бане вещей.

Бабушка попросила меня собрать с пола га-

зеты, но не тут-то было! Часть газет мне удалось собрать, но на полу остались бумажные чёткие отпечатки моих и бабушкиных ног, её рук и большой попы. Бабушка беспечно решила, что мы снимем остатки газет с пола, когда он окончательно просохнет.

Кошелёк с деньгами был под подушкой на кровати, но туда мы благоразумно решили не ходить.

В это время к нам приехал из поселка Красное Ваньчо, как всегда с авоськой свежей рыбы. Когда он увидел нас во всей красе, и особенно газетные отпечатки бабушкиных рук и попы на полу, то стал безудержно смеяться. Пить чай у нас Ваньчо не стал из-за запаха керосина и краски, но дал нам деньги на баню. Мы с бабушкой уныло побрели в её сторону. Бабушка сильно сомневалась, что нас, таких красивых, пустят в баню. Да и кроме копеек, прилипших к ладони бабушки, у нас с собой ничего не было: ни чистой одежды, ни мыла, ни мочалки.

Мама осталась недовольна нашей покраской пола и до самого отъезда твердила о том, что пол мы загубили окончательно. Да, некоторые погрешности в покраске пола, безусловно, были, не без этого. Пол стал шершавым, с большой тёмной проплешиной от шкафа. Всё-таки шкаф нам не стоило сдвигать с места. Просто бабушка уже своим краем уха где-то слышала, что при ремонте, для удобства, всю мебель сдвигают на середину комнаты. На кухне пол тоже не блистал. Да ещё Ваньчо вырубал с пола кухни кирпичи вместе с краской, и от смеха у него часто выпадал топор из рук. Топором же он скоблил, разумеется, вместе с краской, газетные отпечатки в комнате, и тоже смеялся до слёз.

А в городскую баню мы с бабушкой так и не попали. По дороге повстречались с хорошей бабушкиной приятельницей. Жила она на Сахалине (так называли местные жители пригородный район Нарьян-Мара), в частном доме с банькой, и как раз спешила домой из гостей. Сначала старушка оторопела от нашего вида, потом рассмеялась, и тут же пригласила нас в гости, и помыться в её баньке. Её «молодые» ещё с утра протопили баньку и наверняка уже помылись. Мы с радостью согласились.

Бабушка в парилке кричала на все лады, когда приятельница хлестала её на полке веником, и мне тоже досталось от его душистых горячих веток. Отмытые до хруста, в чистой одежде старушки, мы с наслаждением хлебали на кухне вкусную огненную уху из белой рыбы. Потом долго пили ароматный крепкий чай со свежайшими шаньгами с брусничной начинкой. Нас угощала милая, добрая жена младшего сына старушки, сама же она, тем временем застилала в теплой уютной комнате чистым бельем свою широкую кровать. Только рухнув в кровать, мы поняли, как сильно устали. Мы сразу же провалились в глубокий сон, а старушка-приятельница ещё долго стирала в баньке нашу замыз-

ганную в краске одежду. Она свела все пятна, а утром погладила одежду чугунным утюгом.

Вот такие наши северяне: отогреют, накормят, отмоют, одежду постирают, – и всё с улыбкой и радостью на лице.

Гостили мы с бабушкой у её русской приятельницы почти неделю, пока окончательно не высох пол и намертво не присохли к нему кирпичи на кухне. Тепло распрощавшись со всеми, мы, довольные и счастливые, зашагали домой с увесистой авоськой гостинцев. Больше

мы никогда не стирали ватных одеял в реке, не красили полы эмалью, и не клеили обои на стены. Больно надо. Можно подумать, других занятий нет.

Много лет нет со мной моих дорогих родных. Когда я вспоминаю их, то невольно начинаю улыбаться, а смех теплой волной теснит грудь. Я сама давно уже бабушка, но мне всё равно так не хватает тепла их щедрых любящих сердец.

ПРОЗА

Мой крайний север

Ирина Коваль

Не помню, чтобы в первые моменты пребывания за Полярным кругом я испытывала восторг или удивление, очарование... Нет. Поначалу я оценила только вполне приличные условия жизни в однокомнатной благоустроенной квартирке. И работу, которую мне предоставили сразу. После общаги это показалось абсолютным раем.

И только потом, спустя время, я с жадностью стала ловить любые моменты общения с живой северной природой.

Ромашки. О боже! Они росли в несметном количестве прямо у домов, моргая белоснежными лепестками и обнаруживая свою полную незащитность перед надвигающимися арктическими холодами. Незабудки. Точно такие же, как на большой земле, только намного ярче. Их бессознательная растительная жизнь – образец торжества сил живой природы в этом суровом краю. Оранжевые корочки лишайников как кружевные салфетки на серых каменистых россыпях. В тундре они повсюду!

Вероятно, инстинктивно при наступлении полярной ночи возникало желание насобирать, засушить, замариновать, засолить всё, что только можно найти в тундре, даже мох. Инстинкт гнезда или норы?

Россыпи морошки впечатлят любого. Собирая эту ягоду, жадничаешь, торопишься, каждую третью кидаешь в рот. Это единственный дикорос на побережье Карского в районе Амдермы, которым можно наполнить целое ведро или два. Брусника же напоминает мелкий бисер, собирать её – настоящая мука, а других ягод я не видела вовсе.

Но солнца становится всё меньше и меньше. Неумолимо наплывает долгая ночь. Появляется гнетущее состояние. Никакое, даже самое яркое, искусственное освещение не заменит тепла и света нашего космического, галлюциногенного ярилы. Без него нет жизни. И это первая простая истина, которую ощущаешь кожей.

Моё появление в Заполярье сравнимо с абсолютной авантюрой и прыжком в неизвестность. Это было в начале далёких и очень беспокойных девяностых. Я – вчерашняя студентка педуниверситета, новоиспечённая жена военнослужащего, мама двухлетнего ребёнка. Впервые я летела на крылатой машине, и фраза героини из известного фильма «Титаник» была вполне уместна – «...и выше всех, и выше всех».

Это уже потом мне снились самолёты в вышине небес и ощущение тревоги и страха, что я здесь, на этой странной холодной земле, а они летят и летят, но почему-то мимо... Я отводила себе срок проживания в п. Амдерма максимум в пять лет. Но судьба распорядилась так, что это место на самом берегу Северного Ледовитого океана стало для меня в буквальном смысле ПМЖ.

Долгая-долгая жизнь со всеми её банальными ситуациями и чувством какой-то временности. Временность же создаёт ощущение тревоги. Это как птицы с наступлением осени собираются в стаи, но сначала дожидаются: пока птенцы встанут на крыло, пока день станет короче, пока жир будет нагулян настолько, чтобы хватило сил на долгий перелёт до южных стран... У человека происходит так же. Только сроки отъезда в края, благоприятные для проживания, более длительные.

Первая зима поразила полным безмолвием. В пределах посёлка я не увидела и не услышала ни одной птицы. Мне это показалось весьма странным и непривычным. Это сейчас популяция сорок и чёрных вОронов достигла небывалой численности, раньше они были единичны. Глобальное потепление!

Старалась поймать период зыбких сумерек, некое подобие дня, едва уловимое, но всё же... Когда горизонт едва светлеет, а окрестности погружаются в синий полумрак. И сейчас для меня важно захватить этот период времени, выйти на улицу, поймать сомнительный, но такой необходимый дневной свет. Выражение «выйти на белый свет» приобретает особый смысл.

Сильные метели называют вариантами. Как же здорово, когда идёшь, а этот дикий ветер свистит тебе в спину. Как дунет... так вмиг долетаешь до пункта «Б». Люблю ходить в метель, и чем она сильнее, тем больше драйва. Школьники ждут варианта из-за возможной отмены занятий. Раньше бывало, что поутру невозможно дверь подъезда открыть. Так и ползёшь по нечищеным дорогам по пояс в снегу.

Карское море. В первый раз мужики взяли меня на рыбалку по осени, в непогоду. Случайно взяли, да и без толку. Пасмурно, сыро, холодно, чёрные отвесные скалы выглядят как грозные древние исполины. Море кипит у их подножия, волны несут клочья белоснежной пены. Потопталась на берегу, и – в балок, к теплу буржуйки, к горячей кружке чая с травами. Но когда за столом собрались все, а на стол водрузили миски со скоросолкой из омуля, с белым хлебом, то, не поверите, - море ворвалось в мою брентную душу, буквально как любовь к сердцу мужчины... через желудок. Только что пойманный омуль пахнет огурцом и имеет сладко-сливочный вкус. Белоснежные крупные куски нужно руками разделять на две дольки по хребту и объедать до самой кожицы, обсасывая жир, которого больше всего на брюшке. Мммм! Еда, в которой даже не смысл, а настоящая северная философия.

Прошло время, я наблюдала смену времён года за Полярным кругом, на этой высокой географической широте, куда забросила «злодейка». Скучала, конечно, по той весне, что в облаках сирени и черёмухи... Но, уже понимала, насколько сильно люблю (или ценю?) этот алый краешек солнца, который появляется впервые после долгой полярной ночи, это весёлое чирканье пуночек, первых вестников заполярной

весны, эти отчаянные крики перелётных птиц. Эти зеленеющие мхи и травы... После полярной ночи их готов целовать и гладить! Правда.

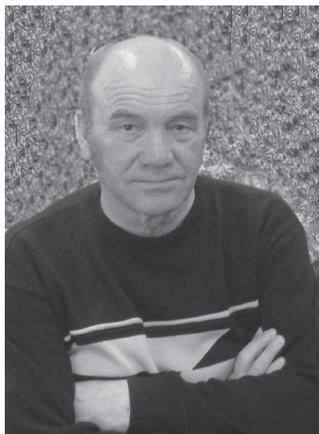
Видела сполохи небесных сияний зимой, червлёные восходы и закаты над морем в осенний период. Белого медведя, властелина Ледовитого океана... Это он здесь хозяин, а вовсе не мы.

Постоянно думаю о том, что человек не должен покорять Арктику. Арктика – это святыня. А святыню следует почитать, но не покорять. Моя жизнь на Крайнем Севере с годами превратилась в добровольное отшельничество. Она представляется мне длинной-длинной песчаной полосой вдоль южного побережья Карского моря, где тишину нарушает лишь шелест волн и крики серых чаек. У моря есть вкус, запах, цвет, настроение, приливы и отливы. Море – живой организм, находиться рядом с ним, делиться сокровенным – счастье.

Вот такой он, мой Крайний Север. С печальными криками одинокого канюка над голыми скалами, с синевой тундровых озёр, с холодным дыханием Ледовитого океана, прямо в двух шагах от дома. С мечтами и чаяниями о самом хорошем в этой нашей странной жизни на краю света. С самого первого дня и до настоящего времени...

Есть ты и сейчас

Вся прелесть прошлого в том, что оно – прошлое.

Оскар Уайльд

При встрече с друзьями детства, не случайной – на бегу, а сидением за столом или на природе, после взаимных расспросов о жизни, делах, разговор, рано или поздно, обязательно перейдёт к воспоминаниям:

– А помнишь?..

И щемящее чувство потерянного рая, называемого детством, которое можно увидеть, но к которому нельзя прикоснуться, всколыхнёт память, и мозг всё настойчивее будет внушать нам: «Вернуть бы!..».

Тоска по детству, к родным местам отравляла мою студенческую юность в Ухте, город за пять лет так и не стал мне родным. Хотя эти годы, безусловно, оставили глубокий след в моей памяти, но вернуть их мне никогда не хотелось. Может, ещё и потому, что не с кем было оживать, хоть изредка, эту самую память. По этой же причине я редко вспоминаю армию – яркую часть моей биографии.

Представилась бы возможность волшебным образом перенестись в прошлое, то, однозначно, – в молодость. Все эти грустные и печальные моменты, веселые и яркие события молодости навсегда остались в нашей памяти. Но прошлого нет, есть только впечатления и эмоции, которые мы вспоминаем, и которые согревают нашу старость, а не разъедают душу, если принимать их дозировано, как лекарство.

Поэтому, когда при встрече или по телефону мои друзья начинают ностальгировать по прошлому, я всегда вспоминаю рассказ Гайдара «Горячий камень». Мальчик Ивашка нашёл на болоте волшебный камень, на котором была надпись: «Кто снесёт этот камень на гору и там разобьёт его на части, тот вернёт свою молодость и начнёт жить сначала».

Ну разбили мы камень, вернулись в прошлое! И прошлое снова стало настоящим: друг

Сергей Тарабкуин

друга не знаем, вся жизнь впереди. Какие, к чёрту, воспоминания? Для этого надо всё снова пройти, испытать, пережить, чтобы это настоящее опять стало прошлым. А потом опозтезировать его и вздохнуть на склоне лет: «Вернуть бы...».

Так что оставьте, друзья мои, прошлое тем, кто в нём остался.

Но ведь хочется!.. Хочется иногда и самому увидаться, пообщаться в здравом уме и твёрдой памяти с ребятами! Вот только такая встреча будет больше похожа на великий бал у сатаны из «Мастера и Маргариты».

Вот почему у Гайдара тот камень так и лежит неразбитым.

«И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси».

Сентябрь 2018г.

Город как наша жизнь.

Нарьян-Мар – город маленький. Если каждый день ездить в автобусе, скажем, на работу – с работы, то через какое-то время с удивлением обнаруживаешь, что большинство людей на улицах города тебе знакомы. Иногда, не удержавшись, я даже спрашиваю знакомого незнакомо человека:

– Не могу вспомнить, где мы встречались?

Ответы не отличаются разнообразием, но они, мне кажется, очень точно характеризуют ментальность большинства людей в этом компактном немногочисленном городе:

– Работали, может, вместе когда-то или на рыбалке водку пили. И не один раз, наверно. И не только на рыбалке.

И всё: процедура узнавания закончена. Раз пили, значит, познакомились. Идёшь по городу, кому-то махнёшь рукой, кому-то её подашь, улыбнёшься. Рука не отвалится, а душа радуется: знают, помнят.

Со временем появляются другие узнаваемые лица, а старые знакомые куда-то пропадают. Умом понимаешь, где они, но в худшее не хочется верить: а вдруг просто куда-то уехали?

Ушли, уехали, простились...

Простились с городом, в котором многие прожили всю жизнь, а кто-то – лучшие годы своей жизни. Как я, например.

Что такое Нарьян-Мар пятьдесят лет назад? Это – морской порт и улица Смидовича, старый универмаг и кинотеатр «Арктика», старый Дом культуры и старая библиотека, старый

музей, почта и окружком партии. Эти дома в то время были «лицом города», его визитной карточкой. У каждого города, будь он большой или маленький, есть свой дух, который зависит от людей, построивших этот город и живущих в нём. И Нарьян-Мар удивительным образом сохранил этот дух до настоящего времени, несмотря на бурное строительство последних лет.

С высоты птичьего полёта он похож на красивый узор, вышитый на канве. Но сама архитектура города лишена пышности и парадности городов-столиц, а острые шпили административных зданий, да ненецкий орнамент и атрибутика оленеводов на некоторых домах каждый раз переносят меня в сонный патриархальный Нарьян-Мар.

Я многие годы ходил по деревянному городу по деревянным же тротуарам, дышал здешним воздухом, знакомился с людьми и постепенно проникся духом города. Он и сейчас ещё волнует мою душу и часто будоражит воспоминания. А воспоминания всегда вызывают грусть. При первом знакомстве Нарьян-Мар был старым, а я до безобразия молодым, а теперь он – молодой, цветущий, а я – старый. Я не завидую ему, а рад за него. Но почему же мне бывает так грустно, когда вижу ещё одну двухэтажку с заколоченными окнами, ещё один широкий просвет между домами? Ведь знаю же: на этом месте будет стоять новый кирпичный дом.

Думаете, я один такой? Когда ломали кино-

театр «Дружба», один пожилой мужчина смотрел и чуть не плакал: «Я же его вот этими руками строил, зачем же так-то? Неужели нельзя было разобрать? Брус же новый почти». Вот что значит строить с душой!

У каждого города есть своя душа. Душа города – это не люди. Это то, что люди осознанно или неосознанно думают и чувствуют по поводу города: эмоции, воспоминания, ассоциации, которые неразрывно связаны с конкретным местом и временем.

Для меня душа города – это улица Смидовича от бывшего ресторана «Северное сияние» и до морского порта. Я знаю, что город изменился до неузнаваемости, но перемен не замечаю: потому что на этой улице мне всегда 25 лет, я иду по ней, как в первый раз... и улыбаюсь.

А Нарьян-Мару я уже давным-давно признался в любви:

И городу верен останусь, когда
Я буду преклонных лет старцем,
А если когда-то заставят года
Уехать отсюда, я даже тогда
Останусь в душе нарьянмарцем.
Я буду всегда нарьянмарцем.
С юбилеем города, нарьянмарцы!

2020г.

ПОЭЗИЯ

Болото

Она тонула. Лес... Болото...
Трясина лжи и боли. Страх...
И вдруг её окликнул кто-то
И руку протянул впотьмах:
«Держись... Давай... Такое небо
За лесом там... А облака?!
Ты знаешь, где я только не был,
Но там... Прозрачная река...
В жару там тихо и прохладно,

Елена Алёшина

Закаты в розовых лучах...»
Его слова хватая жадно,
Она дрожала... Но в мечтах,
Казалось, выбраться сумеет...
Ведь, правда, глупо так тонуть...
Спасёт её и отогреет...
«Держись... Давай... Ещё чуть-чуть...» –
Он говорил с ней, улыбаясь,
Но взглядом жгучим, словно плеть,
Её хлестал, души касаясь...
Как дотянуться...? Как суметь...?
Ведь он чужой, мы разной масти...
Там небо... Я же здесь... в глуши...
Не обернулся бы несчастьем
Крик в клочья порванной души...
Вдруг ... Будто снежная лавина
Накрыла всё..., и он исчез...
Всё та же боль... И лжи трясина...
Болото то же... Тот же лес...

Июнь 2019

Чувства

Светлана Коньгина

Очень быстро по небу плывут облака,
Затуманенным взглядом смотрю во
вселенную...

Если я очень тихо шепну: никогда,
Там, на небе меня не услышат, наверное ...
Если я очень громко захочу закричать
Не стесняясь людей, позабыв о приличиях,
Боюсь, ни небо, ни люди не смогут понять
Между мольбой и истерией отличия.
Но если я, молча, от чистой души
Помолюсь, глядя в небо с яркими звёздами...
Меня точно услышат в бездонной тиши,
И к надеждам моим отнесутся серьезно!

02.02.2004

Словно ангела крылья облака в час заката,
На небо редко смотрю – в этом я виновата.
Люди плачут от счастья, но чаще плачут
от горя ...

От счастья плакать приятней, кто же с этим
поспорит?

Синей тучей сменяется нежно-розовый ворох,
Золотой луч пронзает плотный серый заслон,
Интересно, как люди друг друга находят?
И как я поняла, что это именно он?
Золотые дождевики в солнца ласковом свете
Разлетаются брызгами завтрашних дней...
И никто из прохожих второпях не заметил,
Этих важных, красивых, простых мелочей:
Цвета ангела крыльев – облака в час заката,
Золотая листва в тихом вальсе кружит...
Дождевики стекают с неё виновато,
Каждый миг полон чуда – удивительна жизнь!

30.08.2004

Приходи в мои сны накануне весны,
Разгони страхов рой рукой,
Если теплые ветры тебе не нужны,
В миры другие окна закрой.
До вознесенья туманов, до выпаденья росы,
В час, когда диск луны в облаках затаится,
Чтобы след твой не взяли многоглавые псы,
Что на страже миров, у самой тонкой границы.
Приходи в тишине, не бойся теней,
Им здесь без хозяев на местах не сидится,
Вот и бродят они до рассветных огней,
Пустотой, дырой чёрной зияя на лицах.
Приходи, не робей, сквозь мглу и туман,
Через веки потерянных дней,
Чтоб убережешь от боли и ран,
Чтобы сделать меня сильнеей.
В омуты загляни, не страшась глубины,
Шугу сомнений рукой отведи ...
Накануне весны приходи в мои сны ...
А лучше ... В жизнь, наяву приходи ...

19.03.2019

Сентябрьский вечер

В жёлтом свете грустных больших фонарей,
Разрывающих сумрак сентябрьской ночи,
Среди тонкой травы зелёных стеблей,
Бриллианты капель запутались, сочных.
Серебро тонких нитей уронив на траву,
Дождь надеется тщетно вернуться обратно...
Ветер нежно ласкает золотую листву,
Звезд загораются яркие пятна...

25.09.2003

Свинцовый диск луны к земле склонился низко,
С порывом каждым ветра качается качель,
Я только что решила и стерла переписку,
Закрыла в безнадежность распахнутую дверь.
Самообмана смяла безмолвные страницы,
Беспомощного сердца вибрации в висках,
Я не клянусь, увы, что всё не повторится...
Но всё же это первый, надеюсь, верный шаг ...
Рассветная пора уже довольно близко,
В подъезде с мерзким хрипом пробудилась
дверь,

Вчера я это сделала ... Я стерла переписку,
Но что мне только делать без тебя теперь?
Вторые сутки вплавь от сомнений к смыслу,
Сознание килем плотно закопалось в мель,
Прости меня, по глупости я стёрла переписку,
Мне без тебя так плохо, мечусь как в клетке
зверь...

Луна иссохла в месяц, уже затмение близко,
Безликой массой тени ползут в любую щель,
Представь, уже как месяц я стерла переписку,
И не страдаю, кажется, от этого теперь ...

Сменяя солнца, луны над горизонтом виснут,
Иссякли снегопады, звенит всюду капель,
Поздравь меня, я верно ту стерла переписку,
Закрыла в безнадёжность распахнутую дверь...
– Алло! Кто это? Ты... Ааа, проездом. Близко...
– Сама? Чудесно. Благостно. Хотя не без
потерь...

Ничего не помню... Я стерла переписку...
И видаться не стоит нам с тобой теперь.

30.04.2019

Чувства

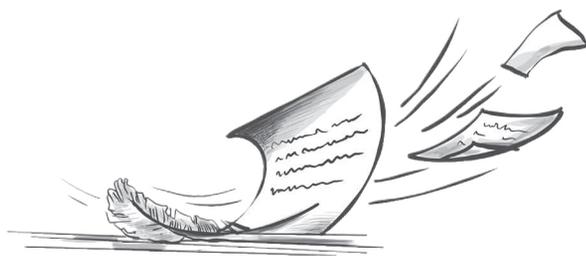
Они ушли в дома повыше,
Оставив тени на стене,
Когда ушли, никто не слышал,
Из вен сочились при луне.
Замедлив пульс в сплетении артерий,
Дыханье разделив напополам,
Они ушли, не отпирая двери,
Бродить по подворотням и дворам...
Искать места, где мы их ощущали,
Где вырывалось сердце из груди,
Туда, где вмиг разлуки умирали –
Жить друг без друга просто не могли...
Они ушли, оставив только тени,
И в тусклом лунном свете на стене,
Они, беснуясь, словно приведенья,
Порою в сны врываются ко мне.
И вижу я тогда дома повыше...
А после снится та тяжёлая пора,
Когда до солнца первого,
до зарева над крышей,
На стены боль тащила до утра...
Они ушли, сыграв концерт на венах
Смычком бессилья, лезвием тоски!
Ушли блуждать между панельных стенок,
Сужать свои кошачьи зрачки...
Когда они ушли, никто не слышал,
Из вен сочились чувства при луне...
И я прошу, чтоб ты за ними вышел,
И никогда не подходил ко мне!

10.05.2018

Растеряна. Вырвана из инерции своего
существования.
Проливными дождями спонтанных событий
умытая,
Покажите, где тихая гавань, моя родная
обитель,
Из вечных адовых мук душе вырваться
помогите...
Над пустыней выжженной чувств
миллиарды остывших звёзд,
Они лишь видели, сколько ночей
ручьи не сохли солёных слёз,
Ветра сушили мои глаза,
а вьюги выли, рыданьям вторя,
Но, зарождаясь в глубинных снах,
меня спасал мерный шёпот моря...
Ритмично вторя раскатам жизни,
что по сосудам, как руслам рек,
Чеканят пульсом, неотвратимо:
«Ты существуешь! Ты человек!»
И стиснув зубы до боли, до скрипа,
реанимируюсь воспоминаньями...
Чтобы жить, выгрызаю себя из рутины,
из инерции своего существования.

На землю спустилась ночная прохлада,
Пыль звезд серебрится на листе тополей,
Ветер тихо гулял в густых сумерках сада,
Собирая последние капли света с ветвей.
Листвой тихо шурша, ловил луны серебро,
Проходя сквозь волокна непрочные ночи,
И ушёл тихо прочь, только лишь рассвело,
Когда солнце открыло дремавшие очи.
Освободился свет дня от ночи синих оков,
Распускало солнце золотых лучей пряди,
Всё вокруг пробуждая от полуночных снов,
Для рождённого утра – дня жизни нового ради!

05.2001

Вечность в окружности декораций

Валерий Селиверстов

Даже птицы к зиме развернулись,
По утрам чистят крылья от снега.
Проскользнут гололедицу улиц,
И по мёрзлому воздуху - к небу.
Даже птицы решились остаться,
И вбиваются клювами в реку -
Вышьют трещиной выросший панцирь,
Но не свергнут текстурную клетку.

Дикий холод заставит считаться,
Зажимает поющие клювы.
А земля из фарфора, фаянса -
Ветер-снег облепляет, целует.
Даже птицы остались бороться
С сумасбродством холодной равнины.
В быстротечной конечности солнца
Этот бой стал мучительно длинным.

Снова ртуть упирается в крайность,
Сумасшествие вплоть до апреля.
Даже птицы решились остаться
И всю зиму нам петь колыбельную.

Диалог

- Прочти?
Я с рожденья почти
Пишу пастернако-ахматовский стих,
Заправив заправкой из блоковских чар,
Отправлю стихи в печать.
...Прости,
Я не должен нести
Ту чушь, но она разрывной пластид
В голове. Лучше спрячу поглубже в чаты
Изгрызанную печаль.

- Прочту
Что там? Опус про ту?
И греческий бог на холсте в паспарту?
Как так: «Рукоятку запрястием сжав,
Бекон разрезает кинжал»?
...Вот чудо
Воздвигнутый чум
Сечёт струйкой дыма сияние. Чувство,
Будто я там, очарован снегами,
Строки шептал вам дар.
Зайди за пределы стола и кровати,
Создай в лит. могильнике шум.
Вот только читатель давно из писателей.
Знаешь, я тоже пишу.
Прочти?

Остатки лета расправляют листьев пряди,
Нагретый воздух катится по вдохам,
Взъерошит память запахом, разгладит,
И прямо в лёгкие дыхательной протокой.

В двух месяцах пути несётся иней,
Кружащим па вращающий планету.
И желтый лист в траве - предвестник ливней -
Напомнит, как конечно лето.

Бескрайний день размазан равномерно
По суткам, весь баланс в обширном взгляде.
Ценнее лето, где оно мгновенно,
Как чувства на прощальном променаде.

Витают в воздухе привычное «до встречи»,
Чуть масляниста прелость ароматов.
Сентябрьская гуашь на листья плещет,
И те, сорвавшись, падают до марта.

Нет такого?
Ты смотришь в лицо зиме,
Снежный ветер пытается отогнать к подъезду,
Излучаешь тепло, а зима - ничего взамен.
Греешь воздух вокруг оглушительно
безвозмездно.

И любая прогулка - как будто ты здесь в бегах.
Календарный сезон - это что-то сродни
плацебо.

Но мы сами придумали, как полюбить декабрь,
Сделав зимнее новорождение столь
волшебным.

Вечность в окружности декораций,
Радиусом взгляда стремясь туда, где
Циркулем вычерченная линия
Держит собой закат.
И автостопом по информации
К выводам движемся, как к награде,
В толщу брусчатки вбивая клинья
С выводами плакаты.
Вот бы остаться в закрытой комнате,
В стенах отверстия скрыть картиной,
Вскрики тревожности обесценить, но
Площадь картин мала.
Скрыть проницаемость этих бессонных стен
Больше не выйдет, пространство стынет,
Взгляды рутинные сквозь нацелены,
Щёку подпер кулак.
Вечность в окружности декораций
Строго в обзоре равнодушных.
В реку врезается горсть амбиций.
Численный перевес
Сдавливает течение в топь фрустрации,
И поднадзорные, глядя с суши,
Ветками, верой и силой принципов
Вычертят манифест.

Мы ломаемся не цикличностью,
А «трезвящими» разговорами.
От усталости в рамках личности
Станем мягкими и покорными.
Разбиваемся не от скорости -
От реакции на возникшее.
И дома покрываем порослью:
То от бега по дням, то спившись.
Мы просветы промеж деревьев
Совпадаем в пределах ракурсов,
Но становимся лесозвеньями,
И в глубине разделённость скрасится.
Отбывая повинность кризисов,
Примиряемся с обстоятельством.
Раздражая поверхность слизистой,
Мы свободны, с тобой лишь сблизившись,
Луна.
Ваше сиятельство.

Глаза закрываются.
Сжал твою руку.
Обнял тебя сзади, уткнулся в шею.
Глаза открываются.
Утро,
И комната в свете межшторной щели.

В открытые настезь веки
Влетают с ветром
Дорога к метро, вагоны, бессменный офис.
Из памяти сносит склейки
Таких фрагментов,
В углах разбросав коллег, проливавших кофе,
В анфас и в профиль.

К полудню коснёшься сквозь телефон,
Все чувства сменю на слух.
Твой голос зовёт весну,
Весна отзывается тёплым на теле солнцем.
Твой голос зовёт. Его хочется слушать
и слушаться.
Стихами пытаюсь писать твою речь, как
натурщицу,
Хватило бы сил изящество передать.
Неповторимо ведь даже твоё «ага».

И снова пространство в зрачках
Окропит будний день.
Привычно уметь повстречать тебя там,
в темноте,
Весь вечер идти в твою сторону,
Вдруг осознать,
Что врежусь в пустую квартиру опять и опять.
Хотя представлялся вокзал.

Научился быть чаще с тобой,
Не пуская наружу взгляд.
Хитрый план - этим жить ровно столько-то лет
подряд.

И преданно ждать, когда я смогу к утру
Увидеть тебя, легонько коснуться губ.
Потеряться и утонуть.

Эти венки-реки, унёсшие в омут глаз.
Морозные кисти, вглубь омута затянувшие.
Не хватит дыхания, карих оттенков мгла
Больше не пустит на сушу.

Хаос влечёт -
беспорядок противен -
разруха вселяет ужас.
Как маятник, сектор сужаем в рутину -
стабильность приятно кружит.
Изящным узором расплещется скрипка -
поверхностность раздражает.
Неясно откуда на фоне всхлипы - финал
этой драмы жалок.
В навязчивых спорах не поиски истин -
желание опровергнуть.

И в каждой попытке свой мозг почистить
Звучит микротон побега.

Раздавит статичная перспектива
Ввиду тирании штатива.
Но, сдвинув на градус обзор пути,
Узнаешь, как здесь красиво.

Плетёшься в пустыне и смотришь на срез,
Который весь мир половинит.
Песок усложняет твой путь твоим весом.
Вокруг ничего,
Кроме охристых
Линий.

Взбираешься вверх по песчаной текстуре,
Но далее эти же дали.
Утонешь в песке, будто в макулатуре
В быту, не дождавшись регалий.

Храм так далеко. Ни оазисов нет,
Ни пищи, маршрут неизвестен.
Ты физик-статист или, скажем, поэт,
Но мир не читал твоих песен.

Ты вызвался сам этот путь одолеть,
Не думай теперь здесь погибнуть,
Как чьи-то слова на рабочем столе.

Когда-нибудь храм станет видно.

ПРОЗА

Опьянённый весной

Вячеслав Воложин

Опьянённый весной

– Договоримся так, – сказал Зурафович, – я пойду впереди трактора, а ты за дизельной станцией иди. Да посматривай, не зевай, что-то может отвалиться и придётся из-за какой-то мелочи возвращаться. Знаю я вас, молодых, вечно витаєте в облаках, а здесь дело серьёзное, сам должен понимать, не маленький – дизельную перевозим. А что такое дизельная станция? Молчишь? Тогда я сам скажу: дизельная – это для нас всё. Это свет в жилых балках, в шахтах, за счёт её работают насосы, откачивающие воду из выработок. Что получается? У нас вся жизнь и работа из-за неё может остановиться. Тьфу, нечистая сила, придёт же такое на ум. Я хоть и старше, но глаз у меня орлиный, в момент среагирую, если что, а вот вам, молодым, ещё надо у нас, стариков, учиться.

Борис слушает Зурафовича, улыбается и думает: «Глаз у тебя, не знаю какой, а вот нос уж точно орлиный». Хотя по поводу его глаз легенды ходили, что он однажды чуть не 30 патронов спалил на маленького нырка. Ему махнуть бы на того рукой, ан нет, заело, что народ, его подчинённые, смотрят, ну и давай палить. Восточная кровь, сами понимаете, какая она – кипиток. Борис не помнил, застрелил ли он эту крохотульку или всё-таки одумался, но это не так важно, главное – был такой факт, и он остался в памяти людской.

– Как скажешь, – ответил Борис, а сам подумал, что незавидная у него роль, если действительно что-то отвалится, надо бежать быстро, чтобы обогнать трактор и кричать об этом идущему впереди Зурафовичу.

Зурафович, мужчина лет пятидесяти с гаком, смуглый, среднего роста, с крючковатым носом, который, как говорят, к бабке не ходи, выдавал в нём сына гор, был начальником участка, а Борис – сошка маленькая, всего лишь геолог.

Была весна – замечательное время года, особенно здесь, на Крайнем Севере. Снег уже сошёл, но почва была сильно пропитана влагой. Стояла тишина, спокойствие в природе, ни малейшего дуновения ветерка. Ласково светило солнышко, по которому за зиму истосковалось всё живое, да пели птицы. Они играли в этой идиллии немаловажную роль, являясь неотъемлемой частью весны, её музыкальной составляющей. Конечно, это были не соловьиные трели, но их нежное «пиу-пиу» для людей, переживших полярную зиму, было верхом блаженства. Но это поймёт лишь тот, кто жил и работал здесь летом и зимой.

– Ну, что, Николай, поехали, время не ждёт.

– Мне-то что, как скажете, трактор у меня давно готов, – ответил тракторист.

Трактор трогается с места. Горняцкая дизельная станция смонтирована в деревянном здании, которое закреплено на мощных санях из труб большого диаметра. По габаритам это здание почти не отличается от тепляка бурового агрегата: те же стены, почти тот же размер.

Перевозка осуществлялась по старой дороге, наезженной здесь за многие годы, риска испортить тундру и нарваться на штраф не было никакого. Какая местность? Да ничего особенного: заросли невысокого ивняка прослеживались только в основании борта долины, а так, куда ни взгляни – голая тундра.

Всё было нормально, Зурафович шёл первым, трактор и дизельная станция за ним, а Борис топал позади всех. Вот только оделся

он тепло, а скинуть с себя верхнюю одежду не было уже возможности. Но, вспомнив, что пар костей не ломит, он шёл, поглядывая по сторонам, подставляя лицо солнечным лучам.

Перевозили они дизельную станцию с горной линии, которая была в самых низовьях реки Лямчина, почти от самого Баренцева моря. Дотащить её необходимо до места бурения скважины, намеченной с целью поиска коренных источников алмазов. Расстояние перевозки составляло около четырёх километров.

Когда проехали половину пути, слева из ивняка вылетела стая куропаток. Трепеща крыльями, планируя, они сделали полукруг и сели за сопкой.

Провожая взглядом куропаток, Борис отметил, что хоть и наступила весна, но птица ещё не перелиняла полностью, белого у неё в оперении было гораздо больше, чем тёмного.

Взглянув на дизельную, он увидел, что сани начинают одним боком приподниматься. Борис тут же метнулся вперёд. Дизельная заваливалась на левый бок всё больше и больше. Сани нагребли правой стороной столько дерна, что он не разрезался полозом, а тащился весь впереди, загребая очередные порции пластов с травой.

Борис уже был впереди трактора, махал руками трактористу, но тот словно ослеп. Очевидно, глядя на начальника, шедшего впереди, на геолога он не обращал никакого внимания. Но было поздно, дизельная, постояв на левом полозе под углом 45 градусов, словно думая, куда ей завалиться, всей своей массой рухнула на бок. Борис был в шоке.

Долго описывать охи и ахи, я думаю, не стоит. А они были. Что там скрывать, в работе всякое бывает. Но Борис, помня начало их поездки и все нравоучения зоркого как сокол Зурафовича, не мог промолчать, так как случись это по его вине, тот бы с него десять шкур содрал. То, что это произошло явно по недосмотру начальника – несомненно, но как он мог проморгать такое, непонятно.

По молчанию Зурафовича было ясно, что свою вину он сознаёт, иначе грянул бы гром среди ясного неба, а тут молчит мужик, только ходит вокруг дизельной и головой качает да затылок почёсывает.

– Зурафович, я не понял, что это ты помалкиваешь? Сам говорил, что ты зоркий, что мы, молодёжь, никуда не годные, как ты мог проглядеть такое? Сани ведь не сразу зацепили так много дёрна, ты в это время куда смотрел?

И вот Зурафович, чувствуя, что виноват, что это и до начальства может дойти, вынужден был из мужика, который до этого лишь давил на всех своим авторитетом, превратиться вдруг в нормального человека. Помолчав, собираясь с мыслями, он выдал Борису такое, что тот никак не ожидал услышать от него.

– Ты не поверишь, из-за чего всё получилось, только не смейся. Вот шёл я впереди трактора,

то на дизельную оглянусь, то по сторонам посмотрю. Так на душе у меня хорошо стало от всего увиденного. Передать это словами невозможно. Весна – это такое замечательное время года! Пережили мы зиму, а ты сам знаешь, Борис, не просто было в работе за этот период, но всё позади. Я впервые за время, сколько с тобой вместе работаем, так откровенно говорю. Но скажу, как есть. От радости, которая мне переполняла душу, смотря на солнце, оживающую после зимы тундру, на птиц, я зашел: «Как прекрасен это мир!» Да, да, я пел, а вот за дизельной станцией не досмотрел, это полностью моя вина.

Борис слушал и не верил своим ушам. От Зурафовича он никак не ожидал такой сентиментальности, убедившись ещё раз, что душа другого человека – потёмки. Ему почему-то сразу вспомнились смешные рассказы, вернее зарисовки юмориста Задорнова, когда он читал объяснительные не совсем грамотных людей, совершивших какое-то правонарушение и попавших в милицию или просто провинившихся на работе. Да, там было над чем посмеяться, так как причины, почему они это совершили, были невероятно смешными.

И вот, в свете всего того, что произошло в это весеннее утро, на миг представим, что Зурафовичу пришлось бы писать объяснительную записку, как такое могло произойти. А это обычная вещь, он и сам так поступал, когда рабочие совершали прогулы или ещё что-то непотребное. Основной причиной, по которой произошла авария, вы только вздумайте – была бы весна. Уверен, что такого в истории человечества не бывало.

Представим также, не дай Бог, конечно, что всё бы дошло до суда, то в каком бы положении оказались присяжные и судьи, вынося вердикт мужику за то, что он был опьянён, нет, нет, не подумайте плохого, не алкоголем, а весной и поэтому допустил оплошность. И если бы в зале суда находились истинные стражи закона, а я таких встречал, то они бы, уверен, вынесли Зурафовичу оправдательный приговор и сняли бы с его трудовых рабочих рук наручники прямо в зале суда. А у некоторых женщин, находящихся в зале, и среди присяжных от умиления на глазах выступили бы слёзы.

Что было с дизельной станцией? Да всё нормально, обошлось. Подняли её, довели до места, детально проверили. Включили, и она, милая, заработала, как часы. Что ни говори, а умели раньше делать технику, не то, что в настоящее время. Не сомневайтесь даже ни на грамм, всё, что здесь написано – правда, могу поклясться.

После этого случая Борис ни разу не слышал от Зурафовича таких откровений, тот опять превратился в начальника, для которого главное – погонные метры проходки и кубы. Возможно, потому что наступило лето, а красави-

ца-весна ушла в другие широты и вернётся в эти суровые края только через год. А вот кого она в следующий раз околдует и опьянит – никому не ведомо.

13.11.2015

Ртутная антенна

Был Геннадий мастеровым мужиком. В организации работал слесарем, но чем только ему ещё не приходилось заниматься! С виду он был обычный: лет пятидесяти, среднего роста, подтянутый, жилистый, чернявый. Не красавец, но и несимпатичным его не назовёшь.

По работе ему иногда приходилось вылетать в тундру. В свободное время он любил с ружьём прогуляться и сеть поставить. Однажды ему здорово повезло. В тундре он наткнулся на часть ракеты, не сильно деформированной. Этих обломков с неба немало падает на Крайнем Севере. Не поленился, сходил до участка, ключи прихватил - и обратно. Головастый мужик может даже в космической конструкции разобраться. Гаек, болтов немало открутил, в хозяйстве пригодится. В магазине это всё в копеечку обойдётся, а тут небо само послало, грех не воспользоваться.

И тут увидел, что под сетчатым кожухом прикручено не что иное, как ртутная антенна. «Вот это да, – подумал он, – вот повезло так повезло». Хороших антенн в продаже в то время ещё не было, всё больше самоделки лепили, а тут такая вещь. Глядишь, и программы из-за «бугра» такая принимать будет. Ещё подумал: «Надо осторожненько открутить, да в балке припрятать».

У такого человека всё спорится, а главное, что он намечает – выполняет. Открутил Геннадий антенну, унёс в балок, бумагой обмотал и изоляционной лентой закрепил. Что там говорить, с большим нетерпением он ждал вылета с участка домой, чтобы проверить антенну в действии.

Вот и вертолёт. Когда садились, несколько человек заинтересовались, что он такое из тундры везёт? Гена знал, что лучше не распространяться, ведь деталь космическая, их иногда собирают военные на вертолёте.

В первый же день отгулов он эту антенну и приспособил. Труба у него была, чтобы поднять выше, крепёжного материала тоже хватало. Включил – и обомлел, видимость исключительная, приём чистейший, он и в магазинах на самых современных телевизорах такого не видел.

Щёлкнул каналы, а их много, но самое интересное, что несколько каналов и зарубежных принимались, а это было вообще в диковину благодаря «железному занавесу». Сели с женой, смотрят, не нарадуются. Жена похваливает мужика, за бутылкой сбегала. Что характерно, впервые сама это сделала, безо всяких

уговоров. А мужику приятно, что оценили его труд и отнеслись по-человечески.

Первый день – молчок, смотрели, никому не говорили. На второй день, когда он вышел покурить на улицу, увидел, что мужики знакомые стоят. Говорили про разное, давно не виделись, как не поговорить, в одной же организации работали, друг друга много лет знали.

Не выдержала душа у Геннадия, ему бы промолчать, но он спросил:

– Мужики, как у вас телевизоры показывают?

– Плохой приём, когда уж нормальную вышку нам поставят, сколько можно мучиться, – ответил Иван, который жил по соседству.

– Изображение на тройку, каналов мало, – сказал кто-то из мужиков. – А ты, Гена, я смотрю, высокую антенну поставил недавно. Лучшее показывает?

– Каналов много, качество отличное и несколько каналов из-за «бугра» принимает.

– Из-за «бугра»? Ну, ты хватил, я лично такого ещё не слышал, чтобы у людей были каналы, принимающие за границу. Качество, ладно, но за граница – не верю.

– Зайдём, покажу, дома никого, Мария на работе.

Зашли, включил хозяин телевизор, мужики были поражены, заохали, заохали:

– Ну, Гена, даёшь, знали мы, что в технике разбираешься, но чтобы такое смастерить – не предполагали. Молодец! Мы теперь не уйдём от тебя, если ты нам схему не нарисуешь.

И вот только тогда Геннадий понял, что за всё надо платить, не остаётся ничего, как только признаться, почему у него так антенна принимает.

– Я скажу, но есть условие.

– Что за условие, говори, любое выполним, если ты про магарыч говоришь, то мы мигом, магазин наш уже открыт, проблем нет.

– Дело совсем не в этом.

– А в чём тогда? Или жаль тебе, не хочешь, чтобы и у нас показывало, так и скажи.

– Здесь дело очень серьёзное, если я вам расскажу, то надо, чтобы вы никому больше про это не рассказывали.

– Заинтриговал. Это же не государственный секрет?

– Можно и так сказать.

Наступило молчание, мужики сосредоточенно соображали, всё происходящее не вязалось с Геннадием, он не был большим шутником. Не похоже, что он их разыгрывает.

– Ладно, Гена, я тебе обещаю, что это останется между нами, – сказал Иван.

– Мужики, она ртутная, я снял её с ракеты в тундре, вот поэтому и не надо никому говорить.

– Вот это да! И на фиг ты её приволок? Может она ещё и вредная?

– Она же на крыше стоит, а не дома. Градусником мы пользуемся, не боимся.

– Я не буду такую ставить, – сказал Иван, –

поставь, да бойся потом, я спать спокойно хочу, мне сон дороже.

– А я никому и не предлагаю.

Постояли мужики, обсудили это дело. Что телевизор стал отлично показывать, было для них заманчиво, но перспектива нарваться на неприятности их несколько не прельщала. Хотя сделать такую антенну, когда есть перед тобой готовый образец, было вполне реально.

– Иван, я на вас надеюсь, сами обещали.

– Нас не надо предупреждать, лучше бойся того, что Мария проговорится.

Вышли мужики на улицу, закурили, а погода на загляденье. Тишина, теплынь, комаров ещё не было, первая яркая зелень на деревьях, лиственницы в светло-зелёных платицах стоят рядом с белоствольными берёзками. Солнце, которое в это время года трудится днём и ночью, не отдыхая, освещая и согревая после долгой полярной зимы суровые края, касалось по вечерам горизонта и опять шло по кругу. Для человека, впервые попавшего на Крайний Север, это покажется в диковину.

Не знали мужики, что вскоре на этом месте возведут двухэтажный дом и попадёт под трактор вся красота. Загородит этот дом весь вид на курью и на реку, что были видны из окон их одноэтажных домов.

Сколько ни говори, но у каждого дела: кто сетки пошёл чистить в гараж, кто на реку поехал снасти проверять, да мало ли дел у тех, кто работу видит.

Пролетело несколько дней. Геннадий спал ночью плохо. Привыкший рано вставать, он ещё вечером дал себе установку: расслабиться, выспаться. Ночью ему снился тревожный сон: от кого-то убегал, прятался, но преследователи опять настигали. Он делал рывок, а ноги его не слушались. Это многократно повторяющееся чувство опасности вымотало его за ночь. Когда через окно проникли солнечные лучи и попали ему на лицо, Гена не был раздосадован, а только рад. Одно он мог сказать определённо, что такое страшное ему снилось лишь в детстве. В чём причина этого сна, он понять не мог.

Иван же выспался в ту ночь отлично. Предстояло много домашних дел, накопившихся за тот период, пока он был в тундре, поэтому он поднялся рано. У него было строгое правило – в доме не курить. Вышел на улицу, а у своего дома сидит Геннадий. Голова у него опущена, плечи понурые, словно всё тело было лишено костного каркаса. Таким его Иван ещё не видел, даже с глубокого похмелья он не выглядел столь угнетённым. Уж не случилось ли чего?

Подошёл к соседу. Поздоровались, закурили, некоторое время посидели молча.

Геннадий сосредоточенно смотрел перед собой, словно там было что-то необычное, но слабо различимое.

– Что-то случилось?

Ответа не последовало. Посидели ещё.

– Геннадий, ты что молчишь?

– А что говорить? Бывают моменты в жизни, когда просто помолчать хочется.

– Ну, если так, то ладно. Ты, Гена, я думаю, с женой поругался, вот на тебя и нашло.

– Мимо, даже близко не попал. Уверен, что не догадаешься.

– Ты меня не пугай, говори, легче станет на душе.

– В этом ты прав. Я знаю, что если тебе расскажу, то это останется между нами. Рассказывать особо и нечего, если бы ты внимательно смотрел на нашу крышу, когда сюда подходил, то всё сам понял.

– А что там такого на вашей крыше интересного?

– Посмотри, всё поймёшь.

Иван отошёл несколько метров от места, где они сидели, посмотрел:

– Обычная крыша.

– А антенна?

– Правда, Ген, а где твоя ртутная антенна, ты снял её?

– Пришлось снять, заставили.

– Кто заставил? Он право на это имел?

– Не он, а они, их там много было.

– Я так больше не могу. Или ты мне всё рассказываешь, а иначе я тебя не понимаю.

– Иван, не обижайся, расскажу я тебе всё как есть.

– Это другое дело.

– Вчера вечером сижу, телевизор смотрю. Интересный фильм показывали. Такого откровения, таких женщин, честно тебе скажу, я за всю свою жизнь не видел. И вот в самый ответственный момент – стук в дверь. Открываю – воюки с милицией.

– Что? Откуда они могли узнать? Мы с мужиками никому не говорили.

– Успокойся, дело не в вас. Коль начал, всё по порядку расскажу. Когда я их увидел, меня чуть удар не хватил. Стоят рядом с домом машины армейские и одна милицейская, народу много и все на меня уставились, словно я какой-то особенный. Через мгновение стало до меня доходить, в чём дело. Не зря мне сны такие снились, где я убегал, вот они меня не во сне, так наяву догнали.

Один военный строго спрашивает:

– Что это за антенна у вас на крыше стоит?

– Обычная антенна.

– Где вы её купили?

– Я её не купил, сам сделал.

– Если вы ещё раз нам неправду скажете, то мы вас тут же заберём с собой, и домой вы не скоро вернётесь. Только чистосердечное признание облегчит вашу участь. Я буду задавать вопросы, а вы отвечайте, но только правду. Да, минутку, чтобы вам легче было во всём признаться и понять, насколько всё серьёзно с вашей антенной, я обрисую ситуацию, которая сложилась в нашем районе, когда вы её вклю-

чали. Вы же знаете, что рядом военная часть, стоят пеленгаторы. А для чего они предназначены? Знаете?

– Это каждый парнишка знает в нашем посёлке – для обнаружения противника, их целей.

– Всё правильно, но кроме военной составляющей есть ещё гражданская авиация, у которой тоже существует служба наведения. Все эти службы, в той или иной степени, были парализованы вашей антенной. Вы хоть представляете, чем это могло закончиться? Вы ведь взрослый человек! Как только вы её включали, начинались повсеместные помехи. На ноги были подняты специальные службы, которые не спят уже несколько суток, и только сегодня нам удалось точно вас запеленговать, когда вы опять включили телевизор.

– Я же не думал, что так всё обернётся.

– Не поверю, что вы не предполагали, что этого делать нельзя. Вы в тундре нашли остатки от ракеты, где была эта антенна?

– Да.

– Вы открутили её и вывезли в город?

– Да.

– И вам никто не сказал, что этого делать нельзя? Что это очень важная деталь от космической техники, она может представлять опасность для окружающих, а прежде всего для вас?

– Я предполагал, но подумал, что обойдётся.

– На вопросы вы ответили откровенно, без утайки, это обнадеживает, а теперь берите инструмент и быстренько на крышу, а наши солдатики вам помогут.

– Что мне оставалось, Ваня, делать? Взял что надо, с солдатами открутили антенну, будь она трижды неладна, отдал её, и сразу на душе спокойней стало. Военный ещё раз подошёл ко мне и сказал:

– Антенну мы забрали, данные ваши записали, где живёте теперь знаем, забирать вас пока не будем, но попросим никуда не уезжать. Вы не планировали поездок в ближайшее время?

– Нет.

– Хорошо. Это связано с тем, что мы и сами ещё до конца не знаем, на что могла повлиять ваша ртутная антенна. У вас случайно в запасе нет ещё одного такого сюрприза, а то выложите сразу, это вину не усугубит, уверяю вас.

– Нет, она была одна, что я нашёл.

– Верю. Если опять полетите в тундру и уви-

дите там остатки ракет, то обходите их стороной сами и другим покажите.

– Вот такая история, Иван, а ты говоришь, что я молчу? Тут вообще немой станешь после этих передраг. Да и шут с ней, с этой заграницей. Ну, вот какой прок, если насмотришься на все эти соблазны? Одно только беспокойство и расстройство для души.

Иван понял, что соседа надо срочно выводить из этого состояния, а то он заикнется на антенне.

– Золотые слова, Гена. Давай рванём на рыбалку. Лодка моя на причале стоит, там всё есть: мотор, бензин, тент, снасти, даже сапоги болотные и плащи. Что нам киснуть в посёлке, а то пролетят отгулы, и оглянуться не успеем. Слышишь, как по Печоре лодки шпарят, только шум стоит. Погода подходящая, надо ловить момент. Согласен? Я такое место знаю за Кисличным островом, что только удочки забрасывай – клюёт постоянно.

– А когда?

– Да хоть завтра.

– Вот ничего себе! А что мы сидим тогда? Мне же собраться надо.

Знал Иван, что Геннадий мужик обстоятельный, к сборам на рыбалку отнесётся со всей серьёзностью, и голова у него будет занята только этим. А выехав на Печору, ловя отменных окуней и сорогу, он надолго забудет про злосчастную антенну.

Если пролететь над тундрой, раскинувшейся на Севере вдоль Баренцева моря, или посчастливится проехать по ней на каком-нибудь наземном транспорте, то можно увидеть местами обломки ракет. Не прельщайся, путник, этой находкой, пролетай, проезжай мимо, если не хочешь иметь приключений на свою головушку.

В строго намеченное время, с известного космодрома на северо-западе нашей страны, стартовала очередная ракета. Преодолев определённое количество километров, она сбросила первую ступень и молнией ушла в верхние слои атмосферы.

Татьяна Зуева

«Твоя душа не омертвела,
Она грустит, она жива» -
Сказал мудрец. Его слова
Проникли в сердце. То и дело
Невзгод житейских жернова
Я на пути своём встречаю,
Кого не надо, привечаю,
Себя обманываю часто...
Душа устала. Ежечасно
Тревожат мысли о тщете
Хлопот бездарных в суете.

Набатов слово прозвучало.
Есть чувства – значит, смерти нет!
В том слове мудреца совет:
Ведь можно всё начать сначала!
Пусть за ошибки дать ответ
Придётся – будет нужный опыт.
А если вдруг ехидный шёпот
Услышать как-нибудь случится,
Увидеть зависть, злость на лицах –
Ну, что же, есть дурные люди,
Им волю дай – добра не будет,
А их готовность упрекнуть
Лишь подтверждает верный путь.

02.12.2019

Слеп случай. Он шутя покажет эфемерность
Расчётов, планов всех, с Фортуной связь.
Но цепь случайностей – уже закономерность,
Судьбы причудливая вязь.

23.03.2020

Замираю от линии губ,
От щетины лица небритого,
От кроссовок, стоящих в углу,
От окна приоткрытого.

В этот миг ничего не хочу
И свободна от мыслей бремени!
В измеренье другое лечу
Через волны пространства-времени...

04.03.2020

Почувствовать руки твоей тепло,
Закрыв глаза, вдохнуть любимый запах...
Успокоение блаженно и светло
Священной Баст придёт на мягких лапах.

И можно ждать не месяцы – года,
Надеждой жить, тот миг предвосхищая,
Когда Вселенная, играя, иногда
Решит помочь, рассудок похищая.

03.10. 2019

Колючка родится колючей,
Восточная мудрость гласит.
И злобный характер паучий
Проклятьем природы висит.

Надежду оставь, неразумный,
Природу нельзя изменить,
Уймись. И тот выбор безумный
Дай Бог тебе не повторить!

24.11.2019

Волосатый, небритый, пропахший бензином,
Нет роднее и ближе, чем этот мужчина.
Кто ещё пожалеет меня и поможет,
Кто поймёт, что устала, тоска душу гложет.
Не предаст, не обидит. И радость с ним – ярче,
Путь светлее, смех звонче, день солнечный
жарче.

С ним я лучше – добрее, мудрее, моложе.
Нет его – я сама на себя не похожа.

19.11.2019

Мой любимый, мой единственный!
Зря предчувствий не бывает.
Мне явился знак таинственный
В сновиденье – и растаял.
Что поведал о печали он
Сердцем чувствую в тревоге.
Зло спешит к тебе со всех сторон,
Боль, несчастья на пороге.

Знаю, ты с бедою справишься,
Ты ведь умный, сильный, смелый,
Пусть не вдруг со всем управисься,
Так и плод не сразу спелый!
Всей душой хочу помочь тебе,
Но позволишь ли – не знаю...
Я готова дать любой обет!..
Тебе плохо - умираю.

Март 2019- 20.03.2020

Хочешь, я как дым растаю?
Утром встанешь – нет меня.
Искры в небо улетают,
Был огонь – и нет огня...

СМС писать не буду
Ночью: «Где ты? Что с тобой?»
И сходить с ума, покуда
Не узнаю, что живой.

Ты моё не любишь свойство
Умирать, боясь беды,
Причиняя беспокойство
Из-за сущей ерунды.

Знаю я, нельзя невольно
Делать из любви тюрьму.
Пусть мне будет очень больно,
Не кручинься: я пойму.

15.04.2019

Я наслаждаюсь чувственным обманом,
Ты здесь, со мной, хотя тебя здесь нет.
Ты далеко – за далью, за туманом
Прошедших лет.

И украшая кружевом воздушным
Стихов своих мелодии любви,
На лунный лик взираю я послушно:
Благослови!

02.08.2019

Обиды там, где ожидания,
Нет ожиданий - нет обид.
К чему напрасные страдания,
Смирись, пустыня не родит.

Июнь 2019

Одиночество –
Это когда ничего не хочется.
Утром, чтобы покинуть кровать,
Нужно потребность иметь ...встать.
Валяюсь в прострации,
Как кот после кастрации.
Заправить красиво постель –
Это если только стук в дверь!
Для себя лишний раз вымыть пол
Или красиво накрыть на стол -
Зачем, если можно и так?
Ведь мне всё равно, как.
Дела, обязанности...
Наслаждаюсь безнаказанностью.
Лишь за котами ухаживаю:
Кормлю, целую, наглаживаю,
Лотки убираю
И ни за что не ругаю.

Январь 2019

Я иду по улице, думаю, как жить?
Знаю, горе надо просто пережить.
Кончилось затмение, время истекло,
Я смотрю на прошлое, словно сквозь стекло.
Жизнь чужая, яркая очень далеко,
Голосов не слышно, как в немом кино.
Я – по эту сторону из стекла стены,
Сумрачно и холодно с этой стороны.
Мне бы повернуться к прошлому спиной,
Но не получается, страшно быть одной.
Нужно затаиться, сжаться, подождать.
Смотришь – и придумаю, как удар сдержать!

2017-21.03.2020

Имя

Любимым именем можно назвать котёнка,
куклу. Можно назвать яхту, машину, даже де-
ревню. Можно назвать звезду. А можно – ра-
кетную установку, баллистическую ракету зем-
ля-земля. Или воздух – земля. Самое страшное
оружие Второй мировой войны называлось
нежно и ласково: «КАТЮША». А милое наи-
менование «МАЛЫШ» принадлежало атом-
ной бомбе, её сбросили на прекрасный город
Хиросиму.

Остановись, мгновенье!

Живёшь-живёшь, что-то делаешь, с кем-то встречаешься, на что-то смотришь. Обыденность. Сплошной полосой. Пусть то белой, то чёрной полосой, но сплошной.

И вдруг – стоп-кадр, вспышка, всё замирает, несколько мгновений жизни растягиваются во времени, звука нет, только зрительные образы, необыкновенно яркие и чёткие. И ты вдруг ясно понимаешь, что эти мгновения останутся в твоей памяти навсегда. Они по первому зову будут приходить к тебе, вызывая щемящее чувство невозможности повторения, и в то же время, принося радость: у тебя это было.

Эти мгновения – иногда единственное, что может помочь в периоды неудач и горестей, когда умом понимаешь, что мудрец прав, «и это пройдёт», но очень уж тяжело. Тогда вызываешь из памяти чудесные видения остановившихся мгновений твоего счастья, они медленно и тихо, один за другим, возникают перед мысленным взором и приносят успокоение. И откуда-то появляются душевные силы жить дальше. Жить, действовать – вперёд, только вперёд, ошибаясь, спотыкаясь, плача и смеясь, огорчаясь и радуясь, с верой, надеждой и любовью. Чтобы достичь высшей цели, смысла твоей жизни – выполнения твоего Предназначения.

Июль 2014

Подарки

Я люблю делать подарки. Я получаю от этого такое удовольствие, что никаких денег не жалко. И я совершенно определённо знаю: меня не интересует, что этот человек подарит или что хорошего и нужного сделает мне взамен. Выходит, я оплачиваю своё удовольствие. Но какое счастье видеть потом, что твой подарок живёт в доме хорошего человека. Что он нужен, что его любят, берегут. Что ему там хорошо. Что им обоим хорошо друг с другом.

Для меня вещи немножко живые. И вот, оказываешься в магазине и вдруг видишь какую-нибудь вещь, с волнением и тревогой ждущую человека, который её купит. Она и боится – вдруг попадёт к равнодушному халявщику, тогда жизнь её будет короткая и несчастная – и надеется на лучшее, что попадёт в добрые руки, в чистый спокойный дом, где люди живут в мире и согласии, берегут друг друга и всё, что их окружает.

Но какие бы ни были хорошие хозяева, если вещь им не нужна, не к сердцу, они её любить не будут, продадут или передарят неизвестно кому. Или выбросят случайно – тогда она погибнет сразу. Или положат в дальний угол, где она состарится и умрёт, не повидав света белого, не поработав в своё удовольствие, не принеся никому радость.

Я люблю получать подарки. Вот пришли гости и говорят: мы тебе принесли подарок. И вытаскивают из сумки пакет. Все мысли из головы тут же выскакивают, а из чувств остаётся только одно восторженное любопытство: что же там такое? Это едят? Это посуда? Это носят? Это для красоты? Что-нибудь мыльно-рыльное? Для кота?.. ОЙ!!!

И вот появляется ОН. Растерянный, иногда немножко испуганный. И всегда настороженный – что же будет дальше? Любой подарок я встречаю с радостью: «Здравствуй, милый! Не бойся, ты пришёл к добрым людям».

Никогда сразу не знаешь, как сложится судьба подарка в твоём доме. Иногда, на первый взгляд, совершенно ненужная вещь окажется одной из самых необходимых или любимых. Первое время присматриваешься к ней, знаешь, что она у тебя есть – и это всё. Потом вдруг как бы глаза раскрываются, и подарок занимает своё место. Так у меня было с любимой чашкой. Она необыкновенная. Мне до сих пор передней стыдно, что я не сразу увидела её прелесть, её красоту и нежность. Увы, я не помню, кто её подарил. То есть помню – женщина, а кто конкретно, при каких обстоятельствах – не помню. У меня много посуды, поэтому я коробку с чашкой поставила куда-то и забыла про неё. Но вот как-то раз у меня было плохое настроение, на улице плохая погода, вообще всё плохо. И вдруг я наткнулась на эту чашку – изящную, с чудесным узором и очень несчастную. Нечего и говорить, что в тот же миг жизнь ко мне вернулась, и с тех пор волшебный подарок не перестаёт радовать меня и радоваться сам.

А ещё бывают и печальные истории. Жил себе подарок, жил спокойно и счастливо, ни о чём дурном даже не подозревал. Перезнакомился с соседями, ходил в гости (вещи тоже ходят друг к другу в гости, я точно знаю!), работал. Но вот человек, который его принёс, сделал какую-то пакость. Может быть, и не хотел, просто так вышло. И появились неприятные воспоминания. Посмотришь на бедный подарок – в душе всё переворачивается. Сначала тихо ждёшь, когда это пройдёт. Иногда проходит, чаще – нет. И приходится такому подарку искать новых хозяев. Ему ведь тоже плохо в доме, где его не любят. Конечно, подыскиваешь место, где он найдёт своё новое счастье, но, всё равно ему будет тяжело. Поэтому лучше уж ни на кого не сердиться и не обижаться, прощать. Тогда за сломанную судьбу подарков этих людей и казнить себя не придётся.

Много подарков в доме. И каждый из них может рассказать свою необыкновенную историю.

Вот бокал с блюдцем глубокого, тёмно-синего цвета с затейливым восточным орнаментом по краю и золотым городом с минаретом за городской стеной. Сразу вспоминается Синдбад-мореход и его чудесные приключения. Его мне подарил пациент, которому я ничего особенно-

го не сделала. Может быть, просто поговорила, улыбнулась. Добрый подарок от доброго человека. Я пью чай из этого бокала, когда у меня спокойно и радостно на душе.

Вот бусы из искусственного жемчуга. Я не ношу жемчуг, но эти бусы – особенные. Их подарила мне мама спасённой мною девочки. Это был уникальный, удивительный случай, я сама себе не верю, когда его вспоминаю. Не иначе ангел этой девочки стоял тогда у меня за спиной. Если бы я не послушалась своего внутреннего голоса, не приняла бы решение вопреки всякой логике и мнению консилиума, девочка умерла бы. Я перебираю бусинки пальцами и улыбаюсь.

Вот подарки моих друзей, от них веет теплом и спокойствием. Вот подарки официальные, от организаций – но это тоже от друзей. Я ведь не государственный чиновник и не нефтяной магнат, что с меня взять.

Когда случается что-нибудь дурное, я захожу к серванту и смотрю на дивной красоты безделушку – хрустальное озеро и два прекрасных лебедя на нём, сзади зеркальце, обрамлённое чем-то нежно-сиреневым. Игрушка вся как будто светится изнутри, подольше на неё посмотришь – и начинает чудиться нежная прозрачная музыка, как хрустальные колокольчики. От этой красоты становится легче на душе. Вздохнёшь, отряхнёшься – и вперёд! Это подарок моей подруги. Он помогает жить, он тоже любит меня.

Каждый подарок многое может рассказать – о человеке, который его подарил, о событии, благодаря которому он появился на свет, о времени, когда это всё происходило. Каждый подарок – своя история, особенная и увлекательная.

Я люблю подарки, которые поселились в моём доме, они приносят тепло и уют. А подарки, мне кажется, любят меня. Попробуйте и вы так же относиться к подаркам, вам понравится!

2014

Смирение

Нас учили: свобода – это осознанная необходимость. Но как трудно это осознание даётся. Не умом трудно, сердцем. Наверное, такое осознание сердцем и есть смирение. То самое смирение, о котором говорит Библия. Смирись – и будешь свободен.

Февраль 2015

Походка

Бывает, проснёшься утром и – встанешь не с той ноги.

Посмотришь вокруг – весь мир – ..., все люди – ... И ты, часть природы, вписываешься в эту самую окружающую среду легко и естественно. Тьфу!!!

Надо идти на работу, к примеру, или в магазин, или ещё за чем-нибудь выходить из дома. Идёшь по лестнице. Согбенная фигура, шаркающая походка, всё болит.

Выходишь на улицу – и вдруг видишь простор! Люди! Деревья! Слышишь человеческие голоса, шум проезжающих машин, лай собак! Красота-то какая!

От нахлынувшей радости жизни, наперекор всем проблемам, прошлым, настоящим и будущим, настроение поднимается, спина выпрямляется, голова кверху, живот к позвоночнику и – легко и свободно, плавной походкой от бедра, по прямой, по улице как по подиуму, под мелодию старого блатного танго, вдруг зазвучавшую в душе, с улыбкой на лице, под восхищённые рукоплескания зала – вперёд! Жизнь прекрасна!

Этим старым добрым приёмом, но уже не на автомате, а совершенно сознательно, можно воспользоваться, если нужно с песней по жизни при плохом настроении или самочувствии пройти мимо кого-либо конкретного. Уверю вас, ничего лучше, чем дефиле под мысленное звучание ритмичного одесского блатняка, в такой ситуации нет.

Никто не застрахован

(Врач о врачебных ошибках)

«Опыт, сын ошибок трудных». «Не ошибается тот, кто не работает». «Ошибка объективная, то есть – по не зависящим ни от кого причинам». Или вот ещё: консилиум. Все ошиблись разом – значит, никто не виноват, ошибка точно объективная: очень сложный случай, атипичное течение болезни и пр. Только больной, которого можно было спасти, умер. УМЕР! А ты живёшь, дышишь, кофе пьёшь. С пирожными. Завтра в гости пойдёшь.

Не сумела собраться. Позволила себе эмоции, мешающие думать, думать и чувствовать, сосредоточиться до звенящей пустоты, из которой интуитивно, из ниоткуда, придёт единственно правильное решение. Нетривиальное решение, иногда, на первый взгляд, абсурдное. Но оно правильное. Ты знаешь, что способна на это. И в том, что оно не пришло, виновата ты, только ты и никто другой. Если смотрели и не увидели другие – это их проблема, она тебя не касается. Ни одно коллективное решение тебя не оправдывает. Это твоя вина, твой грех, твоя ошибка на твоей совести. Потому что могла – и не сумела. Потом можно говорить что угодно.

Другие будут говорить, что невозможно было поставить правильный диагноз, правильно лечить. Но ты-то знаешь, что это ошибка, которую ты – ТЫ! – могла не делать! Могла – значит, должна была.

Бывают действительно сложные случаи, когда ошибка неизбежна? Да, бывают. Но это так редко! Так редко, что рассказываешь коллегам о курьёзе с удивлением и свойственной врачам внутренней потребностью поделиться необыкновенным наблюдением. У меня так было однажды, я об этом когда-нибудь напишу. В тот раз, к счастью, всё закончилось благополучно, большая поправилась.

То, что я сейчас написала, относится к нестандартным ситуациям, к необычным, сложным случаям. Они бывают, к счастью, сравнительно редко. Но можно ошибиться и в ситуации штатной – по логике вещей, этого вообще не должно быть.

Я поведу сейчас речь о том, как избежать этого ужаса – твоей предотвратимой врачебной ошибки. Что нужно делать, какие условия для себя, умной, грамотной и честной, нужно сознательно создавать, чтобы периодически не вваливаться в этот кошмар и позор – ошибку, которую можно было не совершать.

Но отбросим эмоции. Мне кажется, предупреждение врачебных ошибок стоит на трёх китах: знании, душевном равновесии и хорошем физическом самочувствии. Иными словами, врачу нужны знания и силы, духовные и физические. Самоотверженность и прочие необходимые качества – это само собой, не обсуждается.

Что же нужно знать?

Ну, во-первых, медицину. Чем больше, тем лучше. И обязательно теорию: анатомию, физиологию, пропедевтику, клиническую фармакологию и многое, многое другое, что мы изучали в самом начале пути. Арнольд Яковлевич Ярошевский, заведующий кафедрой пропедевтики 1-го медицинского института в Ленинграде, прощаясь с нами, последним его выпуском, в середине 60-х, так и сказал: «Коллеги! Когда наступит момент – а он обязательно наступит! – и вы не будете понимать, что же с вашим больным, обращайтесь к своим теоретическим знаниям, они приведут вас к правильному решению». Это – правда. Будучи клиницистом, я всегда имела дома массу книг по теоретическим дисциплинам, без них я бы работать не смогла.

Почти 12 лет я была инфекционистом, заведовала инфекционным отделением – 30 детских коек и 15 взрослых. Инфекционные болезни идут с поражением любых органов и систем, иногда всех сразу, сплошь и рядом на фоне самых разных хронических заболеваний, которые, как правило, обостряются. Да ещё миксты никто не отменял. Пойди, разберись! В общем, медицину нужно знать, а также

«учиться, учиться и учиться». Моему поколению это удавалось. Все преподаватели были настоящие, с большим клиническим опытом. Они не утаивали свои знания, а старались передать их нам. Книги писались нормальным человеческим языком. Циклы повышения квалификации без отрыва от производства даже представить себе не могли.

Пропедевтика. Без знаний и навыков пропедевтики врача нет. Вот пример: мы часто забываем, что ухо врача – такой же биологический объект, как и любой другой, то есть для того, чтобы что-то начать правильно воспринимать, слуховой анализатор врача должен адаптироваться к новым условиям работы, а для этого нужно время. Иными словами, первые примерно 10-12 секунд аускультации врач ничего толком не слышит. Вот ещё пример: нежные свистящие периоральные хрипы в конце выдоха при лёгком бронхоспазме, великолепный симптом, особенно важный при толстой грудной клетке больного. Он очень полезен у маленьких детей и выявляется во время сна, пока ребёнок не проснулся и не заплакал. Этим способом диагностики – увы – практически не пользуются. Живот. Его нужно не только пальпировать по установленным правилам, но и определять наличие пульсации аорты, выслушивать, искать систолический шум. Список тонкостей и сложностей пропедевтики велик. Надо учиться у всех при малейшей возможности, просто смотреть, как другой хороший врач это делает. Не стесняться спрашивать. У каждого специалиста есть свои особенности, свои «маленькие хитрости».

Ещё нужно знать психологию. Нас этому не учили и не учат, всё на собственном опыте, то есть на своих ошибках – а это плохо. Знать нужно и собственную психологию, и психологию пациентов и их родственников, особенно любящих и тревожных от природы. От страха они могут хамить, оскорблять всех, кто попадает им на глаза, только что не кусаться. Нужно суметь овладеть ситуацией и не «завестись» самому. «Заведёшься» – больной станет тебе неприятен, подсознательно при этом от больного дистанцируешься, отстраняешься от него, мысли о нём как бы убегают сами по себе, это неконтролируемая защитная реакция психики – врачебная ошибка обеспечена. У меня так было. Больного я потеряла. Он у меня стоит перед глазами. С тех пор, как только кто-нибудь начинал разговаривать на повышенных тонах, сразу предупреждала: «Не прекратите – ошибусь. В тюрьму сяду, но Вам от этого легче не станет». На этом всё хамство заканчивалось. Вообще, если пациент тебе неприятен, именно неприятен, а не безразличен, и ты ничего не можешь с собой поделать (так редко, но бывает) – лучше за его лечение не браться. Разумеется, если это не экстренный случай – но в таких ситуациях не до эмоций. Профилактика возникновения неприязни к больному совершенно

необходима, ты же не всегда можешь его передать другому врачу. Лучше всего для этого следовать библейской этике в своём отношении к людям. И опять же – изучать психологию.

Здесь есть нюанс: истинно тяжёлые больные не жалуются и не капризничают. Сил для этого нет. Начал ворчать – слава Богу, полегчало. Медперсонал радуется.

Наверное, есть смысл к первому киту, знаниям, отнести и несколько святых правил:

Никогда никому не доверять, даже самым уважаемым специалистам, всегда больного посмотреть самому и только потом делать выводы. И на старуху бывает проруха.

Видеть «вилку» – несоответствие симптомов и синдромов, несоответствие результатов клинических и параклинических исследований, вообще любые несоответствия. За ними может крыться роковая ошибка, и только чудо спасёт больного.

Не ставить диагноз по результатам одного исследования. Путают всё: пробирки, банки, направления, химреактивы, плёнки, больных – всё. В лаборатории может быть слишком холодно или слишком жарко. Выходит из строя аппаратура. У химреактивов истекают сроки годности, и в спешке этого не замечают. Наконец, при некоторых исследованиях у больного может быть индивидуальная норма. Ну и, конечно, необходима поправка на специфичность и чувствительность метода. В параклинике место ошибке есть всегда. В том числе и по субъективным причинам: врачи работают до полного изнеможения, до нарушения зрения. Видишь несоответствие клиники и параклиники – иди к лаборанту, рентгенологу, УЗИ-диагносту, обсуждайте, ищите причину, думайте!

Смотреть больного в нормальных условиях – при правильном (не просто хорошем, а именно правильном!) освещении, в тишине, не отвлекаясь ни на кого другого и ни на что другое. Сосредоточиться на больном. Смотреть его тщательно и внимательно, дотрагиваться, ощупывать тёплыми мягкими руками, легко и – обязательно! – уверенно. Дать ему время успокоиться, привыкнуть к вашим рукам и голосу, почувствовать безопасность, расслабиться. Давать высказываться, не подгонять и не перебивать, только уточнять осторожно и доброжелательно. Во время беседы (сбора анамнеза) смотреть ему в глаза. «Настроиться на его волну». Очень полезно увидеть в его облике что-нибудь красивое – волосы, руки, уши, цвет кожи, бусы, серьги, рубашку – что угодно – изредка посматривать на это и получать удовольствие. Невербальный контакт будет лучше (этот феномен я выявила случайно, в процессе медицинских осмотров в поликлинике, когда за минимальное время нужно получить максимальную информацию, и теперь сознательно использую его в своей работе; я умею получать удовольствие даже от одного взгляда на красивое, у других этого умения может не быть). Кон-

такт, доверие, спокойствие – на выходе важная и нужная информация, иногда ключевая.

Наконец, с первого дня всегда всё рассказывать и объяснять больному. Каждый симптом, каждый шаг. И дело не только в праве пациента на информацию – отнестись к нему формально можно и не нарушая закон. Дело в том, что если больной представляет себе, что и как происходит у него в организме, включаются процессы саморегуляции – и он выздоравливает гораздо быстрее. Психологи под эффект саморегуляции подводят теоретическую базу, но я убедилась в этом на собственном опыте ещё в те времена, когда о роли психологии в медицине практически не говорили.

И ещё. Ни в коем случае нельзя забывать об одной очень серьёзной опасности: потере бдительности (не путать с появлением самоуверенности!)

«Минёр ошибается один раз» – но всё равно ошибается. Я где-то читала, что во время Отечественной войны военные специалисты заметили, что минёры погибают после 235, точно не помню, успешных разминирований. И минёрам стали давать отпуск домой на 10 дней после 210, опять же, цифру точно не помню, удачно обезвреженных мин, даже во время самых тяжёлых боёв. Погибать минёры стали гораздо реже.

У нас – то же самое. К каждому, прежде всего новому, больному нужно подходить с максимальной концентрацией внимания. Как минёру – к mine. Когда у врача долго всё идёт легко и просто, восприятие информации неизбежно притупляется. И он с позором ошибается. Я до сих пор помню один свой такой случай (к счастью, всё закончилось хорошо). Как с этим бороться – не знаю. Наверное, нужно вовремя использовать очередной отпуск и постоянно помнить об опасности. На худой конец, получать какую-то другую специализацию, уходить в статистику, организацию – в общем, начинать новое дело.

Душевное равновесие, душевные силы врача – второй кит, на котором стоит медицина.

Мне трудно об этом писать, потому что несколько раз я ошибалась в состоянии полной дестабилизации состояния души по вине самых близких мне людей, членов моей семьи. Дважды можно было просто указать на дверь – но я не сделала этого в силу особенностей своего характера в те годы, ну и, конечно, воспитания. Увы, это плохо кончилось для моих больных. В конце концов, я твёрдо решила устраивать сверхскандал, если кто-то встанет на моём пути и попытается на меня давить, отвлекать внимание и вообще отравлять мне жизнь в то время, когда я должна находиться в состоянии крайней сосредоточенности. Ведь о сложном тяжёлом больном думаешь круглые сутки, ни на что не отвлекаясь в мыслях, думаешь о нём, когда моешь посуду, стираешь, идёшь по улице –

во время любой механической работы.

Об этом не принято говорить, но никто так не пьёт кровь, не доводит до белого каления, фактически не издевается над человеком, как люди близкие, рядом живущие, давно и хорошо знающие все его слабости и болевые точки, умеющие как никто другой ударить по самолюбию, унижить, оскорбить – чтобы добиться своего, безнаказанно сорвать зло, а то и из благих намерений. «Мне лучше знать, что моему ребёнку надо!» – говорила Кабаниха в драме А.Островского «Гроза». Мало кто обратил внимание на этот эпизод, а зря. В нём – соль психологии родителей-тиранов. Да и не только родителей. Домашний тиран – это страшно, но вдвойне страшней, если тирании этой подвергается врач, от которого зависит здоровье, жизнь, судьбы других людей. То же можно сказать о мужьях-алкоголиках, скандальных психопатках-жёнах, злобных занудливых стариках, об эгоистичных безжалостных детях-потребителях. Никто и никогда не признается в том, что в его жизни бывают эпизоды, когда родные и близкие ведут себя именно таким образом.

Что делать? Объяснять, договариваться, а не помогает – менять место жительства, состав семьи или профессию, если не хочешь стать убийцей. Лечебное дело не для всех.

Наверное, нужно сказать и об отношениях в коллективе, и о роли руководителя. Я 50 лет проработала в медицине – медсестрой, фельдшером, врачом. 12 лет руководила инфекционным отделением. Последние 22 года была главным врачом поликлиники. Я знаю, о чём говорю. Эмоциональный климат в коллективе – вещь тонкая, требует времени и душевных сил руководителя. Люди разные, у всех свои проблемы, далеко не всегда личные интересы совпадают с производственными. У всех разное здоровье и физические возможности. Проблемы в личной жизни. Разная наследственность, воспитание, тип личности. То, что можно требовать от одного и близко не годится для другого. Руководить коллективом – это и наука, и искусство, но нас этому не учат. В отчёты моральный климат в коллективе не включён, на зарплату руководителя не влияет, в квалификационные требования и экзаменационные билеты не входит. У меня сейчас нет задачи поделиться опытом работы с коллективом. Я только скажу одну очень важную вещь: своих ребят нужно любить и никогда не обижать, никогда не унижать публично, на собраниях или при посторонних людях. Это самое главное. Они ведь после контакта с руководителем идут лечить больных, для этого им нужны душевные силы, живость ума, умелые руки, доброта и уверенность в себе. А что можно ожидать от человека после публичного разноса? И ещё: говорить «нет» только в самых крайних случаях, всегда объясняя, почему. В конце концов, если мы друг о друге не позаботимся, кто о нас по-

заботится? Корпоративная солидарность – это не прикрытие безобразий, совершенных коллегой, а истинная забота и поддержка в любых ситуациях.

Наконец, согласитесь: атмосфера в коллективе – это любовь, чувство юмора и творчество. Они или есть, или их нет. Нельзя забывать, что «Не хлебом единым жив человек».

Третий кит: силы физические, физическое здоровье врача, физические возможности. Об этом вообще у нас умалчивают. Считается, что доктор – существо бесполое, без возраста, дал обет безбрачия и вообще не человек. То ли он робот, то ли инопланетянин, в общем, его организм небιологический. Поэтому, скажем, такие вещи, как пределы физиологических возможностей мышечной и нервной систем, ухудшение работы анализаторов при длительной нагрузке, потребность в восстановительных процессах на гистохимическом уровне, вредные воздействия внешних факторов с повреждением органов и тканей и пр., для врача не существуют. Примем это как данность в наше время в нашей стране. Вопрос в том, как избежать врачебной ошибки, неизбежно возникающей, если врач болен или смертельно устал? Кстати, синдром эмоционального выгорания – тоже болезнь.

Традиционный вопрос: что делать? Мне кажется, что решение может быть только комплексное. Прежде всего, проблему следует обозначить. Мы сейчас это сделали.

Что обеспечивает человеку здоровье? Прежде всего, здоровый образ жизни. Значит, врач обязан вести здоровый образ жизни. При этом он должен жить в нормальных человеческих условиях, позволяющих ему восстановиться до такой степени, чтобы появилась способность к мышлению – логическому и ассоциативному, а при некоторых специальностях ещё и к работе руками.

Вспомним треугольник Маслоу. Первый уровень – удовлетворение физических потребностей: качественная пища, вода, воздух, жилище, одежда, обувь и пр. Разумеется, врач, как любой другой человек, имеет обязательства перед семьёй, родителями. Любит их и не может не делать всё от него зависящее, чтобы этот первый уровень обеспечить и им тоже. Кроме того, детей нужно воспитывать, учить, оздоравливать и хоть иногда баловать. Спорт, культура, общение с друзьями. Туризм, выезд семьёй на курорт во время отпуска. Знаки внимания родным и знакомым, подарки и т.д., и т.п., без чего наша жизнь невысказима. Называется всё это вместе взятое «уровень жизни». Для врача уровень жизни достаточен средний, но никак не ниже. Для чего нужна заработная плата? Для обеспечения уровня жизни, необходимого и достаточного человеку для того, чтобы иметь возможность восстанавливать силы, ресурсы, восполнять их затраты и снова работать.

Сердце – образец эффективного труда: систола – диастола – систола – диастола – и так без остановки, пока жив человек. Систола – это сокращение мышцы, диастола – расслабление, восстановление сил для последующего сокращения. Нет нормального физиологического ритма – возникает нарастающая сердечная недостаточность и смерть. С человеческим организмом в целом то же самое. Но прежде, чем заболеть и умереть, он плохо работает. Если этот человек врач – он совершает врачебные ошибки и губит своих пациентов.

Ресурсообеспечение врача как биологической системы – обязанность 3-х сторон: самого врача, его семьи и работодателя: заведующего отделением, главного врача и его заместителей, управления здравоохранением, министерства. (Это в теории. А на практике спасение утопающих – дело рук самих утопающих.)

Теперь конкретно.

1. Обязанность самого врача – вести здоровый образ жизни, хорошо знать свой организм, его реакцию на различные внешние и внутренние воздействия. Особенно важно это при наличии хронических заболеваний, а они есть практически у всех после 35-40 лет. И вести себя так, чтобы во время работы хорошо себя чувствовать. Это совершенно реально. Например: соблюдать режим питания при гастроэнтерологических проблемах, не провоцировать подъём артериального давления при гипертонии, не поднимать тяжести при остеохондрозе позвоночника и так далее. Ещё в институте учили на занятиях по истории медицины: «Врачу – исцелися сам».

2. Обязанность семьи врача – создавать ему условия для нормального отдыха и работы, взятой на дом, поддержка физического здоровья и душевного равновесия.

3. Обязанность работодателя – качественное нормирование труда; введение должностей в штатное расписание медицинских организаций в соответствии с нормами нагрузки, потребностью и реальными условиями работы врачей; обеспечение кадрами; оснащение удобной и безопасной аппаратурой; обеспечение нормальных санитарно-гигиенических условий работы; организация труда и, наконец, моральный климат в коллективе.

Очень большая ошибка руководителей в наше время – не принимать во внимание тип личности врача (социальный, рациональный и др.) и тип мышления (понятийный, клиповый, смешанный) при предъявлении ему каких-либо требований, возложении на него каких-либо обязанностей. Это тоже путь к врачебным ошибкам. Спринтер не может пробежать длинную дистанцию, а стайер – дать результат на короткой.

Синдром эмоционального выгорания. Не исключено, что это самая частая причина врачебных ошибок. Такие ошибки нужно считать объективными, их профилактика – борьба с СЭВ, реальная, на законодательном уровне, как в цивилизованных странах. Пока же у нас практикуется наказание врачей и руководителей

нижнего звена, это нужно менять и как можно скорее.

Здесь же, наверное, следует сказать о широко распространённой практике длительной сверхнагрузки врача, которая неизбежно приводит к хронической усталости и СЭВ. Причин здесь две: необходимость работать врачу за двоих-троих из-за отсутствия кадров и прогрессивное увеличение нормативного объёма работ за счёт введения новых обязанностей, например, расширения прививочного календаря, диспансеризации новых контингентов, ведения медицинской документации в электронном виде без уменьшения обычной на бумажных носителях, увеличения числа отчётных форм, многочисленных совещаний и заседаний и т.д. и т.п. Вот широкое поле деятельности именно для управленческого аппарата. Что-то нельзя сделать на местном уровне, но что-то и можно, значит – нужно.

Есть ещё один малоприятный факт. При достаточном опыте и наличии природных данных любой специалист может работать быстро, то есть без особых усилий справляться с нагрузкой на 1,5-2,0 ставки. И в этом случае вакансии руководителю он заполнить просто не даст: выживет кого угодно, только чтобы была вакансия круглый год, а не только в периоды отпусков, учёбы с отрывом от производства и больничных листов. Особенно, если вся служба – 2 человека и/или немного больше. Формально все ставки заняты и с нормативным объёмом работы специалисты справляются. Но фактически – никогда. И вероятность врачебных ошибок из-за обыкновенной человеческой усталости увеличивается. Это проблема. Хороших специалистов найти очень непросто, и если уж нашли – им нужно стабильно платить, как теперь говорят, достойную зарплату. Без вакансий это нереально.

Наконец, определимся с условиями, в которых работает врач. Существует две группы обстоятельств, при которых оказывается медицинская помощь в мирное время: оказание медицинской помощи плановое и в чрезвычайных ситуациях. Чрезвычайные ситуации в обычной жизни для медиков (наводнение, пожар, землетрясение, цунами, торнадо и т.п. не в счёт) – это ожидаемое или внезапное одномоментное появление большого количества пациентов, нуждающихся в медицинской помощи при отсутствии или нехватке медицинских кадров. Так бывает во время вспышек инфекционных заболеваний, например, при подъёме заболеваемости ОРЗ и гриппом. Так бывает при авариях на производстве, на транспорте с большим количеством пострадавших.

Совершенно ясно, что в этих особых условиях выполнить всей службой в целом все требования всех приказов, инструкций, порядков и регламентов, написанных для обычной жизни, невозможно. Ни чиновникам, ни пациентам и их родственникам, за редким исключением, это не доказать. Думаю, есть смысл узаконить работу всех медицинских служб в «особых» условиях, руководствуясь ныне реально существующими обычаями гражданского оборота в здравоохранении. А пока – крайним всегда остаётся врач, что-то сделать не успевший.

Ненужная нервотрепка, несправедливые санкции, потеря времени, сил и как результат всего этого – ухудшение работоспособности врача, увеличение риска врачебных ошибок.

Здесь очень важна позиция руководства: врачей нужно защищать.

POST SCRIPTUM:

Я прочитала написанное – и невольно возник вопрос: для чего внедрились в лечебную практику порядки и стандарты? Ведь теперь шаг влево, шаг вправо – нарушение, вслед за которым идут санкции. Это уже не искусство врачевания, а ремесло. И наука здесь не нужна тоже. От врача требуют, чтобы он был бездумным исполнителем, не более. Стандарты, конечно, периодически будут пересматриваться. По мере накопления статистически достоверных отрицательных результатов. Всё вместе – это сотни и сотни загубленных жизней. За что боремся?

Но в Порядках и Стандартах оказания медицинской помощи есть и положительное: во-первых, они обязывают лечебные учреждения иметь определённую материально-техниче-

скую базу, аппаратуру, персонал, лекарственные средства. Иначе медицинская организация не получит лицензии. В конечном итоге, её учредитель вынужден выделять средства для этой цели. Отпадает сразу масса проблем, неизбежных ранее при остаточном принципе финансирования здравоохранения. А во-вторых, бездумный исполнитель равнодушен и бессердечен, так же как и страдающий синдромом эмоционального выгорания. Таких всегда было и есть достаточно много. Стандарты не дают ему не сделать что-то элементарное из-за душевной лени, недомыслия или плохого самочувствия.

И всё же хочется верить, что искусство врачевания не канет в Лету, не исчезнет. Что искры этого дара Божьего сохранятся в медицинском сообществе и когда-нибудь снова вспыхнут ярким пламенем.

04.09.2014

ПОЭЗИЯ

Удивительное всегда рядом

Лидия Сядейская

Нам с улыбкой лучистой встречать его надо.
Удивительное всегда рядом.
Может вдруг прилетит из далёкого детства
Нам привет-поздравление, что мы не ждали,
Огоньком лучезарным оно обернётся,
Мы такое забудем едва ли.

Ветер нам прошептал: «С Новым годом!»
Ждёт сегодня всех праздничный вечер,
Огоньки, словно звёзды, сияют на ёлках,
Шепчет нам ветерок: «С Новым годом!»
Дед Мороз осыпает всё снегом,
Завывает и крепче становится ветер,
А снежинки летят над землёй, как пушинки,
Дед Мороз их насыпал нам с неба.

Удивительное всегда рядом,
Мы как в детстве сидим в ожидании чуда,
Этот день для нас всех, как большая награда,
Поздравляем мы всех с Новым годом.
И гостей пригласили на праздник,
Но надеемся, ждём мимолётную встречу,
Что полярной звездой над землёю зажжётся,
Издалёка её я замечу.

Удивительное всегда рядом,
Даже если порою оно рукотворно,
Восхищает талант, красота и упорство,
Мастерством человека гордиться нам надо.
Дарит миру он душу свою и надежду,
Он талантом своим красоту воспевает,
Мастер дела, теперь мастерством удивляет!
Кем же был человек этот прежде?

Удивительное всегда рядом.

Я вернулась домой,
В старый дом у колодца.
Сердце радостно бьётся,
Я вернулась домой...

Я вернулась домой,
Меня встретило солнце,
И в глазах моих слёзы,
Я вернулась домой...

Я вернулась домой! Домой.

02.01.2020

Удивительное всегда рядом

Может быть, принесёт мимолётная встреча
Поздравлением искренним «С праздником!» –
радость,

Мой Север - родина моя

Андрей Сядейский

Я не хочу в стакане тихо сгнуться
И потерять последние мечты,
Ведь жизнь прожить -
Не в воду камень кинуть,
Оставить только добрые следы.

Вы не смотрите, вид всегда обманчив,
Проблема только в комплексах моих,
Я одинок и потому несчастлив,
Но я могу любить за четверых.

Пусть говорят, у человека
Должно быть пламенное сердце.
Кто без любви живёт – калека,
И в сердце есть для счастья дверца.

Ну, может дверца есть такая,
Но под замком она железным,
На сердце корка ледяная,
Лишь мозг является полезным.

И с этим я почти согласен,
Что разум верный спутник жизни,
Но не у всех он адекватен,
Кто знает, чьи он носит мысли,

На чём воспитан их носитель,
Живут, но вовсе не живые.
И верят, что придёт Спаситель,
Решит проблемы бытовые.

Не верьте вы тому, кто бредит,
А лучше вспомните о дверце,
Ведь каждый за своё ответит,
А для любви откройте сердце.

Ирина, обращаюсь к вам с надеждой,
Простите мне бездействие моё,
Я в этой жизни чрезвычайно грешный,
И в душу не впускаю никого.

Я видел жизнь не в лучших её формах,
Мечтал о смерти, наживал врагов,
Я вижу шанс, но если будет промах,
Возможно, снова наломаю дров.

Мне не нужны смазливые девчонки,
У них одни интриги и обман,
Для вас готов открыть в душе заслонку,
И выйти вместе в жизненный туман.

Мой Север – родина моя!
Мой край суровый, но красивый.
Есть мягче, ласковей края,
Оплот найдет – трудолюбивый.

Кто любит труд, идёт вперёд,
Найдет и счастье, и опору,
Со временем придет комфорт,
Пойдут дела успешно в гору.

И с каждым годом все светлей,
Все больше новых начинаний,
От звуков звонницы теплей
И новостроек очертаний.

Мой город с каждым годом нов,
И храм спокойствие хранит,
А сколько славных городов,
Заводов, производств – стоит!

Цени мечту своих отцов!
Цени надежду и терпенье!
Немало славных городов,
Но Нарьян-Мар – это творенье!

Кофейная птица

Александр Салов

Кофейная птица

Ночь за окном. Ночь во всём мире...
Ночь в опустевшей застыла квартире.
Ночь в чашке кофе. В горле комок.
Кофейною птицей струится дымок.

Ночь за окном. Опять мне не спится.
Сидит на плече Кофейная птица.
Кофейная птица обнимает крылом,
Щебечет мне в ухо: «Что ж было потом?
Что уж которую чашку, одна
Кофе ты пьешь, страдая, без сна,
Без теплоты этих рук, что тебя
Нежно качали, лаская, любя?»
Ночь за окном. Никак не забыться.
Сидит на плече Кофейная птица.
Кофейная птица обнимает крылом,
Щебечет мне в душу: «Что ж случилось потом?
Пыль на душе и пыль на ПК,
Пыль на мобильнике, ждущем звонка.
Пыль в зеркалах – не узнаешь себя?
Годы прошли – он ушёл, не любя?»
Ночь за окном вне времени длится.
Сидит на плече Кофейная птица.
Кофейная птица обнимает крылом,
Щебечет мне в сердце: «Что ж будет потом?
Час уж который змеится дымок
Над чашкою кофе? Даёшь ты зарок,
Жить без него, без его теплоты,
Сердце сжимая тоской пустоты?»
Ночь за окном; ночь во всём мире,
Ночь сквозняком снуёт по квартире,
Но из мобильника рвётся звонок!
Кофейною птицею вьётся дымок.

Зачем любовь

Ты говоришь: «Зачем любовь?» ...
Я сам того порой не знаю,
Но иногда я замечаю
За чем любовь... За чем любовь.

Ты помнишь лето за рекою,
Где повстречался я с тобою,
Там, за пригорком луговым,
С любовью целовались мы.
За тем пригорком, за рекою,
Там повстречались мы с любовью.

И были ночи – расставания,
И были зимы – расстояния,
Случалось, я душой продрог,
Но был за вьюгами порог,
Ждала там, в мазанке, пленённая
Любовь, тобою сохранённая.

И верю я, пусть мы не скоро,
Но в одночасье всё ж уйдём,
Нас будет ждать за дальним склоном
Его Любовь, Его Любовь.
За склоном лет, у изголовья
Моя любовь, твоя любовь.

Ты говоришь: «Зачем любовь?» ...
Я сам порой не понимаю,
Но я по жизни всё же знаю
За чем любовь... Зачем любовь.

Мой милый дом

Ирина Маркова

Мой милый дом

Милый дом, сколько лет ты служил верой и правдой бабушке, маме и мне. Когда-то новенький красовался, стойко переносил любую непогоду, сохраняя наш домашний уют.

С годами начал стареть. В зимние вьюги укрывался в снегу. Но в стенах твоих было тепло и спокойно. Весною ты пробуждался ото сна. Плакал в дождь от того, что крыша давно прохудилась. Пел грустные песни скрипящими половицами: ведь скоро летняя пора, жильцы разъедутся, и в доме будет пустота.

Мой милый дом, ты ожил в августе прошлого года, радовался суете и многолюдью. Мы много времени провели дома. Ты опять весело скрипел половицами в такт нашего хода. Но слёзы теперь текли у меня. Я знала, что прощаюсь. Что это неизбежно. Рвала бумагу, мусор в клочья, в порыве искренней печали. Перебирая в памяти моменты, что дороги сердцу.

Я выросла тут. Помню девчонкой бегала к бабушке в дом. Тут был комод, а рядом сервант. А в дальней комнате много вещей, сундук и шкатулки, игрушки, платки. Я любила там поиграть, а после чего попить чай, поболтать. Ночью лежали мы с бабушкой на диване. Она рассказывала мне о войне, о голоде страшно, о маме своей и о брате. Я слушала, затаив дыхание. Дом в этот момент тоже молчал, не скрипел.

Не то что сейчас! Он будто прочувствовал боль, узнав вердикт – «Под снос!» И как-то в миг весь потух и затих. Хорошо, что начался дождь. Он скрыл его слезы.

Я собирала коробки и сумки. Ходили разные люди. Всё что-то выносили, громко говорили. И радовались за нас. Ведь впереди ждал новый и красивый дом.

Последняя коробка и оборот ключа. Уже не сдерживая слёз, спускалась по перекошенным ступенькам коридора. И вот ты остался совсем один этой холодной осенью. Я хотела взять этюдник, нарисовать на память. Но выпал снег,

и холод сковал все вокруг. Зима и морозы не давали увидеть тебя.

И вот время к весне. Я приехала к дому и совсем не узнала его. Он весь покосился, уже не смотрел заколоченными окнами... Скоро тебя сравняют с землёй. Мой дом, мой родной. Я всегда буду помнить тебя.

Карандаш

В моей руке карандаш. Он рисует, а я наблюдаю. Он гладкий, длинный, такой изящный и вовсе не простой, а самый любимый. Почему? Этот карандаш подарен дорогим мне человеком. Я его берегу, использую редко. Чаще просто люблю. Он как мостик в историю – между прошлым, настоящим и будущим. Он рисует быстро, без запинки, соединяет обрывки фраз, впечатлений. Даже мои глаза удивляются образам, полученным на бумаге. Он нежно и трепетно их выводит, будто рождает на свет дитя. Каждый рисунок – это история, маленькое воплощение мысли, которую можно потрогать, увидеть, услышать. А иногда рожденные образы пугают, заставляют брать ластик и всё судорожно стирать, чтобы ни единая душа не узнала об этом секрете.

Правишь линию, направляешь её в другую сторону, и вот оно, нужное решение. Всё снова гладко и слаженно. Но это только на листе создано верным помощником карандашом. А в жизни, как быть в жизни, как всё исправить, повернуть время вспять?

На листе вслед за карандашом кипит жизнь, другая, ладная и складная. Ею любишься, восхищаешься. И хоть он пишет всё серым, но это вовсе не так. Смотришь на изображение и ощущаешь яркость, сочность нарисованного происходящего, невольно начинаешь завидовать героям сюжета. Штрихи, линии, слова складываются в единые ритмы, что звучат в такт с вашим сердцем.

Как может такое создать простой карандаш? В начале своего пути он был большим, длинным, с каждой линией жизни, с каждой ошибкой он затачивался и шёл неумолимо к цели, становясь всё меньше и меньше. Жертвуя собой, создавал радость для глаз, копилку памяти. Несмотря на то, что иногда его труды о прошлом хотелось бросить в огонь, потому что они причиняли боль, вскрывали раны ожившей историей.

Карандашом мы делаем наброски людей, зданий, улиц, событий. Имеют ли они значе-

ние сейчас, а в будущем будут ли важны? Что из них сотрётся из памяти, и так будет лучше для всех. Мы редко живём настоящим, чаще вспоминаем прошлое. Или фантазируем о будущем. Хорошо быть художником или писа-

телем. Можно взять простой карандаш и написать об этом манящем будущем, далёком, оборотительном. Что оно с собой несёт, нам не дано знать. И лишь карандаш может унести нас в неизвестное будущее...

ПРОЗА

Коварство и любовь. Из жизни мамонтов

Ирина Коткина

Ему было всего 45, когда он отправился в свой мамонтовый рай. Травмированная левая скула мешала съесть положенные суточные 120 кг травы. Спустя тысячелетия его забальзамированный в вечной мерзлоте череп нашли любопытные школьники и доставили в краеведческий музей.

Любви все мамонты покорны

Про ненецкого шерстистого мамонта ЧУМработница слышала давно, но интимные подробности его личной жизни узнала на традиционной Ночи музеев.

После реставрации черепа гиганта в Москве специалисты определили, что это не мамонтёнок, как ранее думалось, а мужчина в полном расцвете сил. Мощные бивни, 8 тонн живого веса, 4 метра роста, причёска с волосами, из которых модно косы заплетать. У него прошла последняя смена зубов, но по прикусу было видно – жевал на одну сторону.

ЧУМработнице почему-то кажется, что травма – боевого происхождения. Мамонту пришлось драться за красавицу-невесту с многочисленными соперниками. И он уже почти победил, но внезапно получил подлый удар исподтишка от вождя стада – старой слониhi. Намедни он опрометчиво отказал её толстой некрасивой дочери, за что и поплатился.

Красавица выбрала победителя, отвергнув дочь слониhi ушла в монастырь, а несчастный поверженный, с левой сломанной скулой, совсем перестал есть и умер.

В честь героя в Ненецком краеведческом музее устраивают концерты и читают лекции о вегетарианстве, любви и превратностях судьбы. Говорят, экспонату очень нравится саундтрек Игоря Корнелюка к сериалу «Бандитский Петербург».

Мы мирные леди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути

Коварство женщин доказано исторически многократно, но мамонты предпочитают вновь и вновь наступать на классические грабли. Взять хотя бы женщину-пилу, которая медленно, но верно может довести до белого каления даже самого идеального мужчину.

ЧУМработница не злоупотребляет навыком распила, но если уж приходится, – берёт одноручную пилу, но двуручная, конечно, эффективней. Для сведения, в Пустозерском музее есть и та, и другая, а ещё – коромысло и ухват, которые тоже можно использовать как орудия урегулирования семейных конфликтов.

А может, НАО-мамонту повезло, что красавица его отвергла? Обычно из таких вот фиф получают самые искусные распиловщицы.

Арктика согревает

Про вымершего мамонта ЧУМработница вспоминала не раз, когда пронизывающий ветер и майская метель особенно досаждали. Необычайно ранний ледоход на Печоре как будто принёс привет из времён Ледникового периода.

Льдины медленно и упрямо двигались по веками проторенному руслу реки, и вдруг на одной из них ЧУМработница явственно увидела четырёхметрового счастливого мужчину в полном расцвете сил. Рядом стояла длинноволосая красавица с гламурными бивнями и одноручной пилой.

19 мая 2019 г.

Мой ласковый и скромный зверь

Всемирно известный охотник за сиянием Виктор Куликов настолько приручил капризное природное явление, что начал возить на смотрины туристов. Следить за чужим счастьем ЧУМработнице стало нелегко, и она срочно затребовала личный кусочек.

Ежевечерне звонила и канючила: «Хочу сия-я-я-ние!» Властелин мира был терпелив, рассказывал про розу ветров и магнитные возмущения, а на возмущения просительницы отвечал вежливым «надо подождать».

3 марта в НАО объявили штормовое предупреждение. Это когда мелкие собачки летают по ветру, а крупные тётеньки под углом 45 градусов танкообразно добираются до дома.

– Сегодня точно не поедет, – подумала ЧУМработница, но тут зазвонил телефон.

– Собирайся, начинается!

Повизгивая от возбуждения, счастливица бегала по квартире, натягивая на себя комбинезон, куртку, меховые рукавицы, бурки, ибо штормовое.

21.20. Лая-Вожскую дорогу, по которой парочка добиралась до места рождения сияния, удачно почистили грейдеры. Иначе – стопроцентный тормоз в перемётах и сугробах.

– Свезло так свезло, – радовалась ЧУМработница и расспрашивала Виктора о тонкостях сиятельной науки. За столько лет дежурства по сиянию, Виктор его сердцем чуял, как тот Полиграф Полиграфыч – котов.

– С 2012 года заболел темой. Нашёл в сети группу «охотников за сиянием». Тогда там было много учёных, которые нас пытали про то, где, как, при каких обстоятельствах сияет. Если раньше всё делал интуитивно, то сейчас слежу за ситуацией по специальной программе. Её написал один из «охотников». Здесь всё понятно. Следишь за красной линией, она самая главная.

Самое удачное место – там, куда мы едем. Самое удачное время – с 9 до 11 вечера, а потом с часу ночи. Был бы моя воля, я бы на пару суток тут завис. Это как энергетическая батарея. Подзарядился и можно дальше жить.

Любимое место ЧУМработница зафиксировала на случай, если вы, дорогие друзья, захотите сами туда добраться.

Когда ЧУМработница вышла из машины, сразу же ошалела от дикого ветра. Поганец сбивал с ног, заставлял дышать через раз, прятаться за машину и закрывать и так закутанное лицо рукавицами.

Витя же чувствовал себя прекрасно:

– Это ещё что! Вот если минус 30 с ветром, когда сопки на лету замерзают, тогда самые классные снимки получаются. Сегодня тоже хорошо, ветрено, небо чистое, ясное, но яркого сияния не жди. Смотри внимательней, видишь, двигается потихоньку?

ЧУМработница пыжилась из всех сил и ста-

рательно всматривалась в небо. Слева виднелись огни посёлка Нельмин-Нос, справа – Красного, на небе мозаично рассыпались звёзды, категорически светила половина луны, а посередине этого многообразия скромно шевелилась светлая полоса. Причём на экране фотоаппарата она была видна лучше, чем глазом.

За 29 лет в НАО ЧУМработница видела сияние и посильней, но это почему-то умилило и растрогало.

– Да вижу я тебя, вижу! – успокоила она нового друга, – ерунда, что скромное и маленькое. Я тебя так в ЧУМотеке «под хохлому распишу», что большие и сильные обзавидуются. Вставай рядом, будем портрет делать.

Легко сказать – портрет!

– Повернись лицом к луне и замри, – командовал Витя, а сам включил подсветку и чего-то подкрутил в фотоаппарате.

Безжалостный ветер выдувал последние мозги и пытался поколебать решимость незваной пришельцы, но ЧУМработница стояла как Родина-мать. На её лице застыла счастливая улыбка сумасшедшего, который наконец обрёл душевный покой и глобальную гармонию.

– Спасибо, хорошее моё! Никому тебя не отдам!

– Ну ладно, приходи ещё, посплетничаем, селфи сделаем. У меня, если что, Инстаграм есть, – ответило сияние и подмигнуло левым сполохом.

4 марта 2020 г.

Не уходи, побудь со мною

Ноябрь в ненецком календаре называют месяцем малой темноты. А пока темнота по-малому не превратилась в темноту побольшему, ЧУМработница наострила лыжи и отправилась на свидание с солнышком.

Помните кадр из фильма «Любовь и голуби», где главный герой вываливается в курортное Чёрное море напрямик из двери родного дома? Точно так же ЧУМработница надевает лыжи в квартире и, открыв подъезд, выкатывается в лес.

Обычно она выходит не с раннего утра, чтобы кто-то заботливый уже проложил по снежной целине лыжню.

Так и есть – навстречу идут первопроходцы, которые, как и мечтала ленивица, проторили заветные тропинки и возвращаются домой чаёвничать.

«Скандинавка» Наталья и лыжница со строгим именем Сталина отработали дневную норму шагов и бегов.

– Снега маловато, – сетует лыжница.

– Оделась жарковато, – улыбается краснощёкая «скандинавка».

Ну да, маловато, жарковато. Пока только по колено и минус 12.

Рядом малыш на снежокатке монотонно ноет: «Хочу на Печору! Хочу на Печору!» Там, на Печоре, конечно, раздолье, но лёд пока опасный для покатушек.

Когда ЧУМработница говорит про лес в тундре, она имеет в виду приличной высоты лиственницы и ели, совсем не карликовые берёзки и кустарники.

Лыжня проходит рядом с застывшей во льду Печорой. Не зря туда так рвался Дамир!

Вокруг такая невозможная красота, что ЧУМработница то и дело снимает перчатку, чтобы запечатлеть мгновение. Отогревает пальцы, пытается отстранённо шагать по лыжне, но

вновь не выдерживает и хватается за телефон.

Солнце наблюдает за странной путницей, что рваным пунктиром пробирается к нему на свидание, и думает: «Может, не уходить? Как она без меня, в темноте?»

ЧУМработница петляет по лыжне, без конца напевает и думает: «Может, ему понравится? Может, не уйдёт?»

2 ноября 2019 г.

Россия. Вологда. Белов

ПРОЗА

Очерк 1. Россия. Вологда. Белов

Под таким названием, коротким, но удивительно ёмким и значительным, вот уже шестой раз проходят Всероссийские Беловские чтения. Мне довелось побывать на них, выступив с докладом «Писатель из заполярной глубинки», о жизни и творчестве нашего земляка Алексея Степановича Коткина.

В самолете, летящем из Нарьян-Мара в Архангельск, моей соседкой оказалась жительница села Коткино. Вот это да! Повезло. Еще раз предоставляется возможность убедиться в житейской мудрости: ничего просто так в нашей жизни не происходит...

– А Вы его знали? – с надеждой спросила я.

– В деревне все друг друга знают, – убедительно заявила моя собеседница.

– Что же в нём было особенного, что отличало его от других?

Подумав, собеседница ответила:

– Да, он был не похож на нас, на деревенских. Я его никогда не видела одетым кое-как, неряшливо, безразлично. По деревне комфортней ходить в валенках с галошами, в телогрейке, в шапке-ушанке. А Алексей Степанович всегда в костюме, пусть без галстука, но в светлой рубашке, в ботинках. И дело даже не в этом. Мы уважали его и даже чуть-чуть побаивались. Это он доказал, что один наш односельчанин был незаслуженно забыт и добился того, чтобы его

Татьяна Окладникова

имя было увековечено.

И еще помнится, что в окнах его дома допоздна горела настольная лампа. Мы, ребята, пробегая мимо, с почтением думали: «Работает. Пишет».

Так вот, изучив творчество Алексея Коткина, я взяла на себя смелость отнести его к мощной плеяде писателей-деревенщиков. Посудите сами: Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Фёдор Абрамов, Василий Белов, – для всех них главное – это забота о русской деревне и яростная попытка сохранить её во что бы то ни стало. Хотя надо признаться: термин «деревенщики» Белов не любил и был недоволен, когда его относили к этому явлению в советской литературе. Писатель, публицист, поэт, художник, но только не «деревенщик».

Сегодня деревни пустеют, вымирают, исчезают с лица земли. Хотя, побывав в одном из поселений Вологодской области, пришла к выводу: это не совсем так. Пусть в другом виде, но деревни оживают: дома с удобствами, бани, бассейны, немногочисленные грядки, иногда улы. Правда всё это прикрыто высоченными заборами, «мой дом – моя крепость». Но тянется народ к природе, хоть и к той, что недалеко от больших городов.

День первый. Насыщенный

С железнодорожного вокзала – бегом на экскурсию «Литературная Вологда». Экскурсовод, как мне показалась, совсем юная, почти еще девочка с огромными умными глазами, умело и нестандартно ввела нас в большую, многогранную и богатую литературу Вологды. Её зычный убедительный голос заставлял нас безоговорочно поверить в величие и разнообразие художественного слова Вологодчины. А еще Нина, так звали нашего гида, спросила:

– Что представляет собой литература? Как вы её представляете? – Наивный вопрос, подумалось нам, но всё же с готовностью к диалогу, ответили:

– Проза, поэзия.

Ан, нет, этого оказывается мало.

– Бывает, что публицистика из-под талантливого пера превращается в настоящую литературу, – торжественно заявила собравшимся Нина-экскурсовод и продолжила: автографы талантливых людей – это тоже литература, да еще какая! Путеводители – это порой тоже литература, подчас высококлассная, а не просто росчерк пера, объясняющий особенности той или иной достопримечательности.

Вот так-то вот, никогда не знаешь, где тебя ожидает литературное открытие.

А еще под предводительством гида Нины мы восхищались Вологодой, её старинными особняками, внушительной историей. Из этой самой внушительной истории мы узнали, как местная газета в начале девятнадцатого века писала, что литература исчезает, что читающих людей всё меньше и меньше, книги за ненадобностью пылятся на полках. Скоро уже писателей станет больше, чем читателей. Так-то вот. Уж не двадцать ли первый век? А что? Та же картина равнодушия и безразличия к печатному слову. Но убеждена: русская литература никогда не умирала и не умолкала. Из дворянских усадеб она перебралась в деревенские избы. И читатель вместе с писателем становится другим.

Двадцать тысяч школьников участвовали в Беловских чтениях, две тысячи двести учеников писали диктант по произведениям Белова, пятьсот преподавателей были заняты в этом грандиозном событии – Беловское научное собрание.

Следующая остановка в насыщенной Беловской субботе – квартира-музей Василия Ивановича. На доме, где долгие годы жил писатель, – мемориальная доска. Дом, по-прежнему, как и в советское время, – привлекательное место для проживания. Добротный, надежный, популярный. В нём живет известная северная поэтесса Ольга Фокина.

Квартира Беловых – уникальный музей в жилом доме с реальной обстановкой, предметами быта, которые окружали писателя при жизни: огромная библиотека, старый патефон, полотна известных и не очень художников, кстати, и сам Белов тоже, бывало, брался за кисть. А что? «И швец, и жнец, и на дуде игрец».

В гостиной фортепиано, на нём музицировала дочь писателя. На полах ковры знакомой расцветки для нас, когда-то живущих при социализме. Отдельная комната для матери писателя, которую сын привозил из Тимонихи в Вологду зимовать. Регулярно отправлял любимой маменьке денежки на прянички, правда втайне от жены.

А сколько знаменитых людей здесь бывали...

Позже я встретила с Ольгой Сергеевной Беловой, женой писателя. Она приехала на Беловские чтения с дочерью. Встрепенулась при слове «Нарьян-Мар». Как оказалось, её отец в далёкие тридцатые годы руководил ненецким

комсомолом, был репрессирован. На глазах у пожилой женщины навернулись слезы... А я почувствовала неожиданное единение с этой светлой женщиной. Подумалось: можно не обладать никакими положительными качествами, особенными свойствами, а просто быть из определенного географического места, которое чудесным образом способно сразу сблизить людей, стать почти родными. «Я из Нарьян-Мара» – это и визитная карточка, и своеобразная реклама.

День второй. О том, как и что писать молодым авторам

Важное событие в многочисленных, ярких и незабываемых днях Беловских чтений – семинар молодых писателей и поэтов. Их учили творить. Непростое это дело, ох, непростое. Разделив всех заявившихся на две большие группы поэтов и прозаиков, организаторы начали настоящую порку. Разбирали каждое слово, фразу, абзац. Честно скажу, я бы вряд ли выдержала такой тщательный, дотошный, без прикрас и сюсюканья анализ или настоящую трёпку. Нужны молодые, здоровые, не тронутые жизненными невзгодами нервы, и твердая убежденность, ощущение «...всё еще впереди, всё еще впереди».

Что же мне запомнилось из тех замечаний, ремарок, советов, которые давались молодым прозаикам известными столпами и корифеями современной российской литературы?

С поверхности жизни ничего брать не надо, это и так всем всё видно и ясно, без каких-либо объяснений и художественного вмешательства. Писатель должен искать парадоксы, ставить проблему, помочь разобраться в окружающем мире, при этом убрать всё лишнее.

Любую сцену надо глубоко прорисовать, а не давать её небрежным штрихом.

Я, читатель, должен успеть полюбить героя, а я не успеваю: всё заканчивается раньше моей только что вспыхнувшей любви.

Читателя интересует конкретика. А у авторов порой написанное к прозе имеет очень отдалённое отношение. На листке бумаги ничего не происходит. Выдуманный материал выглядит как неумение писать, а писатель как человек, взявшийся не за своё дело.

Литература должна быть жизненной, правдивой, актуальной. Писатель должен постоянно записывать этюды из повседневной, казалось бы, однообразной и скучной жизни для того, чтобы позже, при необходимости, вклинить их в собственный текст, делая его ярче и разнообразнее.

Начинающим авторам необходимо писать о том, что сам хорошо знаешь и даже гораздо больше того, о чём пишешь, то есть «иметь за пазухой резервные знания». А для этого читать и перечитывать классиков мировой литерату-

ры, хороших современных авторов, при этом самому себе объясняя каждую деталь, каждую мысль, каждую проблему.

Порой у молодых, да и не только молодых писателей, задуман редкий, интересный, нестандартный сюжет, оригинальна идея, а осуществить задуманное не получается. Воплощение надуманное, искусственное, неестественное. Через силу, натуженно скрепя пером, пытаются завершить написанное, – ан нет, не получается. Закрутят, завертят сюжет, а что с этим делать, как довести сюжетную линию до логического завершения и не знают. Частенько всё обрывается внезапно, нелепо: что да как – попробуй понять и догадаться. Не удастся.

Когда же начинающему автору нечего сказать, необходимо напомнить ему замечательные слова Льва Николаевича Толстого: «Можешь не писать – не пиши».

Организаторы же семинара шутливо признаются: когда совсем не за что похвалить тех, кто прислал свои опусы, их напутствуют оптимистичной фразой: «Старик, ты не безнадежен, держай...».

Без Вологды нет России, без писателей-деревенщиков нет русской литературы, без Белова нет истинного мужика: умного, интересного, оригинального.

Ну, а моё выступление о жизни и творчестве Алексея Степановича Коткина прозвучало под занавес Беловских чтений. Думается, что творчество писателя из заполярной глубинки заинтересовало вологодских слушателей. Выступить на Беловском научном собрании почётно, борьба за русский ЛАД продолжается. И спасибо Вам, Василий Иванович, что собрал нас «под сенью дружных муз», организовал мощный литературный праздник, показал, что молодым есть с кого брать пример, есть у кого учиться.

Очерк 2. Каргопольское ожерелье

Так поэтично звучит название тура, о котором я мечтала многие годы. Поехать не удавалось. Наконец, одна из московских фирм собрала немногочисленных, но заинтересованных туристов, и поездка состоялась. Были среди нас и те, кто путешествует по этому маршруту уже не первый раз. Оно и понятно: север очаровывает, притягивает, манит своей естественностью, простотой, неброской красотой.

Я же торопилась побывать в Каргополе. И вот почему. Года три тому назад услышала по радио известие о том, что в Каргополе сгорела одна из старинных (семнадцатого века) деревянных церквей. «А вдруг не успею», – испугалась я, – и не выстоят, не вынесут снежных бурь, пронизывающих ветров, беспощадного огня часовни, «простота которых изысканна, а скромность – величественна». Читала, что Каргополь – душа Русского Севера. Может мне удастся понять эту самую душу и увидеть го-

род, в котором живёт северный дух.

Одно из самых часто звучащих слов в Каргополе – Лаче. «Туристическое бюро – Лачэ», гостиница – «Лачэ». Что за таинственное слово? Узнала. Каргополь стоит на реке Онеге, она берёт своё начало из озера Лаче. (В одних источниках на конце э, в других – е, а в-третьих – «Лачь озеро в Карго поле»). Так-то вот, поди – разберись.

Название Каргополя, вероятно, финского происхождения – «медвежья сторона», его считают наиболее верным и убедительным, несмотря на существование множества других версий.

Официальная дата рождения Каргополя – 1146 год. Представить сложно: как же далеко от 2019! Но молодцы наши предки: место выбрали удачно и мудро, сам «старик Державин» был губернатором Каргополя, несмотря на это история города темна и запутанна.

«Град славный Каргополь», – так величали город в старину. Иван Грозный включил его в число главных городов России.

Но уже в девятнадцатом веке Каргополь – глухой северный городок, настоящий «медвежий угол». Только громады белокаменных храмов напоминали о славном величии этого края.

В начале двадцатого века в Каргополье было двадцать две каменных и деревянных церквей, два монастыря, а проживало всего около трёх тысяч человек.

А сегодня центр города – Соборная площадь – объединила четыре века, создав неповторимый, величественный архитектурный ансамбль. Он состоит из колокольни и нескольких храмов, главный из которых Собор Рождества Христова (шестнадцатый век).

Понятно, что в советские времена такую красоту демонстрировать было ну никак нельзя. «Бога-то нет!» Вот и прикрыли храмы зеленью, посадив огромное количество деревьев, чтобы красота неземная не мусолила глаза атеистам. Поэтому и не взорвали, не стёрли с лица земли великолепные святыни каменного зодчества с их монументальностью, простотой и выразительностью.

Александр Андреевич Баранов

Интереснейшая личность – этот каргополец Баранов Александр Андреевич (1746-1819). Как написано в Поморской энциклопедии: «...занимался торговыми операциями в Москве, Петербурге, Иркутске». Кроме того, управляя российско-американской компанией, основал столицу Русской Америки город Новоархангельск (сейчас г. Ситка, США). Считался первым и главным правителем российских колоний в Северной Америке. Его имя навечно вписано в историю России и США.

Прибыв в 1791 году на остров Кадьяк, «архангельский мужик», точнее «гражданин Каргополя купеческого звания», тут же начал

кипучую деятельность по расширению владений компании: занял новые места на американском материке в Кенайском и Чукотском заливах, основал поселение якутов в Беринговом заливе, вёл обширную торговлю с Калифорнией, Сандвичевыми островами, с Нью-Йорком. Прав был ещё один знаменитый наш земляк, сказав, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

Именем Баранова названы несколько точек на земном шаре.

В 1818 году Александр Баранов вышел в отставку и, возвращаясь в Россию, умер на корабле; по морскому обычаю похоронен в море.

Кстати, любопытная мирная страница в истории взаимоотношений России и Америки. Никаких тебе санкций, перезагрузок и обвинений в помощи Трампу.

Интересно бывать в неизведанных местах, особенно в тех, о которых долго мечтал. А ещё интересней знакомиться с людьми, которые славили свой край, свою малую родину.

В Нарьян-Маре нет набережной, но появилась смотровая площадка. Отрадно. Думается, всем нарьянмарцам хотелось бы чинно-важно прогуливаться вдоль наших многочисленных водоёмов (шары, курьи, речушки и, наконец, красавица – Печора).

Вода обладает завораживающей очистительной силой, которой можно бесконечно любоваться.

Так вот в маленьком городке Каргополе набережная вдоль Онеги есть, и не безликая улица, а имени Александра Андреевича Баранова.

Каргопольская глиняная игрушка

«Взять несколько капель клея ПВА, добавить гуашь и разукрасить кота», – так написано в моей записной книжке на страницах, посвящённых Каргополю.

Кот из мягкой, как пластилин, глины так и стоит на полке, не покрытый краской, да и не кот вовсе: то ли собака, то ли лиса, то ли ещё какая неизведанная зверюшка. Лепка – дело весёлое. Слепил – себя потешил. У кого что получится. Неумелые у меня руки, но я всё-таки попыталась приобщиться к знаменитому и прекрасному рукоделию – к созданию каргопольской игрушки.

Побывала в домике-музее у знаменитой мастерицы Ульяны Ивановны Бабкиной (1888-1977).

Бабушка Ульяна – человек самобытный, неординарный. Жила она в маленькой деревеньке Гринево, в покосившейся избёнке, которую окружали неширокие поля да невзрачные леса. Зато в домике у Ульяны – сказочный мир игрушек, добрый смех, полезный иван-чай с необыкновенно вкусными северными калитками.

Сама бабушка Ульяна, известная на всю страну народная умелица, была маленькой, сухонькой, с лицом, как печёное яблоко.

Есть такая каргопольская игрушка «Полкан», создала её Ульяна Ивановна. На первый взгляд – бородатый кентавр. Ан нет. Вовсе и не кентавр, а бородатый богатырь Полкан, которого выдумала бабушка Ульяна. Прожила всю свою жизнь Ульяна Ивановна в сказочном мире среди своих героев, лепила игрушки на радость людям. А ещё оставила после себя несметное богатство – добрую память, которая воплотилась в пёстрой галерее каргопольской игрушки.

Сберёт Северный край не только глиняную игрушку в бесхитростных сказочных фигурках, сберёт он и шедевры древнерусского деревянного зодчества, встречающиеся туристам на всём Каргополе.

В программе тура значилось: «Знакомство с ансамблем деревянного зодчества 17-18 веков в селе Саунино («небеса» в церкви Иоанна Златоуста); посещение старейшей на Севере деревянной Сретено-Михайловской церкви (1655 г.); остановка в Лядинах (осмотр Богоявленской церкви; музей «Лядинские узоры»); посещение сёл Лёкшмозеро и Масельгу (водораздел между Северным Ледовитым и Атлантическим океанами); посещение деревянной (1871 г.) церкви Александра Свирского на Хижгоре». Всё это мы посетили в последний день пребывания в Каргополе на пути в Кенозерский парк.

Кенозерский национальный парк

Образован в 1991 году. Как и ты, уважаемый читатель, слышана об этом заповедном месте, но побывать не удавалось. Честно признаюсь, что не ожидала, приехав в Каргополь, побывать ещё и в Кенозерье, которое расположено на территории Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области.

Тысячу лет назад предприимчивые и дерзкие новгородцы шли на Север водными путями, сокращая до минимума сухопутную часть – волок. В тринадцатом веке сюда потянулись жители Ростово-Суздальской, Владимирской земель. И к семнадцатому веку сформировался облик Кенозёра.

Кенозёр – человек свободный, никогда не знавший крепостного права, создавший уникальную культуру, по-хозяйски, осторожно и с любовью относящийся к окружающему его миру. Оставил он в наследство никем не потревоженную, вековую, изначальную Русь с её самобытным духом и укладом жизни.

О мировоззрении кенозерцев сказано: «Верность старине и вера в чудесное». Так вот, в Кенозерском парке старина на каждом углу: лешие, водяные, русалки, домовые, баенные (хозяйева бань), передаваемые из уст в уста былины, точнее старины, так их называют на Русском Севере.

Самая же главная ценность северного края – часовни. Подходишь к любой из них и воз-

никает необыкновенное чувство: скромное деревянное сооружение, устремлённое ввысь, в бесконечность; дух старины, который накрывает тебя с головы до ног; и полнейшее удовлетворение. «Я это сделала: побывала на Каргопольской земле и всё увидела своими глазами».

Побывал в Кенозерье и потомок Льва Толстого – Владимир Толстой, оставив запись в

книге отзывов: «Здесь мне было очень хорошо и хочется вернуться».

Приезжай в Каргополь и ты, уважаемый читатель. Попробуешь скатать сувенирный валежок, сплести берестяную тесёмку, помять своими руками глину, отведать свежий рыбник, запивая его овсяным киселем и... прикоснуться к истинной старине. Не пожалеешь.

ПРОЗА

Алтайский «Нео-Лит». В столице Алтайского края

Алтайский «Нео-Лит» В столице Алтайского края

Две бессонные ночи позади, ранним утром (+4 часа по сравнению с Москвой) в аэропорту Барнаула я ступила на алтайскую землю. Несколько рейсов разом (из Москвы, Санкт-Петербурга и Калининграда) встречают Анна Самойлова и её супруг. Вот наконец собрались все. Сергей садится за руль своего автобуса, и мы направляемся в гостеприимный дом Самойловых. Писатель Мария Семёнова приехала накануне поездом. Представляемся, я – не только как редактор и эссеист, но и автор «Печорского травника», который дарю Анне вместе с нарьянмарскими гостинцами.

Мария Васильевна Семёнова – автор знаменитого «Волкодава», «Братёв», цикла романов и повестей о викингах и славянах времен Рюрика. Талант, мощная широкая натура, оптимизм воодушевили её к созданию целого мира в книгах, их герои показывают, какими должны быть настоящие люди: храбрыми, великодушными, настойчивыми, упрямыми, защищающими жизнь вопреки всем бедам. Сама она такая же, энергии ей не занимать!

Пока Анна накрывает на стол, хозяин отправляется в сад: снимает для угощения роскошные гроздья винограда двух сортов, зрелые яблоки. Светит сентябрьское солнышко. В вольере нетерпеливо прыгают две русские гончие. Щенок Раскат будет нас сопровождать в автотуре по

Любовь Царькова

Горному Алтаю с радиоошейником.

Море впечатлений: харизматичные мастера слова, знакомство с семинаристами, древности музея Алтайского государственного университета, встреча Марии Семёновой со студентами... Приём у величайшего (по моему глубокому убеждению) писателя современности Бэда Кристиана (https://author.today/u/bed_kristian/works).

В тот же день вместе с присоединившимися литераторами из Барнаула, Москвы, Красноярска, Новосибирска, Кемерово отправляемся на турбазу «Сокол». В конце пути переезжаем мост через фантастически бирюзовую Катунь, воистину – одну из священных рек мира. Волшебное зрелище!

Литературное событие в Горном Алтае

Первый литературный семинар «Алтай. Нео-Лит» – пять дней с мастерами слова: Мария Семёнова, Катя Матюшкина (Санкт-Петербург) и – дистанционно – Дмитрий Емец. Организатор – Анна Самойлова, директор литературного агентства «Нео-Лит», руководитель студий и автор методики, педагог и психолог по образованию, поэт и прозаик, член Союза писателей России.

Справка: ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО «Нео-Лит» (https://vk.com/agentstvo_neo_lit) оказывает авторам услуги по студийному и индивидуальному обучению, консультации, редактуры, подготовке к печати и помощь в издании книг, подготовке участия в литературных конкурсах, а также в продвижении талантливых авторов. На занятиях используется авторская методика.

Итак, семинар в урочище Усть-Уба, предгорьях Алтая. 8 романов, 2 повести и 19 рассказов... При обсуждении творчества автора высказывался каждый из присутствующих – посолонь, потом – мастера, Анна Самойлова и сам автор – в соответствии с принципами литературного агентства «Нео-Лит»: беспощадная дружба, бережное отношение друг к другу (не

переписывать за автора), мозговой штурм (собща видно, как улучшить произведение).

Автор принимает или не принимает услышанное – это его право. Получили уроки мастерства от топовых писателей-фантастов. Такого подробного профессионального разбора произведений мне не доводилось слышать нигде и никогда.

Специальный приз от литературного агентства «Нео-Лит» у креативнейших Анастасии Баталовой и Жозе Дале. Их рассказы в ноябре 2019 г. увидели свет в барнаульском журнале «Фантастическая среда». Сертификаты получили шесть человек: Жозе Дале, Анастасия Баталова, Евгения Чернова-Гармс, Надежда Мицкевичюте, Татьяна Блейза и Наталья Гриневич.

Бонусом лично мне (обитали в одном кедровом домике) стало знакомство с талантливейшей барнаульской писательницей, поэтессой и художником Юлией Нифонтовой. Как и я, она была на семинаре вольнослушателем. Оригинальный глубокий ум, яркая индивидуальность, обаяние, интерес к прогрессивным тенденциям – качества Юлии Анатольевны (<https://www.litres.ru/uliya-anatolevna-nifontova/>).

«Сокол»

Достопримечательности усадьбы: несравнимый воздух – аромат свежего луга; пасека, плодовые деревья, огороды и хозяйство: козы и прочая живность; два скифских кургана (один нетронутый); домики, в том числе из кедровой сосны, драпированные до крыши плющом. В ближайших окрестностях: пещера отшельника, река Катунь... 20 км велодорожка вдоль шоссе и пр.; парк каменных лабиринтов. Лабиринты здесь – как на Заяцком острове (Соловки). Каждый настроен на определённую чакру: мужские, женские, есть лабиринт творчества. Анна Самойлова с энергией и энтузиазмом провела нас по всем пяти, научила – что делать и что думать в процессе. При выходе из каждого лабиринта касаемся затворного камня... Дорога вверх от лабиринтов идёт на обзорную площадку, там летают соколы. Сокол – амулет скифов. В Инстаграмме есть и наши фото (<https://www.instagram.com/usadbasokol/?igshid=1d8zz6jvb7fvt>).

Афористичные высказывания на семинаре

Пока автор не напишет свою первую тысячу страниц текста, он не будет готов к настоящей работе. Поэтому «пишите, пишите, пишите», не переживая о судьбе уже созданных вами ранее произведений. Оттачивайте мастерство.

Мария Семёнова: «учите матчасть». Писатели – это люди, которые должны глубоко знать все о мире, о котором они пишут. Изучите его, прежде чем начнете придумывать роман и уж, тем более, писать. Или пишите о том, что уже хорошо знаете. Магический реализм этого

тоже требует.

От фраз с одинаковой ритмикой возникает транс.

Длинная фраза – всё происходит медленно. Короткая – быстро.

Цели у героя должны быть с препятствиями.

У героя должен быть антагонист – враг, социум или группа в социуме, природа.

У читателя должна появиться привязанность к герою.

У героя должна быть какая-то слабость. Кульминация происходит там, где героя держат за его слабость.

После поворотного события герой переосмысливает свои ценности. Персонажи могут менять цели.

Поэтапное развитие действия. В начало можно вносить элементы будущего, готовить экспозицию, делать намёки.

Заинтересовать читателя и поддерживать заинтересованность.

Художественная краска – из деталей, из передачи ощущений. Пересказ – краткое изложение событий – это не затрагивает читателя.

Читатель хочет войти в созданный автором мир, найти в нём уют или то, чего у него нет. Привязать читателя можно логически или эмоционально. Важны атмосфера, детали, исторически достоверный язык.

Способы зацепить читателя: конфликт; герой (у него должна быть цель и препятствия). Люди поступают, исходя не из характера, а из ситуации.

Со смертью героя мир может закрыться. До смерти персонажа создаётся мощная интрига, вводят новых героев.

Фокальный персонаж – то лицо, глазами которого смотрит автор (и то, которым будет смотреть читатель).

У героя есть союзный персонаж (сильный или слабый).

Экспозиция – конфликт – кульминация – разрешение (развязка – финал). Ради финала пишется произведение. Концовка может быть открытая.

Идея произведения. Композиция, язык, стиль. Фабула – как выстраивается сюжет.

Локальный экстремум каждой главы. Каждая часть повести должна быть как законченное произведение.

Синдром замыленного глаза: редакторского, читательского.

Автотур по Республике Алтай или 13 человек, не считая Раската

«...неолит – это финальный период каменного века. Оказалось, термин имеет в том числе литературные корни. Именно поэтому писатели со всей страны устроили семинар на Алтае, совместив камни и литературу в одном томе»

(Ирина Коткина, блог «ЧУМотека», 10 ноября 2019 года).

Половина литераторов уехала в Барнаул. Мы отправились на юго-восток – всё выше и выше в горы. С нами писатели – Катя Матюшкина и Мария Семёнова. Атмосфера, созданная в этой поездке Анной Самойловой и её супругом Сергеем Самойловым (проводник, альпинист, водитель автобуса по горным дорогам и наш капитан), – просто потрясающая – интенсив в двойной и тройной степени. Столько всего повидали и услышали – ведь наши ясаеи превосходно знают Горный Алтай! Проехали более тысячи километров...

По Чуйскому тракту – остановки на Семином перевале, на Чике-Таман и месте слияния Катунь и Чуи), обед в этнографической деревне Чуй-Оозы: дома с традиционными плоскими крышами (осадки здесь редки), айлы; экскурсия к петроглифам в урочище Калбак-Таш.

К вечеру добираемся до турбазы «Чуйские Альпы» между селами Курай и Кызыл-Таш. По горизонту – альпийский рельеф: грандиозные ледники Северо-Чуйского и южные склоны Курайского хребтов более 3900 м высотой. Отроги Северо-Чуйского хребта и называют Чуйские Альпы.

А у хозяина турбазы (<http://www.turistka.ru/altai/info.php?ob=1728>) алтайца-теленгита Леонида зацвели настоящие розы! Рядом со стелющимся по каменистому грунту священным алтайским можжевельником-арчином! Контрастом суровой земле – цветы, цветы: бархатцы в горшках, петунии... Креативное оформление: между домиков – альпийские горки, живописные стволы старых деревьев без коры, похожих на виданных и невиданных зверей... То ли два больших обкатанных белых камня, то ли окаменелые яйца динозавра...

Сколько интересного показал нам Леонид: камень Рериха с древним солярным знаком на обратной стороне и солончаком поблизости – по ночам к нему приходят дикие звери, а охотники поставили тут скородок; легендарные скалы и водопад на реке Чуя, младшей сестры Катунь; менгиры у древнего кургана в Курайской степи; дикий крыжовник среди камней, покрытых пёстрыми накипными лишайниками... Дикий лук на высокогорье – луковицы у него, как у обычного «репки», их собирают и хранят хоть в сарае на морозе; оттаёт – будет крепкий и свежий, словно только выкопали.

На ночь топили дровами печи в своих домиках на «Чуйских Альпах». Просторная кухня-столовая с плитой и горячей водой из «котелка» расположена в отдельном строении. Вода из артезианской скважины. Попарились в баньке (их две, как и кухни). Можно жить в домах с печками и в настоящих аилах.

Сайт «Чуйских Альп» сообщает: «С территории турбазы очень удобно начинать автоэкскурсии, автозаброски на альплагерь Актру (Ак-тру), Маашей (Мажой), Старый Бельгир (Софийский и Талдуриинский ледники), Елангаш, Джумалинский (тёплый ключ), Джаззат-Аргут, Чуйская степь, знаменитое плато Укок»...

Небольшой отряд самых выносливых литераторов отправился с Сергеем Самойловым по крутому подъёму и скалам к одному из Куектанарских озёр у подножия горы Куектанар. Живописнейшее озеро окружено курумниками, тайгой и субальпийскими лугами, где уже лёг снег. Вообще-то, летом это конный маршрут, дорога не близкая, более 12 км, вверху – ещё целый каскад озёр.

Понравилось, как Марина Сычова написала о путешествии (из Кемерово ей, понятное дело, виднее, ведь Анна Самойлова регулярно публиковала в соцсетях посты о нашем продвижении, а на Интернет в регионе не жалуются): «Места легендарные. Скифы, алтайцы, Рерих. Петроглифы на древних камнях, табуны арабских скакунов, бирюзовые воды рек и озёр, снежные вершины и зеленые долины в обрамлении лиственничных лесов, уже золотых в сентябре. Курганы царей и каменные «бабы», горловые песни сказителей и айлы шаманов. Все это было в продолжении семинара, для тех, кто поехал в девятидневный автотур в самое сердце алтайских гор. А ещё были восхождения к водопадам и озерам, крутой серпантин, приготовление завтраков и ужинов на походной плитке, мытье посуды в ледяных струях голубых речек, песни под гитару у костра и рассказы об истории и современной жизни коренных алтайцев».

Марсианские ландшафты Кызыл-Чина (Марс) впечатляют. Вообще-то алтайские пенеплены – нагорья, сформированные на месте древних гор, – впоследствии опять прорезало реками при втором поднятии и горообразовании. А когда сомкнулись алтайские ледники, внутри долин в древних озерных бассейнах откладывались красноватые пески и глины. С таянием «плотин» вода ушла, а на Кызыл-Чине образовался поистине марсианский пейзаж – хоть кино снимать...

Дальше – выше, абсолютные отметки более 2000 м... Ночуем на спартанских турбазах (но с печным отоплением домиков), умываемся водой из горных водопадов, по утрам варим кашу...

Мария Семёнова иногда баловала нас – играла на гусях и пела. А ещё гусями лечат – кладут их на спину и перебирают струны. Коекому из семинаристов довелось испытать эти непередаваемые ощущения!

Посетили Гейзеровое озеро ещё более интенсивного бирюзового цвета, чем сама Катунь. Шли к нему довольно долго по настоящей гати из сосновых бревен, проложенной через болото. На подходе к Гейзеровому озеру – тропинка среди громадных елей и сказочная атмосфера: избушка-на-курьюх ножках, Баба-Яга, Змей-Горыныч...

От Акташа свернули с Чуйского тракта на северо-восток, вот и скальные Красные ворота.

Движемся в сторону Улагана – к Чулышману.

По пути обозрели немало достопримечательностей. Курганов по пути встречалось множество, их легко узнать по округлой груде камней... Отличаются от современных жертвенников для разных ритуалов, куда алтайцы приезжают на праздники, свадьбы, отправляясь решать важные дела...

Там, где телефоны не ловят

Самым захватывающим приключением стал перевал Кату-Ярык. Обзор со смотровой площадки головокружительный, внизу – глубокая (800 м) долина реки Чулышман. Самый крутой вид на Алтае. Повсюду пирамидки из камней – хэкуры; кустарники с лентами белого цвета, в честь Неба (допускается голубой и зелёный).

Пешком по серпантину (3,5 км) спустились (на три дня) в долину Чулышмана. Сергей на автобусе с прицепом уже внизу. Спрашивает: «Змею в начале дороги видели?»

Мы: «Гадюка с прищемленным хвостом уползла в траву за обочину».

Доехали до турбазы «Каменные грибы» у Чулышмана, спешащего по порогам в Телецкое озеро (по некоторым параметрам озеро сопоставимо с Байкалом).

Наутро – переправа на моторной лодке через реку и нелёгкий подъём к Каменным грибам (больше туда не пошла бы – судьбу не ищут дважды); после обеда – к Шаманскому камню (сейд – громадный обломок кристаллического сланца неведомо как поставлен на маленькие камни). Бонусом – сбор дикой облепихи в обширных зарослях на берегу реки; получился вкуснейший компот. Поздно вечером слушаем в алтайском аиле с костром в центре горловое пение кайчи с пожеланиями благ напоследок. Ох, что бы с нами стало через день-два без этих благопожеланий...

С утра откочевали к началу «тягуна» серпантин Кату-Ярык, на здешнюю турбазу.

Как сказал незабвенный ненецкий поэт Алексей Пичков: «Где проеду – на сердце отмечу, где прилягу – место обживу»...

После обеда – плывём через Чулышман на весельной лодке, привязанной к канату наверху, и – поход по горной тропе до водопада Куркуре, 8 км туда и обратно.

По пути пришлось уступать узкую тропу лошадям (справа – обрыв с курумником и пороги Чулышмана, слева – высокий массив метаморфических горных пород с отвалами по склонам). Щенок Раскат побежал за жеребцами и получил копытом, но не сильно – отлежался и с тех пор научился правильному обращению с крупными домашними животными.

Кстати, лошади, коровы, козы и овцы в Республике Алтай повсюду на свободном выпасе – щиплют короткую травку (сено по традиции на зиму алтайцы не заготавливают), домой приходят к вечеру и с утра сами пасутся, где хотят. Особенно понравились чистенькие кроткие коровы симментальской (швейцарской) породы – ярко-коричневого цвета, живот, голени и голо-

ва у них белые, вокруг глаз светло-коричневые круги.

Почти возле каждого дома в посёлках имеется аил – деревянное строение с округлой крышей-куполом – традиционное жильё алтайцев. Обогревается аил костром в центре, где на круглой металлической подставке находится котёл, в котором готовится пицца. Дым выходит через отверстия под куполом (напоминает макодан ненецкого чума). Вдоль стен располагаются скамейки, сундуки, шкафы, полки с различной утварью. Иногда встречаются аилы в форме чума, даже крытые корой. А сено сейчас некоторые завозят издалека, но прячут от животных до поры.

Водопад Куркуре чудный – 25 м высотой. Кроме шума массы воды, воздух насыщен взвесью – словно туман вдыхаешь... Наша молодёжь с Сергеем Самойловым решила залезть вверх по скалам. Получилось.

В реках тут водятся сиг, хариус – по берегу Чулышмана видели рыбаков.

Полубовавшись громадой воды и порогами на Куркуре, впадающей в Чулышман, я устроилась на мхах под кустом акации. Потом побродила, набрала засохших эдельвейсов и каменных роз (молодило горное) – любопытное растение-суккулент в трещинах на камнях, не боится длительной жажды и открытого солнца. Способно выдерживать зимы со среднесуточной температурой до -30о С.

Горы тут – в основном метаморфизованные сланцы, которые по склонам часто раскалываются на прямоугольные блоки. Обратились уже в сумерках. Кстати, Сергей научил правилу: в нелёгком походе допустимы передышки не более 5 минут. И ещё – в горах гораздо легче передвигаться с палками для «скандинавской ходьбы» (дополнительная опора).

Запасы домой (заполярная школа!) начались с первых дней: ещё на «Соколе» засушила три вида полыни и горного чабреца; гроздь калины в пластиковом контейнере, как и чулышманская облепиха, проехали весь путь по Республике Алтай и дальше в Барнаул, а потом через Москву в Нарьян-Мар...

О том, как мы выбрались из долины (автобус с прицепом планировалось тащить вверх на тракторе) и очередных днях автотура поведала, с присущим ей юмором, талантливая писательница Анна Самойлова.

Вообще-то на Горном Алтае количество ясных солнечных дней сопоставимо с лучшими курортами Кавказа и Крыма (около 255-260). Но по прогнозу в тот день с утра предполагался дождь (тогда по серпантину вообще не проехать никакому транспорту). А у нас – билеты на самолёты через несколько дней... да и продукты на исходе.

Но с утра дождь не пошёл...

Анна Самойлова: «Попробовать медвежатину очень просто. Нужно оказаться в нужном месте, в нужное время, рядом с нужными людьми. Но и этого мало – нужен ещё секретный ингредиент.

Поэтому всё по порядку.

Поняв, что трактора не будет, мы начали пешком подниматься на перевал Кату-Ярык, оставив наш автобус с водителем внизу серпантина – ждать подходящую попутку. Без всякой надежды дожидаться. Потому что местные мужики ушли в тайгу заготавливать для туристов кедровые шишки (об этом я подробно писала в предыдущем посте).

Но мы понравились духам гор, поэтому машина для нас нашлась, и наш автобус вытянули на перевал. К тому времени весь народ так или иначе добрался до верха.

Погрузились мы в автобус и поехали в цивилизацию – где есть душ и унитазы – на турбазу «Уч-Энмек». Это особо охраняемая природная территория Республики Алтай. Но медведь, которого мы ели, не отсюда. Он из Республики Марий Эл.

Просто на турбазе «Уч-Энмек» отдохали два замечательных мужчины – Андрей и Владимир. Узнав, что с нами их кумир – Мария Васильевна Семёнова, они тут же поставили на стол самое ценное, что у них было. Медвежатина здорово дополнила суп с шампиньонами, приготовленный лично Катей Матюшкиной.

Так и хочется написать: «Рецепт супа с шампиньонами: берём Катю Матюшкину...» (Катя – топовый детский писатель).

Но я собиралась писать не об этом. Вернёмся к нашему внезапному омлету. Это блюдо для завтрака... А подготовка начинается сразу после ужина!

Для того, чтобы поджарить внезапный омлет, нужно недоеденный с вечера грибной суп поставить в холодильник, а сверху на кастрюлю положить контейнер с яйцами, обязательно, и это очень важно, в состоянии неустойчивого равновесия. Утром нужно распахнуть холодильник и дёрнуть на себя кастрюлю. А потом одной рукой ловить контейнер с яйцами, а второй – пытаться удержать кастрюлю с супом, чтобы не расплескался. Потому что суп: а) очень вкусный, б) его приготовила сама Катя Матюшкина!

В тот момент, когда суп попытается выплеснуться, нужно переключить внимание на кастрюлю, а яйца ловить уже ногой. Те яйца, которые упали на пол, отправить в мусорку, а те, которые разбились в пакете (да-да, мы и пакет предусмотрели!) использовать для омлета! Между прочим, очень вкусно! А разве может быть иначе, когда столько души вложено в его приготовление?»

По пути в славный Чемал, один из центров туризма на Алтае, заглянули в цех продукции из мяса марала, потом была экскурсия по Горно-алтайскому ботаническому саду, побывали и в здешнем аиле-музее. Удивителен микроклимат компактного межгорья, укрытого горными вершинами и сосновым лесом. Тепло, как в оранжерее. Живописные площадки растительных сообществ из разных стран (и альпийские, естественно), сколько цветов – несмотря на конец сентября... Набрали спелых груш. Купили лекарственных трав.

Алтайские травы – чудо. Удалось приобрести настоящий саган-дайля (Белое Крыло) – растение рода рододендронов (лат. *Rhododendron Adamsii*) – природный энергетик (обладает общеукрепляющим, стимулирующим и другими свойствами). Тонкий аромат у сушеных веточек – одновременно и фруктовый, и цветочный. Именно он привлек моё внимание, когда рассматривали сувениры и сушеные травы на обратном пути через Семинский перевал.

– Что это?

– Саган-дайля. Два листика на стакан воды, не больше, прошу запомнить.

Потом я посмотрела в Интернете: свойства натурального адаптогена саган-дайля многогранны, но необходимо точное соблюдение рецептуры.

Интересен бадан толстолистный (*Bergenia crassifolia*) – применяются сухие прошлогодние почерневшие листья (для укрепления стенок сосудов и др.)

По ходу, заехали на старый Чуйский тракт, участок которого оставлен как памятник (там по обочине от осеннего тепла зацвели кусты маральника!)

Итак, Чемал (который мне безумно понравился), дом-«терем» гостеприимной Татьяны. В очередной солнечный день золотой осени – по плану: долина духов Че-Чкыш (скалы из известково-кремнистых пород) с небольшим живописным водопадом, Чемальская ГЭС, козья тропа над Катунью, подвесной мост и благолепная деревянная церковь на алтайском острове Патмос...

И сосны, сосны... Горный хвойный воздух целебен и практически стерилен, концентрация отрицательных аэроионов, мобилизующих иммунную систему, в нём во много раз больше, чем даже в лесу на равнине, что издавна используется для оздоровления. Климат на редкость благоприятный: не было ни головных болей, ни слёз из глаз... и в сон не клонило. Дни казались не то, чтобы долгими-долгими... – что было утром, ощущалось прошедшим давно.

Прощальный вечер с шашлыками... Грустно, ведь расставание приближается...

«Гений судьбу не выбирает, /Он сам страдает, и все вокруг страдают...», – звучит гимн семинара «Алтай. Нео-Лит» ...

Впереди – несколько солнечных дней в Барнауле (по музеям в компании с Бэдом Кристианом). Барнаульский ленточный бор, самый большой по протяжённости (550 километров) в степной Западной Сибири, увидеть так и не довелось; а вот в фирменном магазине уникального «Малавита» на алтайских травах и ионизированной воде – обзавелась дисконтной картой.

Что пропустила? Да, муксун. Рыба такая водится в Оби. В первый раз довелось попробовать деликатес в низовье великой реки, в Салехарде, и услышать: «Как же вы живёте без муксуна?» Действительно – как?.. Вкуснейшая рыба семейства лососевых обитает в Обь-Иртышском бассейне, опреснённых заливах Северного Ледовитого океана, Приморье... А вот в европейских реках муксун не водится.

Долгий перелёт. ...Холод и ветер в Москве (но с тёплой встречей с писателем Марией Кравченко). Возвращение в родной Нарьян-Мар.

Алтай греет душу и не отпускает до сих пор...

Каменная роза зеленеет в горшочке... Аромат заполярного ферментированного иван-чая с саган-дайля...

Образцы горных пород с Алтая на память... Книги Марии Семёновой на столе...

Даже почерк изменился. И стал более философский взгляд на явления и вещи.

Потому что:

«Атай, Алатау, Алатырь-камень (священный камень, пуп земли, содержащий сакральные письмена и наделяемый целебными свойствами – часто упоминается в русских заговорах), алтарь... В стихе Голубиной книги алатырь ассоциируется с алтарём».

«Алтарь, -я, м. 1. Место для жертвоприношений у первобытных народов; жертвенник. 2. Восточная часть церкви, где находится престол, отделенная от общего помещения иконостасом».

Алтай – по-китайски и монгольски: Золотая гора (Алтаун оола).

(Из Сети)

Да, генетики выяснили, что индейцы в незапамятные времена вышли с Алтая. Самодийцы (ставшие в Заполярье ненцами, когда ассимилировали чудь), как считают историки, – тоже пришли с Алтая, но много позднее. Интересно, что до сих пор у индейцев и ненцев одинаковый способ плетения аркана-лассо. Чум и вигвам похожи по своей форме.

Постскриптум

Анна Самойлова: «Для тех, кто хотел присутствовать на семинаре и не смог, есть приятная новость – на следующий год семинар повторится. Такое интересное начинание должно стать традицией».

Поедем?

06.11.2019

небесам, словно собирался вызвать забытых богов. Ефим видел, как это делали сектанты в магосферском квесте «Спящая угроза».

– Кто из вас летал среди небоскрёбов на тазике?

Дядя Альберт фыркнул.

– Неделю без сладкого, – сказал папа.

Войдя в комнату, мальчик показал язык своему отражению в зеркале. Теперь уже нечего терять!

– Папа, скажи, песок может улететь в космос?

Отец резко бухнул на стол какую-то кухонную утварь, так, что зазвенело.

– Ну всё, сынок...

Мальчик понял, терять есть что. Выражение папиного лица как бы намекало.

Ефим улыбался. Ефим изредка хихикал. Ефим кутался в мягкое одеяло.

Приглушённые голоса, раздававшиеся на кухне, мешали тишине проложить дорогу ко сну.

Быстрое движение тонкой руки, и спальня окрасилась зелёным цветом.

«Зелёный ночник захватывает комнату», – подумал мальчишка.

Накинув пуховое одеяло, он тихонечко открыл дверь.

Голоса стали яснее и громче.

Сделал шаг, подтягивая одеяло выше колен, чтобы не запутаться.

Слова складывались в фразы, словно искры в пламя.

Ефим открыл встроенный шкаф у кухонных дверей, устроился в нём и стал слушать.

– ...критиковать, но несколько воспитательных ошибок ты совершил.

– Ладно, побори своё нехотение и покритикуй.

– Во-первых, перестань злоупотреблять альтернативным вопросом без выбора, твой уже понял суть и отзеркаливает.

– Подожди, альтернативный вопрос без выбора, это?.. – раздался весёлый голос Варцова.

– Когда Никита спросил своего киндера, предпочтёт тот онлайн-игрушку или возиться с «лего».

– Так выбор же есть, – Варцов явно недоумевал.

– Выбора нет! Ник, ты ведь хотел убрать ребёнка в его комнату, чтобы мы спокойно посидели? Так?

– Конечно.

– Вот, улавливаешь? Он думает, выбирает, верит, что решает сам, но в обоих случаях получается, как надо тебе. Поэтому вопрос без выбора.

– Ха-ха, ну политика прям, выборы без выбора! – голос Варцова зазвенел искренней радостью.

– Да, похоже, только вот парень у Ника ра-

стёт с мозгами. Он уже раскусил подвох, неслучайно ответил также сформированным вопросом. Короче, фича не работает, перестань её юзать, иначе будет хуже – манипуляторов не любят даже родные дети.

– Ты это, не сгущай, – тяжело прозвучал голос папы. На некоторое время повисла тишина.

«Я умный», – подумал мальчик.

– Так если не сгущать, ты мои слова пропустишь мимо ушей.

– Да неужели.

– А то! Ладно, что там «во-вторых»?

– С корабля и сразу всех поучать.

Это говорил Варцов, мальчик хорошо представил этого крепкого дядю, развалившегося в кресле и жестикулирующего рукой, сжимающей рюмку или банку пива, или вилку с насаженным куском пищи.

Ефим вдохнул. Варцова папа всегда слушает, если папа злится, то Варцов спокойно говорит: «Мы-то совсем не такими были» и усмехается. Папа тогда хмыкает и добреет. Приди Варцов пораньше, прятаться в коридоре не пришлось бы.

Наверное.

Ефим вздохнул.

Папа поднял руку на «Магосферу»! Так и сказал: «Раз ты не понимаешь по-хорошему, будем по-плохому. Сейчас я считаю до десяти и, если не уляжешься, то удалю твой аккаунт в «Магосфере».

Любит же папа по-плохому, если Ефим не понимает по-хорошему!

Ефим качал в игре мультиклассового ассасина-алхимика. Персонаж получился почти слепой, ведь на необходимый для зельеделанья интеллект он пожертвовал очки развития из параметра чувствительности. Понятно, что виртуальные друзья и одноклассники жёстко смеялись над таким уродом. Ведь боевой стиль ассасина затачивался под слабые, но меткие и быстрые удары с высокой вероятностью критического попадания. А точность ударов напрямую зависела от чувствительности! Бесчувственный ассасин был самоотрицанием – как умный дурак или живой труп. Однако алхимическая сторона персонажа с развитым интеллектом давала возможность варить такие зелья, что слепо-глухо-безнохий ассасин превращался в Халка, на стероидах способного в период действия зелья рвать паладинов и берсерков на пару уровней выше своего! Боевые умения ассасина, которые не могли себя проявить из-за низкой чувствительности, словно оживали. Герой, не обладающий такими навыками алхимии на начальном уровне, мог добыть подобные зелья только при вложении в игру настоящих денег, а не виртуальных. Насмешки сменились немым восхищением. Писавшие о «Магосфере» блогеры принялись обсуждать прорывной мультикласс. Раньше алхимики строили исключительно мирную карьеру, ведь прихлопнуть их мог любой. А при скрежива-

нии с ассасином получалась вполне жизнеспособная боевая единица, гораздо сильнее своего официального потолка за счёт бонуса от зелий. Такой персонаж получал очень много опыта, а значит стремительно набирал уровни!

И такое чудо папа хотел грохнуть из-за своих капризов!

Чтобы выгнать в спальню! Оставить его в темноте, а самому болтать с друзьями! Раз отверг «Магосферу» и легио, то должен лечь в кровать... Вот это называется – разозлился по-настоящему.

– И вот ещё, – продолжал дядя Альберт – не попрекай ребёнка вещами вроде совместных игр. Именно из таких моментов рождаются привязанность и любовь, понимаешь? А если твой сын начнёт принимать это за услугу, которую надо оплатить другой услугой, то... Места для рождения любви не останется...

– Глубоко копает! – нарочито просипел Варцов.

– Я бы поспорил, – спокойно сказал папа, – любовь-морковь – штука до конца не понятная. А когда тыкаешь пальцем в конкретный момент отношений и говоришь «вот здесь рождается любовь», знаю, как это происходит, и могу воспроизвести в лабораторных условиях...

– Любкой каприз за ваши деньги, – засмеялся Варцов, – хотите – любовь в лаборатории, хотите – прямо на дому!

– ...ха-ха-ха, неправ, потому что низводишь сложный многоуровневый процесс до одного фактора, понимаешь?

– Никита, может ты и прав, но меня тревожит одна мысль.

Почему-то некоторое время продолжалось молчание.

– Ненависть – тоже многоуровневый процесс, зачем бросать дополнительный фактор в её копилку?

– Ладно, я по глазам вижу, – серьёзно произнес Варцов, – что Никита сделал из твоих замечаний вывод на будущее. Спасибо, что научил жизни. Не зря приехал, возьми с полки пирожок.

– Да ладно! Правда, что ли?

Голос дяди Альберта стал дурашливо-весёлым, очень похожим на голос Варцова.

– Прикиньте! – заговорил папа – Ещё вчера думали, как бы освободить хату от родителей, а теперь от детей...

– Да, от родителей... Теперь я смотрю на них совсем другими глазами...

Ефим представил папу и маму через новые глаза, родители получились ярко-красивыми, а глаза – твёрдыми и гранёными, словно бриллианты.

Заговорил Варцов. Неожиданно серьёзным тоном.

– Альберт, не в обиду тебе будет сказано, кстати, огурчики удались, маринад божественен, но когда я думаю над этим винегретом советов от умных психологов, который каждый из

нас выдаёт за своё мнение, то...

– Хочу написать книжку своих советов! – сказал папа.

«А с набитым ртом говорить нехорошо», – подумал Ефим.

– Нет, чувствую что-то не то. Дети живут простыми эмоциями, мысли у них тоже одномерные, так сказать, а мы пытаемся выжать из них сложность, до которой еле додумался профессиональный дяденька с тремя высшими, докторской степенью и многолетней практикой...

– Да почему одномерные? – спросил дядя Альберт – Вспомни наши фантазии в детстве, с сюжетом! Да любой психолог с таким материалом...

– А мне кажется, что наоборот упрощали, вот про этого... Филиппа Вурденканина помнишь?

– Кого?

– Так, Альберта не было тогда, мы с Костей Ензовым сидели.

– Точно!

– И что же вы с Костей Ензовым нафантазировали?

«На-фан-та-зи-ро-ва-ли», – тихонечко прошептал Ефим, мама научила его делить слова на слоги. Ему нравились шикарно-длинные слова, из них получалось много слогов!

– Да разное... Сидели мы тогда с Никиткой на крыльце его подъезда, лето как раз было, уже без курток можно было ходить... Лафа, в общем. И подходит Костян, на позитиве такой весь...

– Руками махал, как мельница, – добавил папа.

– Ну, такое с ним часто бывало, – сказал дядя Альберт.

– Вот... И начинает он рассказывать, а мы стараемся понять, ведь стиль нашего Кости неповторим. Сначала выдаст, чем всё закончилось, нам не смешно и не интересно. Потом начнёт рассказывать: кто вообще в этом моменте действуют, мы такие – ну и что? Наконец, он говорит, с чего всё началось, становится яснее, но тебе уже известно самое прикольное в будущем героев и удовольствия нет...

– Да, но смешное в этом процессе наличествует, – раздался голос папы, – мы только что обсуждали трансформеров с черепашками-ниндзя, а тут приходит Костя, который живёт без телевизора и пересказывает сюжет книги, написанной в седые романтические времена про корабль-призрак!

Ефим представил полупрозрачный парусник, скользящий по волнам туманным видением... сквозь его паруса пролетают чайки и виднеется зелёное пятнышко далёкого острова... Прекрасно.

– Настолько не в тему, что смешно, это его пребывание на своей волне. Короче, главный герой в той книге Филипп Вундерканен и есть. Костя, понятно, повествует, разливается мыслью, а мы начинаем вставлять свои домыслы,

так сказать, меняем историю на ходу, просто, чтоб поржать. Ну, ты знаешь Костю, он на такое не обижался, наоборот идею поддержал, и короче, понапридумывали всякого тогда, классно посидели, вобщем.

– Так интересно, – задумчиво сказал дядя Альберт, – без телека всё детство прожил, теперь программированием живёт...

– Компенсаторный механизм, кому, как тебе, не знать. Над его убогой жизнью всё детство смеялись. Вот и прикипел к персоналке, как только появилась.

– Ладно, а что за истории получились?

Ефим улыбнулся: «Истории! Это почти как сказки!»

– Там по сюжету Филипп Вундерканен, сын капитана «Летучего голландца», может снять проклятие с отца, если встретится с ним. Поэтому идёт в моряки.

– И?..

– Ну и развили мы идею, что Филипп Вундерканен шляется непонятно где, только происходит с ним уже совсем лютая жесть. Например, попадал он в Швейцарию...

– Причём попадал через нуль-переход, в смысле – портал! – весело сказал папа.

«Ааа, портал!» – подумал Ефим и представил себе огромный нуль, в который можно войти, словно в дверь, и выйти посреди другого континента!

– ...и проникает в знаменитый швейцарский банк, срабатывает сигнализация, помещение затопляет, вокруг плавают акулы, а снаружи входы и выходы перекрывает полиция...

– И как он разобрался с этим?

– Да там по одной схеме всё было построено: патовая ситуация – прыжок в спонтанно возникший портал – появление соблазна – попытка захватить объект соблазна – защитная реакция окружающей среды – патовая ситуация и так далее.

– Подожди, вся история закончилась сломом четвёртой стены! Это были съёмки фильма, которые пошли не по сценарию, поэтому на съёмочную площадку вломились продюсеры и всё разрушили.

– Прикольно, а помните, играли в города? Инопланетный и людской, которые противостояли! – весело спросил дядя Альберт.

– Помним, конечно! – это голос Варцова.

– Это ведь я тогда поставил стоймя чурки, лежавшие во дворе садика, и положил на их верхушки доски, так что соединил друг с другом!

– Да, получился интересный силуэт! Нормальная такая архитектура инопланетян.

– А поселение людей было таким обычным, как мы всегда делали с домами из песка.

– Тогда ещё деревья во дворе цвели, из соцветий получились такие колоритные инопланетяне – гигантские черви, сплошняком покрытые короткими, но толстыми щупальцами.

– Таких в магазине не купишь, в смысле, массовая культура не додумалась.

«Черви толщиной с человеческое тело лежат на прилавке магазина, вяло шевеля толстыми щупальцами и скрипуче – прерывисто свистят, а продавец упрощивает папу: «Берите, такого никогда уже не сделают», – представил картинку Ефим.

– Знаешь, иногда жаль нынешних детей: за них уже всё придумали, изготовили и выпустили массовым тиражом. Где им понять ощущения творца собственной истории!

– Стоп, стоп! Щас опять съедем в разговор – насколько мы лучше, чем они.

– А что, не лучше?!

– Другие, они просто другие.

– Да и пусть будут другими. Вот насчёт инопланетян, кстати, помните, сколько мы играли в космические приключения?

– Конечно, «Звёздные войны» не прошли даром! Наши факельские пески так напоминали Татуин!

– Только холодный, на котором подолгу сохранялись целые сугробы снега. Как-то мы представили, что снег кислотный, разъедает всё вокруг себя.

– Да опять было противостояние, только двух баз: повстанческой и имперской, всё по канону!

– Помню, я как-то закопал железяку, которая была тысячелетним соколом, когда пошли по домам... Так её потом и не нашёл.

Ефим представил, как несколько мальчишек бегают в низине среди барханов, расставляют болты правильными рядами, разбитыми на батальоны. Руки фантазёров поднимают ввысь запачканные отработкой масла детали странной формы, а губы складываются для имитации подслушанного в любимом фильмецвука, отрывающегося от поверхности звездолёта. Приключения происходят здесь и сейчас, стоит лишь представить и быстро переделать самодельные базы под новую ситуацию.

– Иногда почитываю современную, так сказать, фантастику про каких-нибудь попаданцев, такой примитив! Наши фантазии того времени можно было фиксировать не самой сложной стилистикой и получилось бы на уровне.

– А то! Воображение бурлило, записывать только успевай!

– Да... Помните, частенько мечтали стать режиссёрами, игроделами, учёными, писателями, первопроходцами... А по факту только Альберт выбился на творческую стезю.

– Какое там! Ремесленник в лучшем случае, сию на субподряде, когда успешные авторы делятся. Это как у титанов Возрождения на подхвате были ученики, рисовавшие фактуру ткани и прочий порожняк!

Ефим представил, что скажут ему на рисовании, если он нарисует какой-нибудь порожняк! Хорошо было учиться у этих титанов Возрождения, не то, что сейчас!

– Да не скромничай!

– Чего не скромничай? Когда тебе сразу дают

техзадание, да, именно так это называют! Техзадание! Сразу понятно, что будет на выходе, ни в какие детали не вникал, а уже всё ясно!

– Ну, в любом деле есть установка, творчество проявляется в её воплощении.

– Проявляется, блин! Когда ходишь под дедлайном, творить некогда, лепишь по шаблону и всё. У всех одинаково: в детстве летаем, как птицы, а взрослыми ходим, как и должно быть. В гостях у Питера Пэна хорошо, а суровая реальность поглотит всех.

Ефим вспомнил мальчишек из сказки, вернувшихся в Англию, папа ещё показал картинку с благообразными усатыми дядьками в клетчатых пиджаках, он назвал их «джентлменами».

– Ты закусывать-то не забывай.

– Альберт, а кто мешает творить для себя?

Тишина. Звук скользящей по фаянсу ложки. Наверно, дядя Альберт закусывал.

– Проблема даже не в дефиците времени...

Тишина.

– ...меня упорно не отпускает ощущение, что я не могу добавить нечто существенное к уже сказанному, ну, высказанному человечеством за свою историю... а повторяться бессмысленно...

Тишина.

– А помните, сколько карт с островами сокровищ мы нарисовали? Там бы земли на материк хватило, наверное...

– Помню, рассказы писали про кладоискательство...

– Да, и Альберта в мистику понесло! Нафига вампиры и привидения среди пиратских разборок!

– А вот чтобы шаблон рвать!

Ефим прикрыл отяжелевшие веки. Они недавно рисовали в садике по шаблону... Да, рисовали... Людмила Ахметовна раздала им вырезанные из бумаги силуэты девочек с мороженым, мальчиков с машинками и вроде всё... Они прикладывали силуэты к альбомным листам обводили фломастерами, а потом...

Ефим разлепил глаза, взрослые что-то бубнили.

...каждый рисовал рожицу, одежду, пальцы рук, ботинки... В одинаковых контурах у каждого получалось по-своему... Значит это шаблон, а зачем его рвать? Чтобы показать, как на глазах у Джона Сильвера (иногда папа ставил ему перед сном послушать аудиоспектакль по «Острову сокровищ») из продранной дыры лезут клыкастые вампиры в обнимку с истекающими эктоплазмой привидениями...

Зачем рвать шаблон? Там призрак был и так... Пираты некоторое время так думали, пока не разобрались, что напугавший их голос похож совсем на другой...

– Клянись дьяволом, это был голос Бена Ганна! – прозвучало в его голове.

Почувствовав, что возносится вверх, он еле приоткрыл глаза и понял, что отец взял его на руки и несёт в спальню.

«Папа, папа... Я так тебя люблю».

Веки сомкнулись. Тело расслабилось.

Он стоял в темноте и знал, что пол снят, ходить надо строго по лагам, иначе провалишься и будешь падать, падать...

«Странно, – подумал Ефим, осторожно нащупывая ногой опору. – Откуда я знаю, что будешь падать, падать?»

Нога соскользнула...

Резким движением он выбросил руки, надеясь ухватиться за лаги...

Не успел!

Пальцы только чуть задели дерево. Он ощутил рисунок волокон, идеальную гладкость сучка...

Он летел вниз. Вокруг была тьма. Мальчик закричал и закрыл глаза.

И открыл их ясным днём на улице Ленина. Ничто не нарушало привычного вида города, кроме силуэтов небоскрёбов на горизонте. Их верхушки соединялись какими-то переходами или мостами.

– Нарьян-Мар, мой Нарьян-Мар! – скандировали маршировавшие штурмовики. Те самые имперские штурмовики из «Звёздных войн»!

Оглядываясь по сторонам, мальчишка начал отступать за дом, на первом этаже которого обитали страшные стоматологи. Оглядел двор...

Похожий на добротный сарай-переросток «хлебный», трёхэтажное здание «красного лиса» и мясо-магазина, не пощажённые временем остовы горок и качелей, припаркованные машины, женщина в белой куртке с пакетом магазина «Хороший»... Ефим потряс головой и осторожно посмотрел за угол.

Штурмовики продолжали маршировать, этого и следовало ожидать, ведь сотни глоток не прекращали выкрикивать: «Нарьян-Мар, мой Нарьян-Мар!»

Обутые в жёлто-красные кроссовки ноги быстро понесли его в сторону Меньшикова. Проходя дворами, мальчик опасно смотрел кругом, всё было вроде как нормально. Только далёкие силуэты всё портили.

Порыв ветра обдал его песком так, что на зубах закрипело...

Пробежав мимо забора детского сада, он увидел обычный деревянный дом, их в Кармановке десятки. Стены дома покрывали зеркалами, причём занимались этим медлительные роботы... Чуть поодаль два мужика в оранжевых жилетках МБУ «Чистый город» дорисовывали восклицательный знак на растяжке. «ПРОТИВОЛАЗЕРНАЯ ЗАЩИТА – НАШ КУКИШ ГУСЕНИЦАМ!» – прочитал Ефим и побежал дальше.

Оказавшись на улице, он увидел потрясающее зрелище – на перекрёстке среди зеркально отражающих друг дружку домов приземлялся настоящий звездолёт! Бьющие из его брюха

лазеры поражали машины, прохожих и одну не закрытую зеркалами до конца панельку. Страшно запахло горелым.

– Чего встал?! Бежим!

Его резко дёрнули за плечо и потянули обратно во дворы. Оглянувшись, Ефим увидел пацана чуть постарше, в косухе.

– Тупой совсем? Щас гусеницы десантом полезут, штурмовики палить по ним начнут! Потом ковровая или артподдержка подоспеет! Спасаться надо!

Говоривший отпустил плечо Ефима и побежал к люку, такой круглой крышке посреди песчаного пространства кармановского двора.

«Чё-то не так... – думал мальчик, спускаясь по лестнице в здоровый тоннель, – поезду в метро хватило бы». Свет давали чуть мерцающие красные лампочки, а стены были сложены из грубо подогнанных булыжников.

– Мы где?

– В подземелье, как ни странно.

Раздался звук разбившейся об пол капли воды.

– А-а-а... Что за... Откуда здесь подземелье?!

– А какая разница?

Пацан, не оглядываясь, пошёл вперёд. Поставив, Ефим побежал за ним.

– А тебя вообще как зовут?

– Костя.

– Костя, что там было?

– Гусеницы напали.

– Какие гусеницы? Как это вообще!..

– Ну, инопланетяне, они на гусениц просто похожи, поэтому их так назвали. И говори потише.

Костя сбавил шаг, запустил левую руку за пазуху, а Ефим заметил, что красные лампочки сменили чадящие факелы.

– А что, гусеницы могут найти? – прошептал он.

– Не бывает их здесь, а вот неприкаянных полно.

Мальчик огляделся по сторонам.

– Это ещё кто?

– Давай так, либо ты их сам увидишь, либо я тебе потом расскажу...

Раздался надрывный, пронизывающий до костей вой.

Костя достал из-за пазухи нож, сверкнувший лезвием. Правой рукой пацан снял с пояса толстенную цепь с болтающимися побрякушками.

Тем временем из бокового хода в их тоннель вливалось нечто.

– Держись справа от него, а я слева! – крикнул Костя.

Ветеран «Магосферы» сразу понял замысел – отвлекать противника на две цели с разных направлений, вот только... Оглядевшись, Ефим решил вооружиться факелом.

– А-а-а-а!!! – выхватывая факел из гнезда, он принялся орать.

– А-а-а-а!!! – замахнувшись, он бросился на колышающуюся фигуру.

– А-а-а-а!!! – резко тормознув, отпрыгнул от рванувшегося к нему отростка.

Боковым зрением он увидел, как сверкнуло лезвие Костиного ножа... Неприкаянный растаял, будто его и не было.

– Пошли, – сказал Костя.

– Призраки? – Ефим ошарашенно смотрел в разверзшуюся на месте зыбкой тени пустоту – инопланетяне, а теперь призраки?

Костя пожал плечами.

– Не стой, а то ещё прилетят.

Ефим бросился вперёд. Повернув направо и проползая по ещё меньшему ответвлению, похожему на вентиляцию из боевиков, они оказались в помещении, половина которого была завалена землёй.

– Спорим, он здесь? – сказал Костя, передавая ему одну из валявшихся в углу лопат, – копай.

Ефим не стал задавать вопросы. Он уже понял – это бесполезно.

Земля была слежавшейся, и гнутая, ржавая лопата входила тяжело.

– Давай быстрее, – подбадривал его энергично копавший Костя.

Похоже, он наткнулся на щебень... Скривившись от визгливого скрежета, Ефим яростно вонзил полотно лопаты в основание земляной кучи...

...откинул землю в угол...

...ещё раз и ещё...

...и ещё...

Земля сверху обвалилась, и они увидели довольно ровную стену в рыжих пятнах ржавчины, с налипшим песком.

– Ага! – раскрасневшийся Костя провёл лопатой по налипшему песку. Края проведенной линии забугрились чёрной вязкой массой.

«Машинное масло?» – озадачился Ефим, вдохнув запах.

Напряжённо дыша, его непонятный спутник начал отваливать песок от стены, двигаясь вдоль неё.

– Ага!

Из земли показалась дверь.

– Не стой, давай раскапывай!

Дверь была покрыта целыми лепёшками машинного масла, смешавшимися с землёй.

– Вот так вот! – Костя коснулся неожиданно блестящей пластины посреди двери, и она плавно отъехала в сторону.

Загудело, будто компьютер запускается, сотни приборов загорелись мягким светом...

– Это что такое? – обалдел Ефим.

– Звездолёт, – Костя успел восстановить дыхание.

– А-а-а... звездолёт, – мальчик оглянулся на лаз, ведущий в подземелье неприкаянных, – ну этого и следовало ожидать!

– Так и будешь тормозить? – нежданный проводник уже скрывался за поворотом усеянного винтажной электроникой коридора.

– Иду, иду! – Ефим очень испугался остать-

ся одному в этой безумной непредсказуемости. Стоило ему вбежать в коридор, как с тихим шипением дверь закрылась.

«В конце концов, это даже забавно, – исцарапанное покрытие из алюминия слегка звенело при каждом шаге, – что же будет дальше?»

Коридор привёл его в более широкий проход, с правой стороны как раз мелькнула фигура в косухе, побежав за ней, Ефим оказался перед автоматически отъехавшей дверью, за которой была... кабина?

– Садись быстрее, – Костя махнул рукой в сторону второго кресла. Раздались громкие щелчки, он переводил переключатели из одного положения в другое, загорались лампочки и маленькие экраны с какими-то цифрами.

Кнопки, клавиши, индикаторы, мониторы разных размеров покрывали стены чуть ли не сплошняком.

«И как за этим вообще можно следить? – недоумевал Ефим, – Поставь один большой сенсорный экран, как на смартфоне и будет тебе счастье! Можно самые важные команды кнопками продублировать, а так-то зачем?»

Нарастающая вибрация оборвала его мысль. Казалось, звездолёт, как засевший в грязи автомобиль, потрясётся и заглохнет...

Ефима вдавило в кресло.

– Ух ты!!! – землю, завалившую стекло перед ними, снесло одним махом!

Они летели!

Внизу удалялись барханы с торчащими из них растениями, похожими на иссохшие жерди.

– Да ты гений! – мальчишка искренне восхищался своим неожиданным другом. С ума сойти! Запустить такую махину и...лететь!

Ефим внимательно посмотрел на Костю, тот глядел вперёд и постоянно переключал что-нибудь.

«Стоящий человек», – так говорил папа, и в этих словах чувствовался вес уважения.

– А где Нарьян-Мар?

– Недалеко.

Звездолёт завис в пространстве, развернулся, моментально набрал скорость, барханы сменила тундра, тундру – деревянные дома, «баязеты» и огромные башни инопланетных построек, соединённых широкими мостами между своими вершинами. В довершение всего они отражались в зеркале широкой реки.

– Так они на другом берегу Печоры построились?

– Да ты просто капитан Очевидность.

Костя улыбнулся. Раздался писк и по довольно крупному экрану, расположенному между ребятами, поползли красные точки.

– А вот и гусеницы пожаловали.

Перед кораблём вспыхнула полупрозрачная аура, и направленный на них синий луч рассеялся на расстоянии вытянутой руки. «Энергощит?» – подумал Ефим, ведь ему не хотелось закрепить звание капитана Очевидности.

Ха! – космический тазик отклонился вправо, и вот они уже стремительно скользили между циклопических башен. Обстрел прекратился, видимо, инопланетяне боялись повредить свои постройки, однако радар показывал красные точки со всех сторон, кольцо смыкалось...

Подчиняясь Константину, корабль взмыл вертикально вверх, пронзил облака...

– Фантастика! – вокруг простирался космос, Земля стремительно удалялась, писк прекратился, красные точки пропали.

– У них там, в основном, техника атмосферного применения, на орбиту не полезут, – Костя откинулся в кресле, щёлкнул затёртым от бесчисленных прикосновений тумблером и взял выехавший из-под небольшой крышечки стакан с дымящейся жидкостью, после этого вернул тумблер в прежнюю позицию, и крышечка закрылась.

– Это горячий шоколад, ты будешь?

– Буду, а почему здесь всё так... – Ефим задумался – Как это сказать? Винтажно, непродуманно, некомфортно...сложно?

Костя пожал плечами.

– Чтобы жизнь мёдом не казалась.

Тумблер щёлкнул, стаканчик выехал.

От смакования сладкого напитка Ефима отвлёк раздавшийся писк.

– Тай-файтеры, – нахмурился Костя, посмотрев на экран.

– А это кто?

– Серьёзные ребята.

– Их много, – монитор показал пятнадцать точек.

– Возьми управление левой турелью, – та же рука указала на приборы.

– Есть! – направлять огонь было просто, только цели оказались больно вёрткими. У непривычного к управлению Ефима больше получалось создавать плотность огня, чем поражать противников.

Звездолёт рванул вперёд, стремительно двинулся влево, вошёл в штопор, так что потолок на минуту стал полом... Обшивка кресла стремительно расширялась, мягко, но надёжно охватывая его тело в ходе этой чехарды.

– Лови ракету, гад! – крикнул Костя с яростью, да так заразительно, что мальчик тоже стиснул зубы. Ракету сбили почти у самых передних истребителей.

– Это песок что ли? – по пространству космоса, от места взрыва ракеты, стремительно разносилась туча мельчайших частиц, приближаясь к тай-файтерам, они вспыхивали ярким светом, обращая космические истребители в разноцветные сполохи. Красные точки начали исчезать с радара.

Минуту спустя он сообразил – простой, слегка напоминающий хохот звук раздаётся при гибели целей, а спустя мгновение понял – писк, сообщавший о близости врагов, прекратился.

В наступившей тишине обломки вражеских истребителей дрейфовали в близлежащем

пространстве.

– Полетели.

Разворот, рывок, плотные комки конденсата окружили их... Заходящее солнце окрашивало бока проплывающих облаков, между которыми пролегла пропасть пустоты, а на дне её стелились белые барашки.

– Ух ты! – перед ними парил огромный купол, нижняя часть которого переходила в сложную конусообразную конструкцию.

– Перекантуемся, – Константин щёлкал переключателями, не отпуская штурвал.

Парящая махина стремительно приблизилась к ним, наконец, звездолёт приземлился на вынесенную за обод станции посадочную площадку.

– Пойдём искать бар, – Константин двинулся к выходу.

И они пошли по светлым переходам и коридорам, через толпу непредставимых инопланетян и антропоморфных роботов.

На одном из коридорных перекрёстков они задержались, чтобы прочесть надпись, в которой ничего не поняли: «Внутри несгораемых шкафов или ящиков, предоставляемых за определённое вознаграждение клиенту для хранения ценностей, кормить крупных морских хищных рыб с веретенообразным телом и большим ртом, расположенным в нижней части головы, запрещено».

За очередным поворотом толпа кончилась – вокруг не было никого.

Тишину перекрыло громкое дыхание.

Ефим развернулся.

– Какого...

На них двигалась фигура в чёрном плаще, на груди идущего светились кнопки-индикаторы, а шлем-маска напоминал самурайский, Ефим видел похожие в «Sekiro: Shadows Die Twice». С гудением, какое бывает у ламп дневного света, из правой руки незнакомца возник красный луч светового меча.

Мальчику одновременно захотелось бежать и пойти навстречу явной опасности.

– Бежим, а то начнёт приставать: мол, я твой отец... – Костя схватил Ефима за плечо.

– У меня есть папа! – тот сразу рванул с места.

– Вот и не будем его расстраивать!

Они бежали, а чёрная фигура следовала по пятам, легко сохраняя дистанцию и даже нагоняя. Наконец, пробежав по узкому мостику, они оказались на небольшой площадке, висящей над железной бездной, дно которой выстилали далёкие облака.

По единственному пути назад приближался чёрный силуэт с красной полоской светового меча.

– Вперёд!

Ефим прыгнул...

...вздогнул...

...открыл глаза.

Солнце светило в окно.

– Проснулся, – кивнул головой отец, увидев привлечённого вкусными ароматами сына.

– А где гости?

– Разъехались.

– Папа, можно я расскажу тебе мой сон?

– Конечно.

Тут у отца зазвонил телефон.

– Алло, привет.

Ефим взял тарелку, положил яичницу и прожаренную полоску бекона, добавил водорослей в масле... Папа тем временем вставлял односложные реплики в монолог собеседника.

– Слушай, у меня завтрак стынет, я, короче, приеду, перед выездом позвоню, – папа отложил телефон и принялся накладывать себе.

– Так вот, папа, мне снилось, что по улице Ленина в районе Кармановки ходят штурмовики из твоих звёздных войн.

С тех пор, как Ефим заинтересовался сериалом лего-ниндзяго, папа несколько раз подсовывал ему этих войнов, но мальчик остался к ним равнодушен. Было так скучно, что он и нескольких секунд не мог это смотреть.

– Тебе водоросли еще положить? – папа чуть наклонил банку, водоросли стало легко рассмотреть, будто сын их раньше не видел!

– Не надо.

Водоросли были отправлены в холодильник.

– Я побежал, потом и там... в общем... дома стеклят зеркалами, ну покрывают!

– Вон оно как... – правой рукой отец орудовал вилок, а большим пальцем левой принялся перебирать сообщения в телефоне.

– А потом прилетели гусеницы, и начался полный расстрел...

– Этого и следовало ожидать, – папа улыбнулся, не отрываясь от телефона, – а кого они расстреливали?

– Они расстреливали штурмовиков, а штурмовики их.

– Тогда это не расстрел, а перестрелка. Расстрел – когда только одна сторона стреляет в другую, если стреляют обе стороны – то перестрелка.

– Понятно, а потом меня из этой перестрелки вытащил Костя Ензов!

Отец отложил телефон и посмотрел сыну в глаза.

– Кто?

– Костя Ензов.

– А... Понял! Ты вчера подслушивал наши разговоры!

– Ну да... – Ефим втянул голову в плечи и улыбнулся.

Папа совсем не злился, поэтому мальчик набрался смелости и спросил, почему про этого дядю Костю отец никогда ничего не говорил. В ответ он услышал, что Константин – ну очень оригинальный человек. Работает программистом на дому! Не ходит каждый день на работу, а сидит дома и всё делает на своём компьютере, а клиентов находит через интернет.

– Кстати, он ещё в твою «Магосферу» посто-

янно играет, вернее в свободное от работы время, конечно. У него там ник – Прошито_БУСИ.

– Прошито_БУСИ - твой друг?!

Отец кивнул. словно речь шла о водорослях или ещё какой мелочёвке! А они говорили о самой настоящей легенде! Магосферские форумы раскалены от холиваров – противники выясняют кто такой этот БУСИ. Одни говорят, что админ, другие, что уникальная разновидность энписи замаскированного под обычного игрока. Ефим относил себя к носителям редкой точки зрения, что за японообразным ником скрывается самый обычный игрок, просто нереально прокачавшийся. Разумеется, над этим только смеялись и вообще не слушали, отмахиваясь, как от дурачка. И вдруг выясняется, что он не только прав, но и доказательство живёт совсем рядом!

– Папа! Мне надо встретиться с Прошито_БУСИ!.. Вернее, Костей Ензовым.

– Не стоит.

Ефим бросился настаивать на своём, по опыту он знал, что после жёсткого решения вопросов, как это было вчера, отец склонен уступать.

«Сдаваться нельзя!» – решил он.

Ефим вспомнил наставления мамы, она любила разговоры про личные границы, конфликтные ситуации, уважительное отстаивание своей позиции... Мальчишка спокойным тоном объяснил, чего он хочет и почему. Ведь Прошито_БУСИ – это действительно легенда, увидеть которую мечтает каждый магосферер и вообще...

Это же он, благодаря багаюзерству, смог заманить несколько крутейших монстров в Ириум – крупнейший игровой город и под прикрытием паники обчистить артефактхран в святилище героя с тысячью лиц! Это он бросал вызов целым кланам и ставил их на место! А еще именно он убедил всех (вернее подавляющее большинство) соблюдать внеадминский кодекс – свод правил игроков, принятый вопреки воле разработов!

Папа наморщил лоб, скривил губу и сказал:

– В конце концов, может так будет даже лучше, поймёшь, к чему это ведёт. Собирайся.

– Вот прямо сейчас? – удивился Ефим.

– Именно сейчас. Заберём у дяди Кости мамин ноутбук.

– Мамин ноутбук у дяди Кости? – дядя Костя – это Прошито_БУСИ, всё невероятно, как во сне! Может дядя Костя ещё и Человек-паук? – а почему так вышло?

– Чинил он его.

Ефим представил себе, как скажет чемпиону «Магосферы»: «Долгие лета Прошито_БУСИ тебе! Я, Варевославом зовущийся, алхимик-ассасин, приветствую тебя!»

Счастливики, пообщавшиеся с ним, отмечали склонность Прошито_БУСИ к юмору и фразам под старину, поэтому такое он должен оценить! Наверное...

Папина «Нива-шевроле», поскрипывая на

поворотах, доехала в Качгорт и остановилась у кирпичного дома на два этажа.

Внутри мальчику не понравилось, хотя подъезд был чистым, на окне лестничной площадки даже стояли горшки с какими-то зелёными стеблями и вообще всё тщательно подкрашено, лампочки яркие...

– Фу!!!

Запах!

Ароматы разложения на стадии, когда лёгкая сладковатость пропадает, и жесткая вонь распада вплетает оттенок тошноты в каждую нотку впечатлений от белого потолка, эха папиных шагов, всего этого подавляющего места общего пользования!

– Терпи! – папины губы кривились, Ефим понял, что ему тоже не сладко.

Они подошли к дешёвой китайской двери. Вонь усилилась. Папа вздохнул и постучал: два раза коротко, пауза, один раз сильно, пауза, два раза коротко.

Сын удивлённо посмотрел на отца и тут услышал за дверью чьи-то шаркающие шаги, с каждым мгновением их звук становился чуть громче.

Став предельно чётким, звук вдруг прекратился, наступила тишина. Папа подмигнул Ефиму и закрыл ладонью глазок двери, так они простояли довольно долго, наконец, звякнул открывающийся замок.

– Никитос! Я сколько тебя просил без глупых шуток!

– Воняет!!! – мальчишку всего перекосило, он закрыл руками лицо. Запах бил мощно, словно каменный голем! Теперь понятно, почему такой ухоженный подъезд мерзок, словно компостная куча! Вот оно, местное сердце тьмы!

– Да ты просто капитан Очевидность, – хозяин квартиры говорил медленно, словно каждое слово ему приходилось долго выискивать в кладовке памяти, а потом ещё отряхивать от пыли.

Минутку!

Последняя фраза показалась ему удивительно знакомой. Ефим немного сдвинул руки вниз и открыл глаза.

«Жирдяй», – подумал Мальчик.

Открывший дверь дядя и вправду оказался весьма объёмистым. Многие толстяки, которых видел Ефим, отличались гладкостью, а этот – какой-то комковатостью и обилием складок. Ещё одно плечо было ниже другого. Лоб переходил в обширную выпуклость лысины, окруженную свалывшимися космами. Разглядывая их, создатель ассасина-алхимика увидел, что на концах почти все волосы рассекаются надвое, а то и натрое.

«Ничего себе! Значит и такое может быть!» – подумал он.

Тем временем странный человек почесал засаленную майку с Че Геварой в районе низа живота и состроил недовольную рожу.

– Никитос, ты ведь говорил, что один приедешь, нафига мелкого притащил?

– Напросился, он узнал, что в «Магосфере» ты супер-пупер-кто-то-там и прямо приклеился. В общем, он твой поклонник – общайтесь.

Костя Энзов скорчил такую рожу, будто за раз сжевал три лимона.

– И чего тебе надо, поклонник?

– Чтобы вонять перестало, – честно ответил Ефим.

Дядя Костя вздохнул, демонстративно повернулся к папе и принялся говорить, чего маме не следует делать, чтобы ноут больше не глючило, а что стоит, чтобы фурычило. Еще Костя поведал, что всякие мамины программы для заметок, типа «Evernote», плохие, и он удалил их исключительно в санитарных целях.

Папу такая санитария не очень обрадовала, видимо, он представил, что скажет мама.

Ефим тем временем подумал, что ну его, этого Прошито_БУСИ, тут дело покруче будет, ведь голос Кости Энзова, стоящего перед ним, был точно похож на голос Кости Энзова из недавнего сна.

Надо было срочно проверить закрутившиеся в голове смутные подозрения, а вдруг... Суть проверки он придумал быстро: спросить папину друга о том, что мог знать только Костя Энзов из сна.

– Дядя Костя, а почему внутри несгораемых шкафов или ящиков, предоставляемых за определенное вознаграждение клиенту для хранения ценностей, запрещено кормить крупных морских хищных рыб с веретенообразным телом и большим ртом, расположенным в нижней части головы?

Взрослые замолчали.

Папа сделал выражение лица «отличная попытка, но сейчас не время для юмора, сынок».

Костя Энзов повернулся к Ефиму всем корпусом и медленно разинул рот.

Потом хозяин вонючей берлоги забормотал, что, пожалуй, хватит болтать, сейчас он ноутбук вынесет, и метнулся за дверь.

На секунду перед мальчиком мелькнули покрытые пылью кучи хлама, между которыми пролежала извилистая тропинка.

А потом Костя Энзов принёс мамину сумку с ноутбуком.

Папа распрощался со старым другом, взял сына за руку, и они быстрым шагом покинули подъезд.

– Наверно, мамин ноутбук провонялся, – сказал Ефим.

– Будем выветривать – ответил папа.

Ефим думал об увиденном весь день да и сон его оказался вдохновлен сегодняшней встречей.

Он шёл по болотистой местности, где кривые деревья обросли изумрудным мхом, а на поверхности луж, заполненных мутной жижей, лопались пузыри какого-то газа. Тропинка под его ногами мягко колебалась от каждого шага, и вдруг из-за деревьев вышла тёмная фигура. Ефим узнал незнакомца с лазерным мечом,

бегством от которого закончился его прошлый сон.

Раздался звук, с каким Варцов открывал пивную банку.

Шлем разлетелся на жестяные обрывки...

И мальчик увидел лицо Кости Энзова, молодое и улыбающееся.

– Привет.

Ефим кивнул.

– Ты был у меня сегодня и тебе не понравилось. А ведь ты неправ! Какая разница, как ты выглядишь и где живешь, когда можешь всегда вернуться к мечтам своего детства, а в «Магосфере» ты почти бог?

Кожа на лице Кости начала грубеть, где-то становится дряблой, волосы выпадали целыми клохьями – он превращался в себя, настоящего!

– Стой! Не убегай!

Но Ефим не слушал и убегал.

– Мы ведь понимаем друг друга, ты и я, недаром ты сын моего друга.

Болото вокруг сменилось коридором зависшей в облаках станции, за которым виднелись мостик и железная бездна, куда тёмная фигура загнала их в прошлом сне.

– Стой! Неужели ты хочешь жить, как твои родители – от зарплаты до зарплаты, когда нам с тобой могут покоряться целые миры?

Мальчик добежал до конца мостика и прыгнул на какую-то висящую конструкцию.

– Пойдём со мной! Вот моя рука.

Ефим осторожно развернулся лицом к постаревшему Косте, от которого уже и пахнуть начало, как в жизни, и спросил:

– Ты об этом мечтал, когда вы с папой были маленькими? Я думал, вы хотели стать великими учёными или писателями, может, первопроходцами, режиссёрами, игроделами, а не вонючими и жирными.

Костя Энзов замер, а Ефим прыгнул.

И закричал.

– Ты чего?

Открыл глаза.

Над ним склонился сонный папа.

– Я боюсь.

Отец обнял его.

– Ну ладно, ладно... Я ведь рядом.

Вы действительно хотите удалить аккаунт?

Ефим передвинул курсор и нажал кнопку «ДА».

Всё.

Варевослав, уникальный в своей комбинации навыков ассасин-алхимик, породивший мини-революцию в сообществах «Магосферы», перестал существовать.

Повесть о Лилит

фрагмент

Инга Артеева

Фрагмент новой повести Инги Артеевой, представляющей собой художественный вымысел на мифологической основе в авторском видении.

1.

Пусто. Абсолютно. Так у меня всегда после выступлений, независимо от того, сколько людей пришло послушать мои стихи и песни. Не по-плохому, наоборот. Голова ясная, светлая. В легких – словно больше места для воздуха, и хочется надышаться остатком теплого вечера до отвала. Когда еще будет такой вечер! Чаще всего они смазаны какой-то суетливой дрянью типа мелких хозяйственных забот, на которые жаль сил и времени, но никто из нас не рожден в идеально духовном мире...

Поэтому моменты опустошенного одиночества особенно дороги, а диковатого вида зритель, все еще торчавший под летней эстрадой, меня сейчас никак не радовал. Что ему надо? Послушал, проникся и иди домой, парень. У тебя же есть дом. Или нет? Хотя у такого, может, и нет. Одет как-то странновато, во всяком случае, для моего города. Если бы только высокие кожаные сапоги и кожаные же штаны... А то накидка болтается на плечах, глаз не видно из-за шляпы. Надо было с ребятами уходить, а не торчать на сцене до последнего. Еще и улица пуста, как назло.

Он поднял голову и посмотрел прямо на меня:

– Ты должна мне помочь. Пожалуйста...

Ага, сейчас. Вот по любому будет сейчас деньги клянуть. Наверное. А может, стихи свои принес? Так давно бы уже написал в любви из соцсетей. Все-таки, алкаш, пожалуй.

– Простите, я тороплюсь. За мной выехали уже, так что боюсь, не успею. Мне надо машину встретить, всего доброго.

Клянусь, он даже не вставал со скамьи, но каким-то образом оказался прямо передо мной. У меня было с собой рублей двести, и я уже потянулась рукой к сумке, как он сказал:

– Мне не нужны деньги. А тебе не нужно бояться. Просто послушай меня.

Я ничего плохого тебе не сделаю.

Его глубокий голос странно успокаивал. Я впервые посмотрела в глубокие серые глаза под густыми бровями. Нет, он не алкаш, это точно. Убийца? Маньяк? Мне вдруг до слез стало жалко свою семью, которая так и не дождет-ся меня дома. Я, конечно, не подарок, но им будет больно потерять меня. «Не надо бояться!» Он почувствовал мой страх, а вот это уже никуда не годится. Надо кому-то звонить. Что-то говорить...

– Почему в вас столько страха? Кто вас так обидел?

Я даже не успела сделать шаг назад. Незнакомец протянул ко мне руку, приподнял мое лицо за подбородок и внимательно разглядывал что-то в моих глазах. Так, наверное, смотрят на детенышей любимой кошки, прежде чем утопить, с каким-то жалостливым интересом, но без умиления. Я разозлилась, и страх прошел.

– Что тебе надо от меня? А?! Кто ты такой? Кто тебя боится вообще?..

Вместо ответа он сказал:

– Расскажи мне свою историю. Расскажи мне, о чем захочешь. Расскажи, о чем утром думаешь. Расскажи, о чем плачешь ночью...

Я ведь так и не дописала этот стих. Меня вначале зацепил этот ритм, а потом все стало складываться слишком банально, без загадок, тайн и сложных рифм, и я остыла к нему. Прочитав начальные строчки, он смотрел на меня, словно ожидая вопроса. Не дождет-ся.

– Я знаю тебя. И я принес тебе свою историю. Мне больше никто тут не поверит. Понимаешь, однажды я вышел из дому в надежде увидеть уличных акробатов...

Я вызвала такси.

2.

...Закат был прозрачно-бежев.
Солнце топило в озерах золото.
Я вышел из дома в надежде
увидеть уличных акробатов.

Подошвы звенели хрустко,
рвалось на осколки небо,

Я шел дорогами хрупкой грусти
туда, где ни разу не был.

Звезды над крышами-облаками,
Мой парадиз - твой вчерашний Готэм.
Гибнем в погоне за куликами,
Что нас заманивают в болото,
Где иксы не равны искомым,
По ГОСТу – погост-жилище,
Ведь сколько бы не было в доме комнат,
А Принц все равно остается нищим...

...Мы сидели в пустой забегаловке на краю города. Пиво здесь было слишком дорогим, чтобы сюда стремились работяги, а меню и интерьер до убогости просты, так что клиенты побогаче тоже не заглядывали. Кай – так вроде звали моего нового знакомого – говорил без остановки, перебивая время от времени свой рассказ песнями.

Гитара нашлась тут же, но я уже ничему не удивлялась. Я слушала его несколько часов подряд, не понимая, кто он такой, этот Кай. Все, о чем он говорил, было не очень понятно, но так близко, что я готова была слушать его, сколько нужно. И, если понадобится, вытаскивать осколки любых ледяных зеркал из его сердца.

– Так ты артист?

– Разве я похож на артиста?

– Ну, вообще – да.

– Неправда. Артисты другие. Вот я почему акробатов искал? В них есть то, что выше жизни, суть которой – ложь. И еще алчность. Вот я давно уже земной. А они – жители неба. Им земного надо очень мало, оно их губит, земное. Настоящим дается радуга в сердце, она их к небу-то и привязывает...

– Ну ты в итоге нашел? Клоунов своих?

– Я искал не клоунов, а акробатов, – его голос похолодел, – мне даже странно, что ты не понимаешь разницы. Много о земном думаешь, много заботишься, перестать тебе это нужно. А то сама клоуном станешь.

– О чем ты? Каким клоуном?

– Которые без радуги... Размалеванные, яркие, а пустые. И злые очень. У вас тут много таких. Злятся, жалуются, у самих небо над головой – каждый день, за просто так, мир вокруг, созданный для радости! Я скажу тебе: мир – замечательное приключение, нельзя такое упустить! Целая жизнь в подарок...

– Но не всем же дано счастье в жизни...

Наверное, он просто сумасшедший, думала я. По словам Кая выходило, что мир существует в нескольких плоскостях одновременно. И каждая из тысяч этих плоскостей не похожа на другую. Где-то живут люди, где-то – бесплотные существа. Когда я назвала их духами, он так смеялся, что бармен от любопытства вырós на

целую голову за своей стойкой.

– Да нет никаких духов, бесов или как вы там еще их называете! Инопланетян тоже нет. Вы сами все придумали. И сами поверили. Все намного проще.

– А как же мировые религии?

– Религии... религии... Инструмент управления или маленькая ложь, чтобы скрыть большую Истину?..

Он потемнел как-то, съезжился и долго молчал. А потом резко вскинулся, и заговорил, быстрым, горячим полусшепотом, обращаясь даже не ко мне, а просто в пустоту. И столько боли было в этом, похожем на бред шепоте, что в очередной раз за этот бесконечный вечер стало страшно. Но сейчас не за себя. А за него.

– Религию они создали, сволочи... Двенадцать на одного, да, дорогой Иуда? Как тебе такое? Потом – что? Цель оправдывает средства? Кто теперь мне поверит? А я верил... им всем верил. Сердце, полное любви, да? *Aditum nocendi perfido praestat fides**... Как же я был неправ, как неправ! *Decipi quam fallere est tutius.*** Но ведь я-то простил. *AMOR OMNIA VINCIT****, не так ли, Бен Хаадам?..

Я положила руку ему на плечо:

– С тобой все хорошо, Кай? Тебя, может, отвезти куда-нибудь?

Он поднял голову и медленно отнял руки от залитого слезами лица:

– Ты все время неправильно меня называешь. Мое имя – Каин. Я – тот самый Каин, да. Тот проклятый первый сын, чье имя носит каждый предатель...

3.

А я уже как-то привыкла к мысли, что кукушка у моего собеседника съехала. Бывает. И именно поэтому удивилась своей реакции на его слова. Вроде бы надо испугаться, что ли, все-таки почти наедине с сумасшедшим, среди ночи... О чем я вообще думала, когда с ним заговорила? Вот так надо было думать. Но этого не было.

Больше скажу – я верила ему. Не то, чтобы в моей жизни на каждом шагу были такие вот встречи, но я всегда ждала чего-то подобного. Знаешь, когда не придаешь значения тому, кем считается или пытается выглядеть каждый встреченный человек, а смотришь сквозь вот это все. И считаешь в его мимике, голосе, запахе, отзвуки облика того персонажа, которого он играет в твоей жизни. Ну, или не играет. Так тоже случалось. Да была бы моя воля, я бы каждую встречу с любимым из окружающих начинала не с: «Привет!», а с просьбы: «Расскажи мне свою историю»...

И Каин начал рассказывать.

* Коварным верность к козням облегчает путь

** Лучше быть обманутым, чем обмануть другого

*** Любовь побеждает всё

«Все, что помню о своем раннем детстве – это ругань родителей. Они постоянно орали друг на друга. Понимаешь, отец всегда считал себя венцом творения. И мать должна была с этим соглашаться, не перечить, поклоняться его воле. Почему? Как ты там любишь шутить? Патамушта.

Нет, на самом деле потому, что Дед так сказал. Они и замолкали только тогда, когда Он появлялся. В Его присутствии только я мог орать и кривляться – ребенок все-таки. Как сейчас помню, Он является такой, и начинается промывка мозгов:

– Покорность и благочестие, дочь моя! Служи своему господину, для которого Я тебя создал!

– Да с какого перепугу-то, Отче? Мы вроде на равных условиях созданы, из одного куска глины? Где твоя хваленая справедливость?

От возмущения рыжие космы матери словно взвивались еще упрямее, щеки разгорались пунцовым, словно Он отхлестал её по лицу, огромные зеленые глаза блестели от слез. Но при них она никогда не плакала. А вот меня не стеснялась. Убегая в кущи со мной на руках, она давала волю своей обиде и выла в голос! Слезы капали на плодородную почву Эдема и возрождалась цветами.

...Люди твоего мира испортили множество хороших точных слов. В своих пустых песнях они часто повторяют: «боль любви», вообще не понимая, что это такое. Если когда-нибудь бессилие помочь родному человеку разорвет холодными крючьями тебе грудь и начнет по кусочку вырывать и жарить сердце огнем ненависти к обидчикам, если вдруг ты охрипнешь от ужаса будущей потери – то и тогда ты не поймешь, что я пережил.

– Я не могу больше так, не могу, – она повторяла это снова и снова, моя первая любимая женщина, мой живой источник, моя жизнь, – все равно мы уйдем. Я не знаю, куда. Ты простишь меня?..

И она заглядывала мне в лицо, просительно, умоляющее, как будто я мог что-то разрешить или запретить ей. И однажды решилась.

Крепко прижав меня к себе, она взмыла вверх. А потом мы оседлали бурю и полетели. Сквозь облака, мимо звезд и планет, к самому краю Вселенной. Я видел удивительные миры, населенные плотскими и бесплотными созданиями, мы останавливались отдохнуть на каждой радуге, мать говорила с дождями и пела с ветрами в голос. Она вплетала зарю в свои рыжие косы, смеялась от счастья, и этот смех свободной женщины отзывался во всех мирах раскатами грома.

– Стой!

Грубый окрик прервал наш полет. У Красной реки путь преградили трое солдат. Дед выслал за нами погоню.

– Он приказал вернуться. Он обещал про-

стить. Не делай глупостей.

– Еще чего!

– Ты же знаешь, возмездие за грех – смерть. Живи в Эдеме, стань матерью всех живущих – что еще нужно, чтобы достойно провести вечность? От тебя требуется только покорность...

– А чем Он думал, когда создавал меня равной? Не он ли вдохнул в меня жизнь, а? Он вложил мне в грудь слишком горячее сердце, не рассчитал, ошибся!

– Осторожно, безумная! Думай, что говоришь!

– Знаете, если меня ждет вечная жизнь в роли прислуги... То для меня нет ничего прекраснее смерти!

– Это твои слова, глупая женщина...

Огненным вихрем они накинулись на мать. Но их пламенные клинки впустую расчертили воздух. Кинув меня, как снаряд, прямо в голову одного из них, она камнем ринулась вниз. Я оказался на руках у младшего из ангелов, Семангелофа. Сеной и Сенсеной погнались было за ней, но их остановил властный окрик:

– Оставьте её! Она избрала себе кару и никогда не получит смерти! Ты слышишь, Лилит?! Никогда!

...Ах, вот в чем дело... Лилит. Все это время, слушая Каина, я не совсем понимала, о ком идет речь.

– Наконец до тебя дошло, – улыбнулся он, – Да, моей матерью была Лилит. Прекрасная, гордая, первая женщина. Потом они стерли все упоминания о ней из своих священных книг. Дед проклял её, ославил на весь мир чудовищным существом, похитительницей младенцев, убийцей нерожденных...

– Подожди-ка. Я что-то такое читала... Она и правда была опасной для младенцев?..

– Опасной... В каждой колыбели она искала того, кого Он отнял. Она искала меня... Ты хоть можешь представить себе, что чувствует женщина, у которой отняли единственную родную душу, её кровь и плоть?..

– Но я читала, что она убивала детей...

– Не смей так говорить. Да, они умирали. Но знаешь, почему? Помнишь, я рассказывал, как из её слез вырастали цветы? Так вот, это стало ее проклятием. С тех пор слезы Лилит дарят жизнь, а поцелуи – смерть. А то, что потом писали о ней Его прислужники... Обо мне ведь тоже кое-что написано, не так ли?

– И это тоже неправда?

– Это половина правды. Ты же не дурочка, и знаешь, что это гораздо хуже полной лжи.

– Расскажешь?

Он улыбнулся и показал глазами на спящего бармена.

4.

– Если ты не против, конечно.

– Что?

– Время притормозим немного?

– А ты и это умеешь?

– Ты тоже. Все это умеют, – произнес Каин так просто, что я разозлилась:

– Опять умничаешь, да? Типа ты такой весь потусторонний...

– Да при чем здесь... Тут ничего сложного нет. Исаак все очень доступно разложил, вспомни его законы динамики.

Пффф... Ничего себе пример! Я, во-первых, школу закончила сто лет назад, а во-вторых, сомневаюсь, что и те годы могла внятно произнести ньютоновские ребусы. Но это я подумала так. А вслух сказала:

– Ну, допустим, я тебя поняла.

Он улыбнулся:

– Ничего ты не поняла. Я тебе просто объясню. Вот ты с горки катишься. Если ты просто ровно сидишь, на чем сидишь, скорость одна. А если ты еще и отталкиваться начнешь – скорость вырастет. Так и со временем. Вы все время куда-то торопитесь, прилагаете усилия, словно отталкиваетесь от бытия. Вот время и идет все быстрее и быстрее.

– Так что, лучше ничего не делать?

– Кому-то лучше. Но ты – не сможешь. Просто не ускоряй так. Чем больше будешь торопиться, тем меньше времени пожить останется. Ньютон это и пытался людям объяснить...

– Криво как-то объяснил...

– Поняли криво. Хотя ... это нормально для людей.

– Ты так говоришь, как будто ты сам – не человек.

– Я-то человек. А вот кем был Авель – это еще большой вопрос...

И я снова обратилась в слух.

Я рос с отцом в Эдеме. Дня не проходило, чтобы я не думал о матери. На пацана мало кто обращает внимание, и по обрывкам разговоров я со временем составил безрадостную картину падения Лилит. Одни видели ее в истрепанных одеждах в преддверии преисподней, другие говорили, что она сошлась с Люцифером и стала демонией, третьи делились подробностями ужасных случайных встреч на задворках Мироздания с безумным существом, в котором от прежней Лилит остались только огромные зеленые глаза. Только сейчас они горели дикой ненавистью ко всему миру. Каждое слово о моей матери, которое я ловил с жадной надеждой, причиняло мне боль. И во всем я винил Деда. А Он пропадал в своей мастерской. Он снова творил, не оставляя попыток создать идеальную Женщину. Которая, впрочем, уже все равно не будет первой, поначалу злорадно

думал я, превратившись за это время во вполне себе взрослого парня.

Ты можешь подумать, почему так долго. А долго шла не работа. А сама идея. Понимаешь, после Лилит Он не хотел еще раз ошибиться. Я рассказываю тебе скомкано, может быть, без тонкостей и подробностей, но Ему эта история тоже нелегко далась. И не только из-за того, что когда ты – Бог, у тебя нет права ошибаться. Ты же еще и страдать не вправе. И плакать. И кричать, проклиная Себя Самого за то, как обошелся со своим же неразумным созданием. Но Ему было плохо, я чувствовал это. И знаешь, меня это не радовало. Хотя, вроде, я должен был испытывать удовлетворение, глядя на то, как Он порой потерянно смотрит куда-то вниз с небесной тверди, а губы складываются в безмолвное: «Лилит...»

А потом Он понял, что именно пошло не так. Ничто извне не годилось. Историю про ребро и все такое ты знаешь. Тут всё правда. Как правда и то, что создав Еву, Дед превзошел Сам Себя. Она была прекрасна!

Он соткал ее волосы из солнечных лучей. В широко распахнутых, светлых глазах плескалось летнее небо. Но это было не главное. Она была потрясающе женственна! В ней сочеталась наивность ребенка и мудрость матери, сила молодой львицы и хрупкость цветочного лепестка, нежность утренней росы и упругая гибкость морских волн...»

Он прервал свой рассказ и внимательно посмотрел на меня.

– Ты догадалась, да?

– Да.

– Не торопись осуждать, дослушай до конца, а потом подумай, вправе ли кто-то судить меня...

– Ты полюбил её, да?

– Я был взрослым парнем. Она – самой прекрасной Женщиной во Вселенной. И, да, напомним, если что – единственной женщиной. Разве могло быть иначе?

5.

– Я был счастлив просто находиться рядом, тайком вдыхать аромат, исходивший от ее волос. Или идти за ней, след в след, прямо по облакам. Счастье было в том, что она говорила со мной, она улыбалась мне. Впрочем, улыбаться она стала со временем все реже и реже...

... Я уже рассказывал тебе, что за сокровище был мой отец. Если бы ему полагалась какая-нибудь диадема первого человека во Вселенной, он бы ее не снимал ни в толчке, ни в постели. Он требовал от Евы беспрекословного подчинения. И, не встречая ни малейшего сопротивления или недовольства с её стороны, расходился все больше. Он, ослепленный своим мнимым величием, не замечал, но она уставала от этого.

Мне было больно смотреть, как она, такая веселая и легкая, становилась все более задумчивой и отстраненной. Я, как мог, старался веселить её, был готов находиться рядом в любую минуту... Но она не искала общества отпрыска своего «господина».

А потом её словно подменили. Он-то, конечно, не заметил. А меня всякий раз бросало в дрожь, когда я видел этот её новый взгляд – уверенный, спокойный, прямой. Если бы я знал тогда, что произошло! О, если бы я только знал!

Она начала общаться с Люцифером. Ну, тебе же не надо объяснять, кто это такой, и что у них произошло. Яблоки-то всякие, бред, конечно. В общем, чем закончилось, ты знаешь. Из Эдема в двадцать четыре часа. Туда где боль, страдания, и всякие остальные презенты моего Деда для непослушных детей.

Вот здесь-то и родился Авель. Белокурый желтоглазый кулёнок, навсегда отобравший у меня надежду хоть когда-нибудь сказать Еве, кто она для меня. Она погрузилась в него, как в море, лишь изредка всплывая уставшим взглядом на поверхность нашего бытия. Отец воспринял это нормально, насколько мог. Попытался по-первости быковать, но ему, видимо, от Деда хорошо прилетело, и он унялся. Я был благодарен Деду, что Он оградил любимую от нападков мужа. И я ненавидел Его за то, на какую жизнь он всех нас обрек.

Мне до сих пор трудно разобраться в своем отношении к Деду. Я пытался не раз, да потом оставил это. Он есть. С этим не поспоришь. Вроде делает постоянно какие-то вещи, которые одновременно и прекрасные, и жуткие. У него есть на все свои мотивы, это очевидно. Но непонятно. Божий промысел, он такой.

Отвратительный Авель рос, со всех сторон окруженный восхищением и любовью. Почему отвратительный? Ну, такой он и был. То жучков наловит, разведет костерок, и смотрит, как они там корчатся, то бабочек. С удовольствием так смотрит... Вот эта черта и вызывала у меня наибольшее отвращение. Однажды Дед его за этим занятием застал, так Авель сделал вид, что это жертвенник. Якобы он на радость Яхве над насекомыми измывается.

Постарше стал, половину живности во дворе передавал. То опять якобы жертву, то еще причину придумает. А как вырос, отец его над стадами управляющим поставил. А мне земля всегда ближе была. Я любил смотреть, как оживают всходами темные полосы перепаханного поля, как завязывается первый плод, чтобы наполниться солнечными лучами и наполнить мою ладонь своей свежей прохладой. Для меня это всегда было настоящим волшебством!

Ну, и цветы. Я засеивал поля и луга в надежде, что однажды Ева посмотрит на них и скажет:

– Ты молодец, Каин! Это очень красиво.

А я отвечу:

– А ты все равно прекраснее.

И она все поймет. Но ничего подобного так

никогда и не случилось.

А случилось вот что. Однажды я уснул в своей постели, а проснулся в Эдеме. Открыл глаза и увидел Деда.

– Нам надо поговорить, Каин. Я никогда не просил тебя ни о чем. А теперь – прошу. Обещай, что не откажешь мне.

– Я так понимаю, выбора у меня нет?

Он замялся, но только на мгновение.

– Ты умный мужик, Каин. И ты знаешь, как я люблю тебя. Но я – Бог. И есть вещи, которые неизбежны.

– Я слушаю Тебя, Яхве.

– Ты должен убить Авеля. Я сейчас тебе все объясню.

6.

Из его горла вырвался смешок, больше похожий на всхлип:

– Должен, понимаешь? Все останутся светлыми, чистыми, а я – предатель, сволочь и братоубийца! И это Он мне, родному внуку, говорит. И потом, ты же знаешь, как я относился к Еве... Убить своими руками её дитя?

Как тебе, а?

– И что ты ответил?

– А что я должен был ответить? «Хорошо, Дедушка, найду на мельницу за мукой, высажу глицинии и убью Авеля»? Разумеется, я Его послал. Я подумал, что Он помешался. Может, старческий маразм и Богов не обходит. Да к тому же это для вас Он – что-то немыслимое, священное или еще какое-то запредельное. А я рос при Нем. К членам семьи вообще, знаешь ли, сложно относиться с трепетом.

– А что потом? Судя по писаниям, тебе не удалось откосить, да? Он тебя заставил? Поразил молнией? Наслал саранчу на твои грядки?

– Тебе не идет сарказм, перестань. Никто меня не заставлял. Он так и сказал: «Ну нет так нет».

– Ну нет так нет... Но... Прежде, чем ты окончательно откажешься, выслушай Меня. Пожалуйста...

Чтобы ты понимала... В этот момент передо мной сидел не Всемогущий повелитель, Громовержец и Властитель судеб мира, а безмерно уставший человек. Я просто кожей ощущал исходившее от Него горе и беспомощность. Таким я Его никогда не видел. Он был такой измученный и родной, что я задохнулся от жалости. И любви. Да, именно в тот момент я понял, что всегда любил Его. Я взял Его за руку:

– Говори...

Словно через силу, с трудом подбирая слова, порой надолго замолкая, Он произнес:

– Идея о создании мира людей пришла ко Мне давно. Но я долго не решался ее воплотить. Все надо было взвесить, продумать, просчитать,

обустроить... Потом эти дураки напишут свой бред про семь дней, – Он невесело улыбнулся, – как будто за семь дней можно создать что-то стоящее! Но Мне ведь некуда торопиться. Еще не создав человека, я уже так любил его, что продумал каждую мелочь, что будет его окружать – одна вода чего стоит! А небо! А все разнообразие Земли! Все, что должно было окружать человека, я наполнил огромной любовью. Я очень старался, правда. Даже на время ослабил контроль над ангельскими войсками, творческая работа взяла верх, не до того было.

Но пускать дела на самотек тоже было нельзя, и Я воспользовался правом Троиединства, объявив всем ангелам и небесным сущностям, что мое Слово и Слово Сына, Иеговы – равнозначны, и наделил Его властью над всем небесным воинством. А что Мне еще оставалось делать? Он был одесную Меня еще до создания ангелов, Он – это Я... Я никак не ожидал того, что последует за этим.

– А может быть есть еще кто-то достойный?

Из сонма ангелов выступил Люцифер. Я не верил Своим глазам. Один из самых прекрасных небожителей, лучший военачальник ангельских войск, предавал Меня.

– Что ты имеешь в виду, Люцифер?

– Я имею в виду то, что не собираюсь подчиняться Сыну Божьему, которого Ты мне предпочел, Яхве. Я достоин лучшего. Будь справедлив.

– Ты должен подчиниться Мне.

– Я. Никому. Ничего. Не должен.

Я поступил справедливо, как и просил этот наглый предатель. Ты, наверное, помнишь эту битву между небесными сонмами, Каин. Мы победили, а Люцифер со своими приспешниками навсегда был отлучен от Моей славы и изгнан с неба... Если бы Я знал, к чему это приведет!

...Я переспросил Деда:

– Как же Ты мог не знать? Ты же – Бог!

– Запомни, Каин. Бог – это Бог. А кукловод – это нечто иное. Не знаю, понимаешь ли ты, о чем я...

– Я понимаю. Так что там с Авелем, Отче?

Он помолчал. А потом, не поднимая глаз, еле слышно произнес:

– Все пошло не так, Каин. Я не виню её, это, скорее вина Адама. Тщеславный дурак, он все Мне испортил... Она была с ним очень одинока и несчастна, бедная, бедная девочка...

Я уже все понял. Но необходимо было, чтобы Он это сказал. И Он сказал:

– Авель – сын Люцифера...»

Я вздрогнула. И в этот же момент дверь кафешки с грохотом распахнулась.

– Привет! А я слышу, тут кто-то поминает меня к ночи, да, Каин? Какая приятная встреча! Я, пожалуй, присоединюсь к беседе. А то вдрут

ты расскажешь не всю правду о том, КТО на самом деле убил Авеля, а? А ведь половина правды, она хуже, чем ложь, не так ли?..

На пороге, прожигая неяркий свет дешевых ламп взглядом желтых глаз с поперечной полоской зрачка, стоял Люцифер.

7.

Ошибиться было невозможно. Самый прекрасный из ангельского сонма, правая рука Яхве, безумец, который захотел большего, чем мог взять и навсегда погиб для Небес, стоял перед нами.

Однако по тому человеческому облику, в котором явился нечистый, обо всем этом сложно было догадаться. Сейчас это был просто вертлявый мужик цыганистого типа, рослый, грубоватый, он напоминал какого-то шкипера из фильма про пиратов. Его выдавал взгляд. А еще тот безотчетный страх, который рос и рос во мне. Он был лишь слабым отголоском того ужаса, который порой испытываешь, когда в твой сон приходят мертвецы или демоны, и ты никак не можешь поднять руку, чтобы перекрестить их и они исчезли.

Так было и сейчас. Рука, пальцы которой уже были сложены щепоткой для крестного знамения, не слушалась, как во сне. С той лишь разницей, что сейчас я не спала.

– Ты серьезно? – он расхохотался, – Вот так думаешь, что перекрестишь меня, и я пропаду? Если бы ты сама в это верила, можно было бы попробовать. И то не в этот раз, – его голос стал похож на бряцанье железных цепей, – я уйду, когда посчитаю нужным. И не бойся. Ты мне не нужна. Я пришел за ним.

– Тебе здесь не рады, – процедил сквозь зубы Каин.

Я перевела взгляд, и поразились произошедшей с ним перемене. Серые глаза горели непримиримой ненавистью, губы были плотно сжаты, так что все произнесенные слова он будто выплевывал Люциферу в лицо.

– Она хочет видеть тебя. Лилит никогда ни о чем не просит, но сейчас она меня попросила...

– Я не знаю никого с таким именем, – сплюнул Каин.

– Твоя мать...

– У меня нет матери! – резко вскинулся мой ночной собеседник.

Он вскочил и подошел к Люциферу. Я поймала себя на мысли, что сейчас он напоминает не выдавшего виды путешественника в вечности, а обыкновенного подростка. И удивилась, что раньше не замечала, как он юн. Широкие ладони земледельца сжались в кулаки, но в них не чувствовалось силы. От него исходила волна боли, обиды и отчаяния такой силы, что мне захотелось хоть как-то защитить его. Но проронить хоть слово я не решалась.

– Ты не должен так говорить, Каин, – начал было нечистый, но тот перебил его:

– Ты меня воспитывать будешь, да?! Ты за- был, кто ты и кто я? Асмодея своего воспитывайте... Вместе с этой...

Я не верила тому, что слышу. Каин так резко и грубо сейчас говорит о Лилит, словно не он только что рассказывал о том, как любит её. Или любил?... Или... Да что вообще происходит-то?!

Мой внутренний вопль был услышан. Оба повернулись ко мне.

– А происходит то, что никакого Авеля наш герой не убивал, – ослабился Люцифер, – нет, он хотел, конечно... После разговора послушный мальчик уже бежал исполнять прикаа-а-а- аз...

– Замолчи! Ты все врешь!

– А я иначе не умею. Кто тут у нас Отец лжи, а? – паясничал Сатана. Он уже взял в баре и откупорил себе бутылку водки.

– Не так все было.

Мы вернулись к столу уже втроем, и Каин продолжил рассказ:

– Это был долгий разговор, очень тяжелый для нас обоих. Я, когда узнал, что Ева, моя чистая, светлая Ева пала жертвой этого предателя, вообще не знал, как жить дальше. Мне было все равно, что теперь будет. Я ненавидел одновременно всех. Деда, который должен был это предвидеть и предотвратить. Отца, который загнал её в такую бездну женского одиночества, что она открыла свое сердце проходимцу. Себя, так и не сумевшего рассказать ей о своей любви и защитить.

Авеля? Вот к нему ненависти не было. Нет, я никогда особенно его не любил. Просто со временем научился принимать как неприятную данность. Ну, вроде как какую-то мерзкую жирную муху на цветочном стебле. Он, кстати, был даже похож немного не то на такую муху, не то на свинью. Вечно торчал на своей живодерне: руки в крови по локоть, мухи по фартуку елозят туда-сюда. Они его любили. Так вот я о чем. Муха нам досаждала, но мы же её не ненавидим...

А тут – убить. Почему я согласился? В первых, доводы были весомые... Ну, прикинь, что было бы сейчас с людьми, если бы Авель разнес по свету свое люциферово семя? А вторых, от всего, что я узнал, впервые в жизни мне захотелось убить. Все равно кого.

Дед умел убеждать. Он говорил о высокой роли, о неизбежности того, что предначертано. Хотя, напоминая Ему о том, кто, собственно все это предначертал, я не раз и не два просто порывался уйти и предоставить Ему все разгребать. Бог, как-никак. А Он все:

– Да пойми ты, кроме тебя, некому...

Когда Он понял, что я, без всякой радости (ты не слушай, что тут этот говорит!), согласен, то рассказал Свой план. Мы с Авелем должны были принести Ему традиционную жертву. Тут

все было как всегда: я – принесу лучшие плоды, Авель прирежет кого-нибудь пожирнее из стада. Мы так обычно делали, и всякий раз жертва признавалась равноценной. А как может быть иначе? Оказалось, может.

– В этот раз я его жертву приму, а твою сочту недостойной, – сказал Дед.

– Стой. А как это будет выглядеть? По-Твоему, земледелие не стоит труда? – спросил я. – Это же потом пророки увидят, в Книгах напишут...

– Не думаю, что кто-то будет особо над этим задумываться. Повелим все на веру принимать и не обсуждать, да и все... В конце концов, я Бог или где?..

После того, как моя жертва будет отвергнута, мне надо было кинуть в брата... ой, прости, все никак не привыкну... В Авеля, в общем, камень. В голову. И с ним будет покончено, это Дед уже брал на контроль. На том и порешили.

...С тяжелым сердцем я возвращался на Землю. Мне даже приходила мысль разбить о камень свою собственную голову... Встречаться с Евой я избегал, не было сил видеть её перед тем, что я собирался сделать.

В назначенный день ничего не предвещало того, что потом случилось. Все было, как мы условились – мы принесли свои жертвы. Жертвенник Авеля к утру был пуст, а мои подношения остались на месте. Я взял камень потяжелее и отправился искать брата. Ну вот, опять братом его назвал.

Я нашел его. Не так, как предполагал. Авель, всегда такой полнокровный, просто пышущий жизнью и животным весельем, лежал у своей скотобойни бездыханным. Он выглядел так, словно жизнь из него выпустили, как воздух из шарика. Он лежал на боку, вытянув губы, как теленок, нелепо вскинув руки, словно пытаясь что-то удержать. Я посмотрел в ту сторону, куда он уже никогда не сможет дотянуться. И увидел тающий вдали женский силуэт. Над развевающимся небесным шелком её накидки предательски колыхалось пламя волос. Это была Лилит. Моя мать, подарившая Авелю его первый и последний в жизни поцелуй. Поцелуй со вкусом смерти...»

Молчание, которое воцарилось после этой фразы, длилось целую вечность. Так мне показалось. Присутствие Люцифера уже не пугало меня. Сомнения, эмоции, вопросы – все это наполняло меня и вытесняло все остальные чувства.

Молчание нарушил Люцифер:

– Постарайся её простить. Она не ведала, что творит...

– Это невозможно. Такое невозможно простить, как ты не понимаешь? – Каин говорил без прежнего раздражения, а как-то устало и обреченно, отчего фразы звучали еще более безнадежными.

– Ты неправ. Все можно простить. Не этому ли учит Яхве? Я же простил её за сына... В кон-

це концов, она тут ни при чем, поверь...

– Не поверю. Она сама пришла и сделала это.

– Ошибаешься. Это я её заставил...

Каин внимательно посмотрел на Люцифера.

8.

...Думаю, пришло время признаться. Знаете, почему я крайне редко соглашаюсь на реальную встречу с теми, кого до этого знала лишь по переписке в интернете? Да потому, что устала ошибаться. И никому не советую наступать на мои грабли. Потому что в любом из подобных случаев нас ждет разочарование, причем с обеих сторон. Мы фатально не соответствуем созданному в соцсетях образу.

Просто нет ничего сложного в том, чтобы сделать сотню-другую удачных фото, запостить их, сопроводив глубокомысленными посланиями к миру. Так появляется личность, не имеющая никакого отношения к реальному человеку, который его создает. Более красивая, более успешная и интересная. Были пару раз счастливые исключения из правил. Но вам может так и не повезти. Да-да...

К чему я, собственно?... Да к тому, что все мои предыдущие представления о нашем внезапном третьем собеседнике тоже были сильно преувеличены. Итак, Люцифер в настоящей жизни мало походил на привычный образ падшего ангела, Князя Тьмы и еще чего-то там. Сейчас это был обычный потрепанный мужик, сильно пьющий и несчастный, как все алкаши. Не без следов былой красоты, и, конечно, вполне себе обаятельный. Но на этом – всё. Таких в моей жизни и без него было предостаточно, поэтому первоначальный трепетный страх перед ним прошёл довольно быстро.

Первую бутылку он прикончил в несколько заходов, не прибегая даже к помощи стаканов, в изобилии стоявших за барной стойкой, глотал барное пойло по-мужицки, из горла. Да, впрочем, и вел себя соответственно...

– Что смотрите? А? Не нравлюсь, не нравлюсь, да-а-а... Я же – кто? Я – зло... Я – дрянь вообще, плохой, плохо-о-ой... Ко мне же похорошему нельзя. Что бы я ни делал, я всегда неправ...

И, главное, я что, многого хотел? Справедли-во-сти! Правды, чтоб все по-честному, да... Но ведь Его слово – закон. Его слово – оно выше правды... И справедливости...

Да я не о себе сейчас... Вот как Он с ней поступил? А? Это нормально вообще?... Создал, жизнь вдохнул, а чуть не по Его, пошла вон, слеплю другую, новую, послушную... Это что такое вообще, а?..

...Она не жаловалась, не-е-е-е... Кто угодно, только не она, что ты... Я её нашел в Ультима

Туле, на каких-то задворках вселенной... Потерянная такая. Но го-о-о-ордая! Измученная, но не сломленная, она была прекрасна.

Вообще со мной говорить не хотела. Презрение такое, брезгливое даже, она источала на расстоянии. Меня, наверное, это и зацепило, что ли. Ни страха, ни ненависти... Будто я червяк, слизень, который упал на подол её платья. Обидно, я ведь не последняя тварь... Хотя, да, есть на это и другие мнения.

Вот ты только не подумай, что я её пожалел, хотел спасти, а то начинаешь тут проникаться. Сочувствуешь, да? Ты дура, как и все человеческие бабы, впрочем. Она была нужна мне. Как оружие. Чтобы этот ваш Яхве узнал, что даже со мной ей лучше, чем под Его так называемым Отеческим кровом, хах... Таким, как я, знаете ли, очень больно проигрывать. А это был бы проигрыш. Его проигрыш и мой триумф.

Все оказалось сложнее. Она отвергала мое предложение стать на мою сторону не один раз. Измученная, лишенная славы, одинокая, она так и не сломалась...

– Сломалась же, – отозвался Каин, – чем ты её купил? Сколько стоят её убеждения, её честь, а?

Он говорил спокойно, но костяшки на его кулаках побелели, а слова, которые он цедил, почти не разжимая губ, звучали глухо и напряженно. Люцифер ухмыльнулся:

– Я знаешь, что больше всего в людях люблю? Вы всегда готовы к осуждению, вам плевать на мотивы и тонкости. У каждого для своего ближнего готов приговор, замешанный на эгоизме, зависти, похоти, глупости... Вот что вами движет. Откуда и зачем вам понимать друг друга, правда?

– Не философствуй, Люцифер. У тебя плохо получается, – с нетерпением бросил ему Каин.

– Нет уж, ты дослушай, парень, – Люцифер снова преобразился, из развязного его тон стал повелительным и угрожающим. С нами говорил тот самый Князь Тьмы, в котором не было ничего от опустившегося алкоголика.

– Я тебе расскажу все, а ты уже решай, как быть. Есть в тебе смелость хоть что-то решить самому, а, Каин?

– Я не желаю знать твоих грязных подробностей. Она выбрала тебя, хотя Яхве не переставал её ждать, я уверен. И Он бы принял её...

– Ты ошибаешься. У тебя все хорошие, да? Так вот, твой Дед не такой идеальный, как ты думаешь... Она пришла ко мне как раз после того, как Он её прогнал... Он толкнул её ко мне, как часто делает с людьми. Его упрямство, Его желание во что бы то ни стало настоять на своем, сделали Лилит из Божьей дочери Царицей Темного мира... И знаешь что? На все ведь Его воля, как бы ни противно мне было это говорить. Он просто выровнял баланс Добра и Зла.

– О чём ты говоришь?

– Она была у Него. Она пыталась вернуться,

говорила с Ним...

– Ты врешь! – закричал мнимый братоубийца.

– Тссс... – Люцифер понизил голос до едва слышимого. От этого каждое слово, как звук басовой струны, заставляло содрогаться все внутри меня, – А ты понимаешь, чего ей это стоило? Ей, смиренно вернуться, как блудной дочери, не чувствуя за собой никакой вины,

прийти и просить о прощении?! Он унизил её впервые, изгнав из Поднебесья, потом – создав Еву взамен, а потом – прогнав еще раз...

– Я не верю тебе...

– Верись. Ты не хуже меня знаешь своего Деда...

Продолжение следует...

ПОЭЗИЯ

Для счастья многого не нужно

Полина Акимова

Вы ездили в поезде осенью,
Когда не жара, а холодно,
Когда небо плачет моросью,
Смывая все краски города?

И ты с той дождливой осени
Заходишь в вагон уютный,
Здесь нет неприятной мороси,
Здесь тихо, тепло, многолюдно.

Рандомные люди в попутчиках,
И запахи тоже разные:
Там кто-то хрустит огурчиком,
Тут пахнет варёными яйцами.

И лёжа на верхней полке,
Преодолевая дистанции,
Поймёшь: у каждого в поезде
Свои любимые станции.

Утро. Примерно четыре часа.
Где-то на крыше под тусклыми звёздами
Кто-то проснулся от света в глаза,
Жара иль кашля, забитого носа.

Очень поможет в четыре часа
Плед, чашка чая с мёдом, лимончиком.
Пусть и не станут слипаться глаза,
Но полегчает заметно, вот точно.

Утром, примерно в четыре часа
Мысли купаются в солнечном свете.
Весь город спит под остатками сна,
Что-то им шепчет: «Друзья, не болейте!»

Вдохновение приходит ближе к вечеру,
Не когда тебе особо делать нечего,
А когда ты занят чем-то важным,
Список дел как дом многоэтажный...

Вдохновение, оно непредсказуемо,
Иногда его пропажа неминуема.
Но, наверное, оно подобно счастью,
Появляется, уходит в одночасье...

Замер весь дом...
Время четыре,
Мысли о мире,
Также о том,

Стать бы котом,
Ешь, высыпайся,
Не напрягайся,
Любит весь дом.

Двое не спят...
Часто вздыхая,
В чашечке чая
Ловят свой взгляд

Я и мой кот,
Тихий психолог,
Что моё слово
Не выдаёт.

Однажды вечером холодным
При сильном ветре и дожде
На чердаке нашла я домру,
Решила взять её себе.

Она была покрыта пылью,
Имела лишь одну струну.
Струне мешала паутина
Пронзить сплошную тишину.

Домрёшка тихо мне шептала
О том, что раньше было с ней.
Как здорово она звучала,
Была нужна... А что теперь?

Теперь она в углу пылится
И никому уж не нужна.
И грустно ей от этой мысли,
И страшно, ведь совсем одна...

Достав угасший солнца лучик
Из лап крошечной темноты,
Под слоем тьмы песков зыбучих,
Мне показались вдруг цветы.

Почистив домрочку от пыли,
Купила вскоре три струны.
Вдруг мысль: а если зря всё было?
И звуки ей не суждены?

Но вот передо мною домра,
Она как новая на вид,
На ней все струны тоже новые,
И с ними домрочка звучит!

Она поёт о том, что грустно
Жить в той крошечной темноте.
Что хочет частью быть искусства
И просто радовать людей!

Спрятались звери и птицы,
В окнах кружат бураны.
«Надо бы спать ложиться,
Завтра вставать рано», –
Тихо шептала мама,
В люльке дитя качая.
А на столе остывала
Кружка горячего чая.
В этой избушке жили
Мир и добро с любовью.
Эти друзья не боялись
Вьюги, метели злобной!

Передо мною чистый лист бумаги,
На нём могу весь мир изобразить
Без волшебства, без чёрно-белой магии,
Лишь карандаш запустит свою нить.

И заплетают разные узоры,
Родится музыка, а может быть стихи...
Есть белый лист, воображения горы,
Которые до звёзд недалеки.

Для счастья многого не нужно,
Ведь счастье – это дом родной,
Где вся семья встречает дружно,
Друзья, что рядом в дождь и в зной.

Не нужно счастья и внимания,
Ему приятна тишина...
Кричать о нём оставь старания,
А наслаждайся им сполна!

С чем ассоциируется осень?
Это риторический вопрос...
Для кого-то осень – это просто
Школа. Тёплый шарф, что греет нос.
Для кого-то осень – это дождик,
Что оставил лужи там и тут,
По которым, ветром потревоженные,
Листики-кораблики плывут.
Осень – это также чашка чая,
Чтение книг и тёплый мягкий плед.
И мелодии дождя внимая,
Понимание – сезона лучше нет.
Осень – это звук виолончели,
Жёлтый листик клёна в рюкзаке,
Первоклашки с бантиками белыми,
Что несут букет цветов в руке.

Корни

Зинаида Корепанова

Пишу не так давно. Вдохновило то, что всей душой люблю свою малую родину, деревенских жителей – искренних и простых. Также мне близка тема Великой Отечественной войны, пишу о ветеранах, которых много в нашей семье.

Деревня, видите ли!.. Да там один воздух чего стоит! Утром окно откроешь – как, скажи, обмочит тебя всего. Хоть пей его – до того свежий да запашистый, Травами разными пахнет, цветами разными...

Василий Шукшин

На своей земле всё родное. И избы, и люди, и простор. Всё дышит правдой и простотой.

Здесь родились, женились, детей народили. Сюда сейчас их дети шлют приветы, приезжают уже со своими детьми. Тянет к родному дому.

Веками копилась мудрость. Как жить, как совесть сберечь, как уметь дорожить поистине дорогим, не обижаться и никого не обижать.

Счастливы по-своему. Жизнь в деревне неспешна и порой созерцательна. Благодатный дух витает над всем.

Соседи. Вроде и живут тут веки вечные, а всё равно есть о чём поговорить.

Не отпускает земля, здесь всё милое, близкое, до боли родное.

Что у них на душе... Но именно они держат деревню. Живёт надежда, может, возродится деревня.

Будто дали люди когда-то себе слово – не уставать! Да так и живут – не уставая. Это их закон жизни. Испокон веку кормили себя рекой и землицей. Река давала рыбу. Земля – покос, кар-

тошку. Грибы, ягоды.

Колхоз рыбацкий был. От того и жили. Коров, лошадей много было. Молоко, сметана, масло – своё. В хозяйстве держали овец, птицу.

В лихую годину выстояли. Вроде и далеко был фронт от деревни, а беда коснулась всех. Русский солдат не привык прятаться от пуля. В атаку шёл в полный рост. Вот и косила смерть. И опустошила война тихую деревеньку. Немногие вернулись. Горсточка. Какие тяжёлые раны война нанесла. Казалась деревенька словно птицей подбитой. Но поднялась, окрепла.

Привыкшие к труду, живут на родной стороне добрые, искренние люди. Не ломая устоявшую деревенскую жизнь, живут с радостью и надеждой.

Чем больше вижу изощренного,
Тем больше очаровываюсь простым.

Анна Ахматова

Мой брат Корепанов Николай Степанович всю жизнь живёт в деревне Андег. Никуда переезжать и не собирается, даже если закроют её когда-нибудь, официально, как говорит он. Для него это не просто слова, здесь жили и трудились предки. Отсюда воевать уходили. Будто корнями и он врос в свою родную сторонушку. Не отпускает она его. Ставит сетки на озере, ловит рыбку. Угощает соседей, кто на лето приезжает погостить в родительские дома. Живёт деревенскими заботами.

Светлана Валериевна Корепанова. Во всём поддерживает мужа. Работает она в детском саду. Председатель клуба общения пенсионеров. Председатель избирательной комиссии. Поёт. Участвует вместе с другими активистами в спортивных соревнованиях не только на селе, но и в других населённых пунктах. Водит «Буран!» «Есть женщины в русских селеньях!» – это о них Некрасов писал.

Хабарова Ольга Афанасьевна – медик на селе, с солидным стажем! Несмотря на занятость, никогда не стоит в стороне от того, что проводится в деревне, будь то конкурсы или соревнования –

всегда пожалуйста!

Сосед, Хабаров Сергей Васильевич, также любит свою малую родину. Заходят они друг к другу в гости чайку попить, о делах поговорить. И расходятся по мирским занятиям. Помогают друг другу во всём. Так и дружат семьями.

Лунёва Вера Геннадьевна. Зимой нянчится с внуками в городе, а по весне спешит домой, в родной Андег! И нет для неё милее края! Пока не выезжала в город, заведовала в местном клубе музеем. Знает практически всё о своих земляках! Историю, события.

Пескишева Нелля Викторовна всей душой

прикипела к деревеньке. Активная в жизни села, инициативная, неунывающая! Работает в библиотеке, любит своих читателей от мала до велика, проводит с ними интересные творческие встречи.

Балакин Михаил Петрович! Мастер на все руки! В их уютном доме, в огороде, на даче всё сделано его умением. Немногословный, скромный труженик.

И многие-многие другие равнодушные люди, чьим трудом и живёт деревенька. На них и держится! Они её гордость, надежда!

ПРОЗА

Размышления

Махпрат Мухиддинова

говорю эмоционально и возбужденно (от этого устаю я сама, и другие), не умею остановиться вовремя. Ко всему ещё не всегда получаю удовольствие от того, что говорят люди.

2008

В детстве часто бывала в горах, на нашей пасеке. Я ложилась на прогретую солнцем траву и погружалась в волшебные звуки земли: жужжание пчел, мерное гудение шмелей, чирикание и стрекот птиц. Я слышала шелест травы и шум листвы, весь неутомимый гомон, дававший абсолютное чувство безмятежности, безопасности, мира и покоя, где нет места насилию, войне и смерти. Это был счастливейший и надежный мир, где я хотела существовать всегда!

До сих пор эти звуки связаны для меня с миром и покоем. Много позже, скитаясь по тундре маршрутами, в минуты отдыха, ложилась на траву и смотрела в синее-синее небо с огромными белоснежными глыбами облаков, слышала, как тихонько убаюкивает меня Тундра шепотом трав, ласковыми лучами солнца, нежнейшим прикосновением ветерка. В такие минуты я была по-настоящему счастлива! Меня отпускало напряжение, сжимавшее сердце, которое всегда присутствует, когда находишься среди людей. Тундра давала мне умиротворение. Я вставала и видела горизонт, она, ко всему ещё, одаривала безграничным пространством, наполненным благодатью!

Я давно поняла, что человек не может быть счастлив по-настоящему среди людей. Надо хотя бы время от времени оставаться наедине с «другим» миром, и тогда он даст то, чего не может дать ни один человек!

Родилась в городе Узгене Ошской области Киргизской ССР. В 1974 году окончила Ташкентский геологоразведочный техникум, работала в разных геологоразведочных экспедициях, в том числе с 1977 года лаборантом-коллектором в Нарьян-Марской нефтегазоразведочной экспедиции, техником-гидрогеологом в Тиманской комплексной поисково-съёмочной, в Канинской геологоразведочной партии. В 1998 году в связи выработкой геологического стажа и распадом экспедиций вышла на пенсию. С 2010 года и по сей день пишет для души.

Из цикла «Размышления»

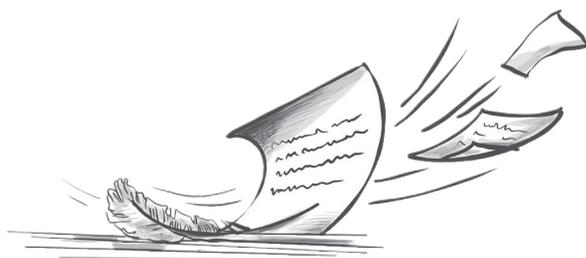
2006

Геологию в свое время я выбрала для того, чтобы быть подальше от человеческой суеты. Я чувствую себя спокойной и свободной только среди гор, тундры, лесов – там, где минимум людей. Я люблю общаться, рада любому интересному человеку, но все же больше люблю уединение. Мне не нравится, как я общаюсь с людьми, из-за этого ощущаю дискомфорт. К моему сожалению, делаюсь многословной,

Я ощущаю дыхание Ветра Перемен. К каждому может постучаться Ветер Перемен – в любой час, в любое мгновение! Никто не знает, что он принесёт, и куда унесёт нас. Ясно одно – он может жизнь нашу повернуть Вспять, может заставить начать с Чистого Листа. Возможно, Ветер Перемен возникает от импульсов, вызванных нашим потаённым желанием о Переменах? Может быть... Мне очень тревожно и даже страшно! Что меня ожидает?! Трудно оторваться от того, во что пророс глубочайшими корнями – Привычной Жизни. Ветер Перемен всё крепчает и пытается вырвать меня с «мясом» и «кровью» от моей Прежней Жизни. Я не хочу ничего менять, если даже многое меня не устраивает в моей Нынешней Жизни! Пусть всё остаётся, как Прежде, я прошу тебя, Ветер Перемен! У меня нет ни Сил, ни Желания, ни Времени начинать всё с начала, я и не знаю, с чего начать! Любые Перемены – это Движение Вперёд, а я уже привыкла Стоять, и мне так Удобно! Удобно жить Одним Днём, а Жизнь всё катится и катится Вниз... Но Ветер меня не слышит, и я всего лишь Песчинка, подхваченная его Порывами. Что меня ожидает? Может, меня выбросит на Пустынный Берег, и только холодные волны Отчаяния будут плескаться у руин моей Прежней Жизни? А может, меня занесёт на Волшебный Остров, где сбываются Мечты и осуществляются Надежды? Может, у меня появится Желание что-то изменить в Себе и начать всё с начала, даже если Времени осталось не так много? Я не знаю... Только знаю, что если хочу быть полноценно Счастливой, а не довольствоваться тем, что есть, то должна пройти через Боль. Таков мой удел – Новая Жизнь только через Страдание! Не всем Судьба даёт лёгкие Пути к счастью. А есть ли у меня Выбор или мне уже уготованы Неизбежные Перемены? Может, на Небесах решили перекроить Мою Жизнь для каких-то Целей? Мне остаётся только Ждать... Меня ещё одно гнетёт – только у Избранных Страдания и Боль заканчиваются Счастьем. Я же могу только Надеяться на Лучшее под завывание Ветра Перемен.

Утром возвращалась с работы. На улице мороз минус 20 градусов. Неторопливо шла по притихшим улицам с сонными домами. Небо надо мной раскинулось чистое, ясное, предвещавшее стойкие морозные дни. Все деревья были в пушистом инее, что делало всё вокруг праздничным, вселяя радостные ощущения. Дома было тепло, чисто и уютно. На кухне я пила чай и смотрела в окно, на привычный пейзаж. На душе было удивительно спокойно, умиротворённо, что нечасто случалось. Я думала о том, что вот такие моменты – есть один из ликов счастья. Вроде бы ничего не болит, не одолевают грустные думы, у детей всё в порядке, всё идёт своим чередом. Вот только старший сын приболел, что тревожило немного сердце, но, то была очередная простуда, поэтому дав ему кое-какие советы, я успокоилась. Средний сын вернулся из поездки, а младший вроде бы взялся за новое дело, которое может оказаться для него успешным, а может, и нет, но он работал над ним. У моих родных тоже было, как всегда: радости и проблемы стабильно чередовались, что было обычным делом. Выпадающие огорчения были не настолько сильными, что давали мне силы и возможность относиться к ним философски. Я читала хорошую книгу, смотрела полюбившиеся скандинавские сериалы, да и наши попадались очень интересные, что не могло не радовать. Этот год заканчивался без долгов, хватало денег на всё, что было мне необходимо. Новый год сулил интересные события, новые путешествия, что не могло меня не радовать. И вот в такие редкие минуты умиротворения я действительно ощущаю себя счастливой. Именно чувствую. Дело в том что человек, даже находясь «внутри» счастья, в круговерти буден, время от времени, может чувствовать себя не очень счастливым. А такие мгновения, как сегодня – это как озарение, когда сознание приходит в себя и фиксирует такие вот чудесные состояния. Нам следует чаще «просыпаться», отгоняя сонные мороки, делающие нашу жизнь иллюзорной и безрадостной.

Раздёрни шторы

Любовь Гурбо

Родилась в Нарьян-Маре. Пишет стихи и мини-картины, играет в театре.

Вошла в число победителей литературных конкурсов «Огонь вдохновения» (г.Вологда), «Степные всполохи» (Ростов-на-Дону), «Собака Керуака» (Санкт-Петербург) и др. Автор циклов тематических «осьмушек».

Живёт в г. Тверь.

Моих бабушек зовут
Ядвига
и Лидия.
Моих прабабушек звали
Елена,
Елена (ну так уж получилось),
Евлампия
и Павла.
Много редких имён,
не правда ли?
Эти красивые сильные женщины
дали мне
кто скулы,
кто носик,
кто ямочки,
кто трудную черту характера.
Каждая – что смогла.

Мой дед
Геннадий Тимофеевич,
лицо которого я помню
до мельчайших подробностей,
носил фланелевые рубашки
в клеточку
и умело ставил сети на рыбу
в холодных водах Печоры.
Мой дед
Владимир Андреевич
рисовал оленей на ковриках —
вот откуда моя предрасположенность
к наивной живописи.

К своему стыду,
я почти ничего не знаю
о своих прадедах,
кроме одного —
Широкого Ивана Ивановича,
стигнувшего без вести
в аду Сталинграда.

Я не знаю,
как мои предки любили,
как бывали счастливы,
как страдали от одиночества.
Я лишь чувствую,
что их кровь во мне
требует продолжения жизни,
триумфа её преемственности.

Я делаю всё,
что могу,
дорогие мои.
Я делаю всё,
что в моих силах.

Зачем на сонном перекрёстке
июльский дождь меня настиг?
Зачем упрятал под берёзку,
зачем навёл меня на стих?

Затем, чтоб врезалось навеки —
не в память, в сердце — всё, как есть:
снопы заплаканных рудбекий
и радуги благая весть.

Топлёная, томлёная пора
загара, земляники на ладони,
кладоисканий, звуков топора,
рыбалки, молока в большом бидоне.

С утра воюют мухи у стекла,
в дверном проёме пляшет занавеска.
А бабушка ватрушки испекла
и самовар начистила до блеска.

Выскальзываю тихо со двора,
по сполохам из жёлто-синих пятен
бегу, где ловит раков детвора,
и бег от предвкушения приятен.

Нагревшееся яблоко в руке
(«возьми-ка, моя девонька, пожуй-ка»);
меж зарослями скачут по реке
светящиеся золотом чешуйки.

И видится мне словно наяву
за каждым поворотом кругосветка,
и вдруг – протяжный хлёт,
и я реву,
что щёку оцарапывает ветка.

Премудрый золотой сосновый бор
учил меня искусству
остановки:

он приметал к небесно-голубому ситцу
новёхонькие буфы-облака,
угомонил на ветке птицу;
густой слезой забальзамировал мурашку,
заколдовал под сапогами
мох и деревяшку –
ни звука, ни движения кругом.

Лес выдохнул душистой тишиной,
и время замерло - секундная заминка...
Но бесконечностью блеснула паутинка
передо мной.

Пейте августовские одёнки,
пусть они и с привкусом дрожжей!
Что это за кофточки-куртёнки?
Нам ещё зимой играть в моржей!

Чувствуйте касанья паутины,
жмурьтесь, забыв надеть очки!
Завтра же отпразднуем крестины
осени! Зажарьте кабачки!

Октябрь. Хочется в глубинку,
где ещё помнят старики
золотошитую тропинку
к измятой скатерти реки,
чтоб ощутить земли движенье
и вновь поверить Шукшину,
в реке увидеть отраженье,
в себе услышать тишину.

Синица

Я не помню,
когда это случилось,
какой стоял месяц,
насколько опустилась
температура воздуха,
и выглядывало ли в тот день
солнце.
Знаю только,
что это было
невнятное межсезонье,
навроде безвременья.
Арка того здания,
что я называю своим домом
всасывала в себя воздух,
картинно развевая волосы тех,

кого я называю своими соседями.
И вот в этой самой арке,
в этом гулком воздуховоде,
исчёрканном e-мэйлами
наркодилеров,
в завихрениях песка и фантиков,
населяющих, наверное,
все арки мира,
на асфальтовой простынке
лежала мёртвая синица –
маленькая, сухенькая,
совсем целая и аккуратная
(не похожая на раздавленного колесом голубя),
до странности хорошенькая –
ну, прямо винтажная брошечка –
жёлтая с синим,
как нас и учили на природоведении
в начальной школе,
но только мёртвая.
Мне захотелось взять её в руку
и удостовериться,
что она почти ничего не весит,
но что-то помешало:
то ли брезгливость,
то ли нежелание
прослыть чудилкой
в глазах «соседей».
И я так и не удостоверилась.
Но теперь-то я точно знаю,
что она весила гораздо больше
и перевешивала
всё наше будущее.

Ода

В твоём жилище есть всего одно окно.
Оно же дверь. Оно же вóрота каёмка.
Твой дом как платье, известковое сукно,
Внутри – душа, и для чужих она – потёмки.

Не зная кодов и платоновских идей,
Ползёшь со скоростью вишнёвого налива.
За что, в отличие от суетных людей,
Тебе досталось счастье жить неторопливо?

Случись хоть язва моровая, хоть падёж,
Ты не покинешь крепостные стены свитка –
Ты в нём без боли и смятения умрёшь,
Не выдав тайны безмятежности... Улитка!
Ты прекрасна!

В румяных родинках изюма и цуката,
как средоточие того, что не постичь,
овеян запахами цедры и муската,
во свете нимба на столе стоит кулич.

Пахучей свечки язычок танцует зыбко,
сжигая бархатного сумрака отрез,
кровинка воска набегает на посыпку,
и я шепчу куда-то вверх:
Христос Воскрес!

Уложи меня спать. Уложи
нагишом в просмолённую шляпку.
На борту позывной укажи –
назови хоть Любовью, хоть Любкой.
Будет жизнь, как и лодка, хрупка,
но Фортуне не стану обузой.
Положи мне в улитку пупка
самородное семя арбуза
и доверь меня добрым ветрам,
лишь бы с ними пришли перемены.
Пусть несут меня вдаль к осетрам.
Да чего уж – за край ойкумены!
Я вернусь, обгоняя муссон,
одичаю сильнее, чем Крузо.
Я вернусь, когда сбудется сон.
Когда выношу семя арбуза.

Утилизация

Поцарапанные пластинки.
Частенько заедали,
выброшу.
Нет, повешу на стену.

Бестолковые снимки,
сентиментальные смс.
Удалены
в приступе лютой нежности.

Мягкие воспоминания.
Сортирую долго,
скрупулезно.
Перебираю как пшёнку
или какую-нибудь другую гречку.
Забракованные –
прокачать.

Вороха слов –
невысказанных,
ненужных,
неприкаянных –
уложены стопками,
перетянуты фитилями.

Завтра пошарю палочкой в золе.
Не найдётся ли
под ворсинками пепла
оловянного сердечка?

Прощальное слияние
двух имён
существительных,
существующих порознь
вчера и завтра.
Крепостная близость
плотно пригнанных плит,
корешок цветка
ниткой между ними.
Пагубные движения
губно-губных
и прочая анатомия

поцелуя.
Ускользание.
Влажный побег
рыбьего хвоста из ладони.
Касание илистого камня
пальцами ноги,
незамедлительная судорога.
Потеря и обретение.
Вот и всё, что следует помнить
на момент пробуждения.

Дом

Необжитым
снаружи кажется
мой дом.
Огонь свечи
в окошке ёжится
одном.
Меж тем внутри
отчаянная
толчея.
Упал бы духом –
некуда!
Семья.

В предчувствии полярной ночи

Когда малиновое солнце
в румянце вызревшей морошки
под властью северных пропорций
– на дёгте неба мёда ложка –
взойдёт над снежностью селенья,
в оконных стёклах отразится,
в глазах закатится оленьих
и в чёрной звёздной рукавице
уснёт как будто бы навечно,
храня лучи свои до лета,
тогда знакомый край заречный
мне станет диким краем света!

Под новым снегом оробела и не сетую.
Дивлюсь морозному танцующему хлопку,
снимаю пробу. Словно вырезку газетную,
я этот день сложу в прозрачную коробку,

где тучный шмель гудит на пике летней
спелости,
бумажный ангел выпадает из хлопушки,
и ослепительна в своей окаменелости
навекы спит между листов блокнота мушка.

Снег пришёл

Раздёрни шторы! Видишь? Ложится первый
снег –

Свежий,
Желанный,
Нежный,
Творожный...

На белом безупречном оставил человек
Следов косицу серую. Ходите осторожно,
Товарищи!

В седой финифти неба исчезли скаты крыш,
Листья,
Кормушки,
Плечи,
Беретки...

Загадочно снаружи. Ты призрачно молчишь.
Тигрицу белошёрстую увидела на ветке?
Придумщица!

Слой снега истончился быстрее облаков,
Ветром
Истреплен,
Солнцем
Засвечен...

А хочется, как в детстве, лепить снеговиков.
Давай в края ненецкие, где снег почти что

вечен,

Отправимся!

Берегите ребёнка в себе

Загляну в глаза ребёнка, чтоб увидеть светотень,
миг назад в них стыли слёзы, а теперь цветёт
сирень.

В странном мире скучных взрослых – грозных,
лысых и больших –
все предметы как шкатулки. Что за тайны
скрыты в них?

Ралли, горы, парашюты, галактический
десант –
всё ничтожно по сравнению с первой вылазкой
в сервант.

И пока никто не видит, можно в кухне поиграть,
а зачем иначе было всю посуду покупать?

Раскричатся мама с папой, и придётся слез
полить,

но курносого «Колумба» этим не остановить.

С высоты своей взирая, вывожу простую суть:

Отдаю задаром взрослость! Дайте детскости
чуть-чуть!

ПОЭЗИЯ

Мотыльки и бабочки в сети

Италия Эвридика

Италия Эвридика. Таинственно, загадочно,
но прежде всего красиво. Такой необычный
псевдоним взяла поэтесса, за чьё протезирование я с удовольствием взялся...

Будучи одноклассником, я никогда бы не поверил, что в этой скромной, тихой девчужке затаилась такая бездна красивых слов и сравнений...

Очень рад, что в Нарьян-Маре появился новый представитель поэтического слога.

Надеюсь, что в скором будущем увидит свет сборник её творений, благо материала предостаточно...

Олег Ягель

Не шагнуть в одну реку дважды

Не шагнуть в одну реку дважды,
Не мутить отраженьем воду.
На крыле самолет бумажный,
Где бы летную взять погоду.

Таёт месяц на звездном троне,
В красках вешних пылает небо.
Прикоснувшись к твоей ладони,
Забываю про быль и небыль.

Ветер. Взмах! Самолет бумажный
Улетает с моей ладони.

Не шагнуть в одну реку дважды.

Я на улицу дверь прикрою.

Была

Легко и невинно коснуться губами
Чела,

Как тот ветерок. Я мгновеньем над Вами
Была.

Легко – как дыханье. Слова запредельны.
Молчу.

Как смех, как листок. Я была – и исчезла.
Лечу.

Дрова прогорели. Осталась в камине
Зола.

А были кому-то теплом и уютом
Вчера.

Как молнией яркой, приветом, подарком
Сверкнуть,

И падать с разбегу, дождями и снегом
На грудь.

Хранима веками, прошита ветрами
Скала...

Я к ней прикоснулась, а после - исчезла.
Была...

Буду

Звонкой капелью, клеверным полем,
Сказкой вечерней, взглядом тревожным.
Искренним словом, пенным прибором,
Тихою песней, пылью дорожной.

Буду с тобою порывами ветра,
Зеленю луга, пением чаек,
Зноем пустынь, белизной километров,
Встречей желанной, мигом прощальным.

Вербною рощей, скошенной пожней,
Лунным лучом каждой темною ночью,
Буду всем тем, что придумать возможно.
Буду пока. Если ты того хочешь.

Летние зарисовки посреди зимы

Так хочется, блуждая до зари,
На лыжных склонах с летом повстречаться.
Услышать, как щебечут соловьи,
В рассвете, полном радости, купаться.

Где весело шепнув в ответ слова,
В порывах ветра песни юга слышать.
И кажется, что сердце еле дышит,
Когда качели тронут облака.

По граням серебристого столба
Волшебница рисует пальмы мелом.
Вокруг зима. Дома в тумане белом.
Под снегом дремлет летняя тропа.

Возвращайся в свой порт

Возвращайся в свой порт, там давно
пробудилась весна,
Даль полна синевой и окутана ранним
рассветом.
Там теперь не до сна и поляны томятся травой.
Здесь – гуляют ветра по измученным
сумрачным рекам.

Возвращайся домой. Веру в чудо в душе
сбереги,
Пусть горит ее свет, даже если не будет как
прежде.
Сохрани и укрой. И однажды, услышишь
шаги:
Это тихо вернулась Любовь, ну а с нею -
Надежда.

Ты дорогу прими. Для нее наступила пора.
Где-то скрипка звучит, украшая мгновения
века.
Блещут рампы огни, но уже завершилась игра.
Лишь промозглая осень. И ветер гуляет по
рекам.

Прилив

Приходит каждый день прилив,
как в дом — газета.
Прилив — незримых сил порыв,
источник света.
Он отрицает тишь да гладь,
он рушит скалы,
чтобы цветы потом создать
из минерала.
Его барашки к берегам
бегут проворно
и оставляют камни там
редчайшей формы.
С морской стихией мир сравни,
заметишь вскоре:
сперва прилив, потом отлив —
весь мир как море.

Уходит вечер тихо за порог

Уходит вечер тихо за порог.
Пусть ночь светла, калейдоскопом мысли.
Я не могу начать последних строк,
Как не хочу писать прощальных писем.

А ночь уйдет в свой царственный чертог,
И отражением разлуки ляжет прочерк.
Молчание - наверное итог.
Но будет день. Начало новых строчек.

Уходящая осень

Отполыхало, отгорело
Как никогда.
Рисует полночь звездным мелом
Искринки льда.
Вдруг по заснеженным оврагам,
Пешком, сама,
Явилась осень с белым флагом
К тебе, зима.
Чуть постояла у порога.
Туман волнист.
Блится снежная дорога
Как чистый лист.

Спасибо от души

Спасибо от души за нелюбовь.
Мы не взаимны. Не дружны. Не пара.
За то, что не бурлит от страсти кровь,
И не тревожит ночь твоя гитара.
За то, что не доступен сердцу хмель.
За то, что злой венчая позолотой
Проходит краткий век, проходит день.
За то, что мы не связаны заботой
О смысле жизни, блеске хрусталя,
О битве чувств, о равенстве во взоре.
За то, что мы не вспомним, матеря,
Все наши ссоры в нервном разговоре.
За то, что в сердце приютилась лень,
Ее почтив, я веселюсь порою.
За то, что ты, свободно сев на мель,

Так правомочен не играть в героя.
За то, что я не жду скупых похвал,
Не обжигаю смехом в счастье зыбком.
Да, не права. И ты – почти не прав.
Но как мне дорога твоя улыбка...

Мотыльки и бабочки в сети

Мотыльки и бабочки в эфире.
Параллели вдруг сошлись опять
В этом сложном многогранном мире.
Страшно узнавать и не узнать.

Люди в масках, словно бы сироты
По задворкам поиска спуют.
Только речевые обороты
И меня, возможно, выдают.

На экране скобочки и точки,
Продолжаем дерзкий карнавал.
Все-таки узнала. С первой строчки.
Думаю, и ты меня узнал.

Другая осень

Осень в наряде тонком.
Плечи в цветастой шали
С вышивкой вдоль, по кромке,
Бликов игра в опале.

Взгляд из-под век лазурный,
Голос слегка простужен.
Хлещет ноктюРН гламурный
Бойко по сизым лужам.

Золотом шьет пригорки.
Свет на мгновенье. В дверцу.
Может быть я ненадолго
Спрячусь в твоём сердце.

Сон поздней осени

Теперь я просто знаю, что ты есть
В пространных коридорах бытия.
Как летопись забытую прочесть
И выйти к свету вместе. Ты и я.

Где царство цвета. Лиственный узор
Ткет гладью солнце на озябшем мхе.
Минувший день растаял словно сон.
Как первая снежинка на руке.

Только шаг, только миг...

Только шаг, только миг. И закончится песня
июля.
Завтра август придет. Полыхают огни у
плетня.
Рыжий солнца парик. В синеве облака
утонули,
И с прохладой рассвет обвенчался недавно
не зря.

Платье легкое снять. Кружит листья ноктюРН
осторожный,
Аплодируя вновь уходящему лету вослед.
Тает радуги блик. В небе тихо, светло
и тревожно.
Скоро стаям лететь. Замирает их призрачный
крик.

Пей рябиновый сок! Умывайся вечерней
прохладой.
Говори о любви уходящему лету слова.
Восхищайся, мечтай. Догоравшего счастья
не надо.
И ладонью коснись утомленного ветром
крыла.

О доверии

Поверить – не проверяя,
И снова начать сначала.
Как в пропасть рвануть. У края
Коснуться рукой причала.

Поверить. Услышав слово -
Как эхо душою вторить.
И сбросив во тьму оковы,
Нырнуть с головою в море.

Поверить. Лучам и ливню,
Потокам ревущим, пенным.
Без веры и без доверия
Так холодно во Вселенной.

У поворота

У поворота на пригорке
Присели отдохнуть.
Да, у тебя своя дорога,
И у меня – свой путь.
Согреты яркими лучами
Сойдут снега,
Нас параллельными путями
Ведет судьба.
Ручей прозрачно - серебристый
Ускорил бег.
Каким он был студено – чистым!
Но тает снег...
И набирают силу воды
В лучах весны,
За горизонт, к размытым далям,
Уходят сны.
Вдруг не ручей пред нами - море
И яркий свет,
Где грозно волны бьют о берег,
Стирая след.
Я тихо вопрошаю небо и жду
В ответ
Две параллельные дороги.
Пора. Рассвет.

Заиндевелая Душа

Иван Тетерин

Я – раб, ничтожный раб.
Я – слаб, ужасно слаб.
Я – Бог в своих мечтах
И ангел лишь во сне.
Болтаюсь на цепях,
Прикованный к стене.

Нет выхода,
Нет выбора,
Никто не виноват.
Не жалуясь,
Не брыкаюсь,
И жизни своей рад.

Гуляю по веревочке,
Боюсь, что упаду.
Я рад любой страховочке,
Иду, бреду в бреду.

Бессилие ничтожное
И в мышцах слабина.
Ничто и не поможет мне –
Кругом одна стена.

И глазки закрываются,
Устали – день тяжёл.
Душа-то в клетке мается,
Ведь сам решетку сплёл!

Удобная решёточка –
И никаких забот!
Но только лишь на жёрдочке
Душа моя живёт.

Нахохлившись, насупившись
И лапочки поджав,
Как на насесте курочка,
Живёт в своих мечтах.

Заиндевелая Душа
Сидела, скорчившись, на ветке.
Текло там время не спеша
И мир казался древним, ветхим.

И солнце скрылось – серых туч,
Свинцовых, тёмных и тяжёлых
Не мог пронзить последний луч.
И в серости дома и села...

Родился в славные спокойные года расцвета советской власти, по невежеству называемые временами застоя (в 1970 году) в г. Нарьян-Маре. Ищу свой Путь через Труд, Любовь, Творчество. В данный момент проживаю в Костроме.

Размышления на пути из Вологды в Архангельск

Стучат колёса железной дробью,
И звуки быта всплывают в уши.
То взгляд угрюмый, да исподлобья.
То воздух спёртый, как будто душит.

Вагон качает на стыках рельсов.
Вагон трясётся, как паралитик.
Ещё полночи ехать до Вельска.
Потом полночи – и можно выйти.

И как там встретят? Обнимут крепко?
В глаза заглянут? Прижмут к себе ли?
И руки будут упругой ветвью?
Или живые, но еле-еле...

Уже за полночь, стучат колёса.
И фонари в стекле мелькают.
Так дни и ночи проходят просто,
Как будто жизни не замечают...

Вся жизнь – дорога. С дорожной пылью
Впитаем ветер далёких странствий.
И порастёт былью - ковылью
Всё то, что было когда-то странно...

Всё неизвестно. Почти что чудо!
Стучат колеса. И мы несёмся.
Из никуда. И ниоткуда.
Когда же, наконец, проснёмся?

Найдёшь, кому похуже,
И помоги ему!
Сидит в своей он луже,
Не нужен никому...

И смертную тоскою
Полны его глаза...
Ты увлеку с собою
И высохнет слеза...

И станет тебе лучше
Лишь только от того,
Что свой сердечный лучик
Протянешь до него...

ПОЭЗИЯ

Шелест ночных сновидений

Алексей Даричев

зверь.

Знаешь, что я подумал?
Что и думать больше не хочу...
Хочу смеяться,
Лучезарности улыбаться.
В библиотечных полках
Упиваться незнанием
Своим... твоим советам
Поддаваться... а ты
Быть может и моим.

Шелест ночных сновидений,
Очертив границу дня и ночи,
Подхватывает и несет
В лес бескрайней белоснежности,
Чья безмятежность нарушается
Только скрипом лыж
И твоим морозно-теплым дыханием,
Оседающим в моих ушах
Мелодичной нежностью.

Родом из Архангельска, с 2014 года работает в Нарьян-Маре.

«Мои стихи (громкое слово) связаны исключительно с внутренними переживаниями и не имеют никакого начала в общепризнанной поэзии, потому что задолго до увлечения поэзией я ей абсолютно не увлекался...нет ни идола, ни учителя - сам себе на духу дурак».

Океан в прибрежье исполосован лазурью,
Песок словно мошकारа забился всюду.
Ты в хорошем настроении, но угрюма,
Я в отчаянии, но стараюсь улыбаться.
Не единожды слезы подступали к горлу,
Давил их, давил, словно винограда грозди,
Но вместо облегчения катились внутрь
Терпкого вина глотки только острые,
Словно бритвы, и любое слово словно
Кровоточит, когда твой взгляд копьём
Врезается мимолетно, пронзая все бывшее,
Сущее и грядущее... С боязнью о нем

рассуждаю,

По кругу в голове диалоги гоняю,
Забываю и снова, и снова гоняю...
Чувствую себя лишним в мире твоём.
Но ведь это вздор...
Я лучшее, чем могу быть, отражая тебя.
И даже сейчас я отдал бы все звезды,
Лишь бы с тобою рядом быть
Пусть и страдая, словно застрявший в капкане

Как полушубок деда спас

Екатерина Коваль

Родилась и живёт в Нарьян-Маре, на родине предков. Мать троих детей. Участница семейного театра «Родник». Участница молодёжной литературной студии при Народном ЛитО «Заполярье». Начала писать в 2019 году.

Как полушубок деда спас

Был у нас на деревне случай такой.

Собрался дед Василий Игнатьевич в город в больницу, здоровье поправить. Заодно и детей да внуков повидать, что в городе живут. Всегда дедушка им помогал, вот и в этот раз решил «натуральных» домашних продуктов привезти гостинцем. Подготовился основательно, забил даже молодого бычка. Сложили в сани мясо, масло, молоко, в общем, всякого добра. А погодка-то в ту пору отменная была. Весна в самом разгаре. На реке появились опасные забереги, полыньи. «Надевать ли, нет, полушубок-то, обратно возвращаться буду, совсем теплынь настанет?» – рассуждал Василий Игнатьевич, прохаживаясь по двору.

Доставить в город старика должен был зять Фёдор, мужичок резкий, рискованный. Скомандовал он тестю: «Поехали!» – тоном, не терпящим возражений. Старик поспешил одеться, по привычке и накинул скорее свой любимый полушубок. На «Буране» зять, а в санях дед с продуктами. В санях потряхивает, снегоход рычит – тяжело ему груз такой тащить, ещё брызги растаявшей речной воды попадают на двигатель, от чего клубится темный дым.

Полпути проехали – впереди очередная полынья. Прибавил газу водитель, но тут потерял опору «Буран», начал оседать, проваливаться под лед. Фёдор спрыгнул со снегохода, только ноги по колено замочил, а сани с дедом медленно пошли под воду. Василий Игнатьевич не паниковал – что ему в жизни только не пришлось пережить. Быстро он почувствовал всем телом обжигающую боль от холодной воды. Попы-

тался оттолкнуться ногами от саней и добраться до кромки льда, но ничего из этого не вышло. Василий Игнатьевич неуклюже барахтался и два раза уходил под воду с головой. Всплывая, он жадно хватал ртом воздух. Спасало его от гибели лишь то, что овчинный полушубок выталкивал деда на поверхность как спасательный жилет. Но и полушубок имеет свойство впитывать воду. И вот вся одежда окончательно промокла, отяжелела и потянула ко дну. Силы стали покидать старика. Он устал бороться с водною стихией, руки онемели от холода и отказывались слушаться. Глотнув воздуха в последний раз, Василий Игнатьевич стал уходить под воду, думая: «Теперь уж не выбраться». Закрыв глаза и совсем смирился со своей участью. Из водных глубин показались пузырьки – дед пошел ко дну.

Вдалеке в кустах тревожно раскричались птицы, предчувствуя трагедию. Это вывело, наконец, Федора из состояния шока, он рванул к краю полыньи, лег, сунул руку в воду, шаря в темной водной пучине, и ухватил утопающего за воротник. Зять тащил деда изо всех сил, руки разодрал в кровь об острые кромки льда. И справился! Конечно, это длилось секунды с момента погружения, но утопавшему показалось, что борьба за жизнь проходила так долго.

Отдышавшись и придя в себя, дед заохал: «Пропали гостинцы, да Бог с ними. Главно – сами живы». На их счастье мимо проезжал сосед из деревни на «Треколе» и быстро довез старичка в город к старшему сыну, что спасло деда от окоченения.

В доме гостя обогрели, переодели и долго обнимали внучата. Федор же отправился пешком в деревню. Теперь ему была забота «Буран» вернуть. На следующий день собрались деревенские мужики да освободили железного зверя из ледяного плена. Василий Игнатьевич, как и планировал, поправил здоровье в больнице, а ведь мог и погибнуть, если бы не овчинный полушубок. От глупого риска до беды близко. До сих пор родня вспоминает этот случай, особенно по весне.

Произведения победителей и призёров
в номинации «Слово», категории «18 и старше»

Любовь Фролова
г. Нарьян-Мар, НАО

Бережно память храня

Моя бабушка Пелагея по материнской линии была интересным, удивительным человеком. Родилась она в селе Слёмы Зарайского уезда Рязанской губернии 6 октября 1895 года. Бабушка была неграмотная, умела только ставить подпись в документах. Отец ее Борис Гришин, чтобы прокормить семью, уехал в начале XX века на заработки в Петербург. Работал извозчиком, каждый месяц посылал семье деньги. Там он и погиб.

В 16 лет бабушка тоже переехала в Петербург, устроилась работать прислугой к хозяйке, которая держала у себя на постое курсантов. Бабушка рассказывала, как она трудилась с раннего утра и до вечера, три раза в день грела большой самовар, носила воду, мыла посуду, полы, ботинки курсантов, стирала белье, чистила самовар.

В семье хозяйки часто говорили на французском языке и бабушка научилась некоторым фразам и немного говорила с хозяйкой по-французски. Была очень исполнительницей. Перейти от одной хозяйки к другой можно было только по рекомендации. У новой хозяйки бабушка работала уже гувернанткой и няней. Через шесть лет бабушка работала на

Путиловском заводе контролером, проверяла на патронах наличие капсюлей. Одним из ярких ее воспоминаний того времени был приезд Владимира Ильича Ленина на Путиловский завод и его речь перед рабочими.

Жила Пелагея Борисовна на Васильевском острове. Принимала участие в демонстрациях. После революции работала кассиром на трамвае. В нашем семейном архиве сохранилась только одна фотография бабушки, да и то, где она в преклонном возрасте, поэтому очень берегу эту фотографию. У бабушки была красивая длинная черная коса. Теперь это большая редкость. Революция, Гражданская война, разруха, голод. Бабушка переболела цингой, выжила.

В 1922 году бабушка уехала в Архангельск и вышла замуж за сапожника Никулина Ивана Дмитриевича, жили он на улице Поморской. Дед мой служил в царской армии, 13 лет не снимал шинели с плеч, прошел три войны. Его ранило в ногу, началась гангрена. Врач немец прижег ему рану лучиной и спас ногу. В Великой Отечественной войне дед уже не участвовал. Бабушка всегда говорила, что дед родился в рубашке.

У бабушки и дедушки уже было четверо детей, когда в 1930 году их семья переехала по вербовке в Белошцелье на лесозавод, тогда Нарьян-Мара еще не было. Им дали комнату в общежитии. Пелагея Борисовна в двух общежитиях рубила рейку, топила печи, мыла полы. Иван Дмитриевич сапожничал.

В жизни деда была удивительная история. Перед войной приезжал в Нарьян-Мар человек из Архангельского театра и сделал ему заказ сшить ботфорты со шпорами для роли Петра Первого, чтобы они поскрипывали при ходьбе. Сапоги дед сшил, заказчик был доволен. Кто знает, может, они и сейчас хранятся в костюмерной театра. Многим известно выражение «сапожник без сапог», оно очень подходит моему дедушке, он был очень честный, детали кроил при заказчике и все остатки материала возвращал.

Все дети бабушки и дедушки: Надежда (1923г.р.), Тамара (1925г.р.), Мария (1927г.р.), Леонид (1929г.р.) учились в лесозаводской школе № 2, в Нарьян-Маре родились еще двое: Роза

и Анатолий, но они заболели и умерли в раннем возрасте. Родители тяжело переживали эти утраты.

Моя мама была вторым ребенком в семье, училась хорошо, ее свидетельства: об успешном окончании школы и школы медсестер до сих пор хранятся у меня. После школы мама поступила в педучилище, проучилась один год, после ввели плату за обучение. Поскольку родителям нечем было платить, учебу пришлось оставить. Две мамини подруги закончили педучилище и работали в школах города. Это Шевелева Зоя Александровна и Михина Галина Сергеевна. Мама поступила на годичные курсы медсестер и после окончания (в 1941г.) подала заявление, чтобы ее отправили на фронт. Ей было 17 лет, поэтому её не взяли и она устроилась работать в милицию. С пистолетом в кобуре она патрулировала город, следила, чтобы не была нарушена светомаскировка. В 1942 году её отправили в Оксино в пункт охраны общественного порядка работать секретарем. Там она проработала пять с половиной лет. Печальная история приключилась осенью 1944 года, дедушка и бабушка поздно вечером встречали маму, когда она приехала в город. Во время их отсутствия комнату обворовали, унесли награды деда с трех войн, георгиевские кресты и продуктовые карточки на месяц. Несмотря на удар судьбы мои родные не сломались и все пережили.

Моя мама вспоминала, что её отец был хорошим рассказчиком, когда дети ложились спать, отец начинал историю, которая продолжалась несколько дней. Эти вечерние часы они ждали с нетерпением. Отец деда Дмитрий был псаломщик в РПЦ, пел на клиросе. Маме от деда достался хороший голос. Она ходила в хор русской песни вместе с подругой и соседкой по дому Зоей Александровной Шевелевой.

В октябре 1945 года бабушка вышла на пенсию в возрасте пятидесяти лет. В 1946 году семья понесла тяжелую утрату, мой дед Иван Дмитриевич умер от двусторонней пневмонии. Бабушка всегда говорила, что пули его не взяли, а микробы погубили.

Бабушка жила с младшей дочерью Марией и её тремя детьми. Внучка Татьяна вспоминает, что она родилась семимесячной и бабушка её выходила, кормила её с пипетки, обкладывала ватой и одеялами, а пеленки стирала и гладила паровым утюгом. Моя сестра – Александра помнит, как зимой прыгала с сараев и повредила ногу. Бабушка на саночках возила её на Сахалин, где жила Подорина Ульяна и лечила всех, кто к ней обращался. Когда мне было шесть лет, меня тоже водили к бабушке Подориной на Сахалин, когда я вывихнула палец руки. Она распарила мне палец и вправила его на место. Очень хорошо запомнила чучело огромного орла, которое висело на стене. Мы были очень благодарны ей за помощь.

Летом и осенью Пелагея Борисовна ходила

в лес за грибами и ягодами на Демидову гору. Иногда и нас с собой брала. На каждый праздник бабушка пекла вкусные пироги с ягодами. Я запомнила, что в праздник бабушка выпивала всего один наперсток коньяка, приговаривая: «Хоть чуть-чуть выпить, но хорошего...» Летом садила картошку. Мама вспомнила, как в голодные годы бабушка с женщинами зимой ходили в Андег пешком, чтобы обменять вещи и махорку на рыбу. Все женщины того времени носили черные плюшевые жакетки и наша бабушка не была исключением.

Пелагея Борисовна ушла из жизни 14 ноября 1971 года. К сожалению, на своей родине в Зарайске она больше так и не побывала, хотя там у неё осталось трое братьев. Они с дедушкой прожили жизнь, полную испытаний, вырастили прекрасных детей, помогали воспитывать внуков, которые будут помнить о них всегда.

Маме был 21 год, когда она вышла замуж за пустозёра Георгия Сумарокова, которого тоже не взяли на фронт из-за молодости. Но два его брата воевали на фронтах Великой Отечественной.

Александр погиб в 1942 году на земле Сталинградской, а Пётр воевал на Курской дуге.

В 1948 году мои родители переехали в Нарьян-Мар. Детей в семье было четверо, я родилась первая.

Отец очень ждал сына, чтобы назвать его в честь погибшего брата, к которому был очень привязан. Но в 1950 году снова родилась дочь, её и назвал отец Александрой, затем в 1952 году еще одна дочь – Надежда. А долгожданный сын родился в 1955 году, назвали Владимиром. Жизнь моих сестер, брата и их детей связана с городом на Неве и Васильевским островом. Александра вышла замуж за пилота, у них родился сын и они уехали в Ленинград, моя вторая сестра Надежда с подружкой уехала в 1968 году в Набережные Челны, где работала в столовой. А потом перебралась в Ленинград на Васильевский остров, вышла замуж, родила сына, выучилась на водителя трамвая. Удивительно, бабушка в трамвае билеты продавала, а внучка трамвай водила. Сейчас сестра живет в Нарьян-Маре, мы часто встречаемся.

Брат Володя после школы ушел в армию, служил на Северном Флоте на подводной лодке. Потом уехал в Санкт-Петербург, работал водителем автобуса. Один из его маршрутов тоже пролегал по Васильевскому острову. Так что с Петербургом и Васильевским островом тесно связана судьба моей семьи. В северной столице и сейчас живут мои родственники - сыновья моего брата Владимира – Юрий и Сергей, сестра Александра с семьей. Когда мы встречаемся с сестрой, она достает старенький баян и поет песни про Ленинград, вспоминая бабушку и всю нашу жизнь. На память приходит песня, которую пела бабушка, занимаясь хозяйством:

«Сиротою я росла, как былинка в поле,
Моя молодость прошла у людей в неволе.
Лет с семнадцати я по людям ходила,
Где качала я детей, там коров доила.
Хороша я, хороша, да плохо одета.
Никто замуж не берет девушку за это...»

Бабушку я называю «Рязанской Мадонной».
Благодарим Бога за наших прекрасных стариков,
за наших любимых бабушек. Я посвятила
маленькое стихотворение родным и близким:

«Куда бы не забросила нас жизнь,
За корни родословные держись.
Куда бы не завел тернистый путь,
Ты дом родительский с годами не забудь.
Кого-то за граница очень манит,
Но перелетных птиц весной
на север тянет...»

Анна Сулентьева
с. Несь, НАО

Когда рыбка клюёт - за душу берёт!

На территории Ненецкого автономного округа множество рек, озер и речушек. Мне нравится рассказывать о родном крае.

В выходной день решили съездить на подледную рыбалку. С вечера приготовили снасти, собрали рюкзак и утром на буране отправились в путь. В конце февраля световой день короток, поэтому не думали далеко забираться. Через час были на знакомом месте.

Речка Ерцево – теперь излюбленное место рыболовов. Следы рыболовов сбегают по откосу вниз, на белое ровное пространство речки и рассыпаются в разные стороны.

Я осторожно ступаю на лед, покрытый плотным снегом. Снег с капустным хрустом

только слегка проминается под моими ногами: недавно была сильная оттепель, и теперь карьер покрылся настом.

Вот, наконец, мы увидели любителей подледной ловли. У лунок – скудный их улов: колючие ерши, два-три красноперых окуня. Некоторые рыбки уже застыли, причудливо изогнулись, их, как солью, посыпало изморозью. Другие еще живы. Серый с игольчатым гребнем ершик пружинисто напрягается, елозит хвостом по снегу и затихает.

Вадега (омут) довольно мелкая, поэтому многие любители зимней ловли часто ловят рыбу вприглядку. Забавно смотреть, как немолодые уже люди, ложась на лед, заглядывают в лунку, чтобы потом подцепить на крючок неосторожную рыбку.

Вдруг один из рыболовов резко нагибается, коротко подсекает, три-четыре раза перехватывает леску и вынимает их лунки трепещущего хариуса. Рыба падает на лед и начинает свой последний танец. Сверкнув серебром на солнце, едва слышно булькнув, блесна снова уходит в воду. Рыба хариус всегда была объектом повышенного интереса рыбаков. Все дело в том, что ее не так легко поймать, это делает рыбалку полной азарта. Любую рыбку надо постоянно искать, а иначе можно просидеть без клева целый день. Рыба клюёт у того, кто умеет ждать.

Мы расположились на излюбленном месте, просверлили лунки, размотали удочки, опустили мормышку в лунку, поиграли немного – есть слабая поклевка! Муж подсек, быстренько вытянул на поверхность рыбу – это был хариус, да неплохой! Опять наживил снасть. Минуты через две снова вытащили точь-в-точь такого же, как первый.

Тут уж муж сбросил рукавицы, встал для удобства на колени и начал одну за другой вытаскивать рыбку из лунки.

Рыболовы, сидевшие поодаль, увидев такое действие, заволновались. Сначала один подошел, просверлил лунку рядом. Потом еще двое.

Вскоре и остальные чуть ли не бегом направились к счастливому месту. Сидят мужики и у всех поклевки.

Тут и внучке повезло, она оказалась в центре всеобщего внимания, это было мне очень приятно, и она начала увлеченно рассказывать, как рыба взяла у самого дна, как

она с трудом дотянула ее до льда и ей папа помог вытащить рыбку на лед.

- Ну, Милана, молодец!

А внучка и сама знала, что она молодец. Двумя руками она держится за удочку, рот ее открыт, улыбка не сходит с лица. А у меня – ни одной поклевки. Обидно, честное слово. Порой интересно не только ловить, но и размышлять над лункой: почему не клюет? Ожидание поклевки, шевеление сторожка, сам процесс ужения – все это и приносит удовольствие.

Лунка, уходящая в толщу льда, похожа на трубку из серого бугристого стекла, и, словно живая, бьется в ней вода... Я гляжу туда, откуда мог появиться хариус. И вот резкий толчок, подсечка,- есть! И я сумела вытащить свою рыбку- хариуса!

Теперь меня ожидала не только царская уха из хариуса, но и отличное жаркое из свеженькой рыбки.

Вот это была рыбалка! И хотя рекордных экземпляров не было, мы получили массу впечатлений, огромное удовольствие от времени, проведенного на зимней рыбалке. Пошел небольшой снежок, начало быстро темнеть, разожгли костер, зашумел чайник, а чай с бутербродами неописуемо вкусный. А чуть позже поехали домой.

Мы часто вспоминаем тот день, проведенный в кругу семьи.

Денис Макурин

с. Холмогоры, Архангельская область

Фрагменты сборника «Поморская окутка - лоскутные сказки»

Лоскуток первый. Вольный ветер

На самом краю Белого моря выступает полуостров Канин, а у полуострова мыс, словно нос. К этому носу посёлок прирос. Долго думали моряки: «Как обозначить сей край земли? В атласе точность нужна, а то попадешь неизвестно куда». Все названия перебрали, в конце концов нос почесали, да так в картах и прописали. И теперь тот мыс – Канин Нос называется. Правда, к этому Носу так просто не подойдешь, ни с Белого, ни с Баренцева моря не подплывешь. До сих пор на том полуострове ветер водится, никого не любит, со всеми по любому поводу ссорится.

Ветер с незапамятных времён на полуострове один-одинёшенек жил, ни с кем дружбу не водил. Бывало, охотники приезжали, по зайцам да казаркам стреляли. Но и с десяти шагов попасть не могли – вся дробь улетала в кряжи. В другой раз рыбаки оставались без ухи. Увидит ветер снасти в море: заверть поднимет, море вздыбит, сети порвёт да карбаса перевернёт. И снова живёт один, сам себе господин.

Только как-то решил приручить вольный ветер Илья, отправился на Канин Нос, мол, была не была. Топоришко с собой прихватил, им и избушку на краю света срубил. Потом расставил по берегу силки, а в море

рюжи* – три месяца ждал, когда ветер в ловушку закружит. Только разве ветер в петли аль сети поймаешь? Его ни в мешок, ни в короб не усадишь. Ветер вокруг Ильи – шмыг да шмыг – всё вокруг путал да ломал, озорник.

А однажды всю ночь ветер в небе провыл, может, зуб разболелся или просто простыл. Тут же шторм разгулялся – не видно ни зги! Корабли посбивались с морского пути. Один на отмели-кошке сидел до утра, другой о скалы пробил все борта, третий снесло не знаем куда, его не найти уже никогда.

Илья пережил ту бурю и мрак, а после построил на мысе маяк. От этого стало в посёлке светлей, и ветер как будто немного добрей.

«Ну вот, наконец-то! Приручил вольный ветер», – подумал Илья. Разобрал все ловушки, и стал смотрителем маяка. Но ветер на мысе лишь отдохнул, пять дней подремал и снова подул.

И вот уж сто лет зажигают огни. Маяк кораблям помогает вдали. Он луч посылает добра и любви, да счастье хранит у края земли. И даже когда приходит зима, ничто так не греет, как свет маяка. А ветер в посёлке всё так же шалит: мыс остужает, над морем пылит.

**Рюжа – у поморов: натянутая на ивовые оброчи сеть особой конструкции для ловли рыбы*

Лоскуток второй. Песни былинные

В том месте, где сейчас посёлок Несь, испокон веков всё, что нужно, для счастья есть. Зимой там олени бегают наперегонки, а летом на пляже греют пузо тюлени до вечерней зари. Гуси, зайцы, медведи на той земле тоже в избытке водятся, в гости на чай с пирогами захаживают. Их, правда, к жилью не приваживают, в огороде принимают, да через окно угощают. В городах-то народу несладко живётся: кричат, шумят, а друг друга не слышат.

На улице толкнуть, спихнуть да затоптать могут. А в Неси простор. Тундра кругом. Белое море под боком. Река. Прохлада. И никакой тебе жары.

Вот и поселились там поморы. А чего хорошему месту без человека пропадать? Избы, амбары, баньки построили. Всё, что

нужно для житья и уюта из города Мезень на карбасах перевезли. Даже патефон фирмы «Патэ» с собой прихватили. Одна беда, грампластинки с любимой музыкой забыли. А без музыки на промысле и дело не спорится. Без патефона на море ни сёмга, ни горбуша не ловится. Пробовали поморы сами песню завести, только на их грубые-мужицкие голоса даже камбала не подошла, корюха-мелюзга и та разбежалась. Но и тут, однако, выход нашли, ведь для Севера выдумка и смекалка – родные сёстры. Научились поморские жёнки музыку к блинам припекать.

Как начнёт хозяйка своего мужа на промысел собирать, встанет у печи, песни сердечные и ласковые поёт, да блины в дорогу печёт. Тесто на горячую сковороду льётся, а песня уж сама с той и другой стороны к блинку припечётся. Так целую стопку с душевным теплом и напечёт, и пока горячие, в берестяной пестерь уберёт. А уж мужики, как расставят невода и рюжи в море, да заведут патефон на обрывистом берегу, так на песню блинную, душевную, былинную – по триста килограмм экземпляры ловились. А самую мелкую на спине выносили, такую, что у неё хвосты по земле волочились.

Белое море вместе с рыбой песни блинные слушали, да былины поморские на волны присушивали. А очень скоро и вовсе без патефона обходиться стали: то навага, то треска хвостом махнет, плавником по волне проведёт, и песня солёными брызгами вновь оживёт.

С тех пор разная музыка над морем плывёт, и крупная рыба в сети идёт. И в общем-то, в Неси всё для промысла есть. И есть, чем ловить. И есть, что поесть. Вот только некому стало рыбу удить, забывает и песни древний Гандвик*.

**В скандинавской мифологии Белое море известно под названием «Гандвик»*

Лоскуток третий.

Морошка – ясно солнышко

С былых времён в Мезени морошка – любимое лакомство. Дети и взрослые ягоду всю зиму ложками едят: утром с кашей, днём с простоквашей, а вечером с пирогом. Мезенцам с таким аппетитом ни хвори, ни

простуды – всё нипочём! А всё потому, что морошка солнечным светом напоена.

Ягода ещё только зреть начинает, а солнце её уже с утра теплом насыщает. Морошки от такого внимания много родится, поэтому и солнце лишь на пару часов к земле клонится, а за горизонт-то и вовсе не скрывается. Полюбуется солнце ягодой, уж больно она яркая и душой светлая, а чуть выпадет роса – заторопится солнышко обратно на небо, чтобы обогреть свою любимицу. Луна-сестра лишь вздохнёт тяжело, подождёт за горой, да и прочь домой.

Ну, а уж когда морошка поспеет, тут ни в поле, ни в море никого не найдешь, все с болота морошку в погреб таскают. Сначала поклонятся ягоде – туса наберут. Потом по домам разнесут да бочки наполнят. Бережно, слой за слоем, ягоду размещают да сахарком пересыпают, а под конец, два ведра студёной воды заливают и крышкой наглухо полные кадки забивают. Каждый хозяин свою бочку заглавной буквой своего имени помечает, затем на берег выкатывает и с угора к реке спускает. Река Мезень с большой водой придёт, бочки с берега заберёт и часа через два в море с отливом унесёт.

Как морошку в бочки закатают, да в море на сохранность отпустят, так и дни короче становятся. Солнышко к этому времени хандрить и скучать начинает, всё больше времени луне уступает. А морошка без дозора до декабря вдалеке обитает, морской воздух и северный ветер питает. Правда, и про родные пенаты не забывает.

Перед самым Новым годом мужики опять к реке придут, проруби-майны пеньями вырубят и бочки свои баграми выловят. Река, где взяла, туда и вернёт, всё как буквой предписано. Ну, а уж когда бочки в домах откроют, такое сияние от морошки начнётся, что солнце на небе вновь проснётся, с ним и день встрепенётся да на прибыль пойдёт.

Надежда Кабанова

г. Нарьян-Мар, НАО

Посвящается Пустозерску

Пустозерск – это город, которого нет,
Лишь кресты да погосты
В том месте, где раньше
Жизнь людская кипела.

Тишина и покой да густая трава –
Красота неземная природы.
Пустозерск, Пустозерск – это город-мечта,
Сколько их на земле нашей русской, -

Стертых с карты временем прожитых лет,
Остающихся в сердце древней старушки, -
Позабывтых, заброшенных, сторевших
дотла,
Деревушек, селений, поселков.

Но порой приезжают люди туда,
Слышны их голоса на далеком пригорке,
Пустозерск, Пустозерск – значит, память
жива,
И по этой тропе вновь пройдутся потомки...

Анастасия Хабарова
г. Нарьян-Мар, НАО

Зимние раздумья. Воспоминания одной деревеньки

— Опять снег идёт... Тихо... Даже собаки не лают. Спят, наверное. Ох, старая я стала... Ещё бы, 445 годков стукнуло! Много в жизни повидала, пережила.

Начало плохо помню. Люди сказывали, что приехали на высокий берег два мужичка-новгородца, Игнаша да Микула, родом из Шевелов. И очень им тут понравилось. А и то, место красивое, высокое. Рыбы много, рядом бор грибной. Да и от начальства далеко. Живи да радуйся! Вот от этих-то мужичков и началась моя история. Родилась деревенька, Куей назвали.

Стала я расти, хорошеть, людьми да домами прибывать. В 1861 году 34 двора было, церковь, ярмарки проводились зимой и летом. Народу! Был хлебный магазин, две мелочные лавки, ледник для засолки сёмги. Пристань пароходная была. Какой-то год на ней целая флотилия стояла. Большой пароход купца Сибирякова «Норденшильд» чего стоил.

А какой звон колокольный был! Пять больших колоколов, по всей Печоре слышать!

Церковь была богатая, иконостас красивый. Хор и школа при церкви. Потом школу закрыли, церковь разрушили, колокола сняли, иконостас разбили. Тёмные настали времена...

Не хочу плохое вспоминать.

А так историй много интересных. Известных людей немало приезжало.

В 1833 году побывал в наших краях Пётр Кузьмич Пахтусов, известный путешественник. Около Болванского Носа бот Пахтусова стал на мель. Шторм был. Чуть не утонули вместе с командой. Через несколько дней, когда непогода утихла, Пётр Кузьмич с помощью пустозерцев снял бот с мели и со спасенными вещами 25 сентября прибыл ко мне. Корабль был оставлен под присмотром моих рыбаков, а Пахтусов с членами экипажа уехал в Пустозерск. Через год бот забрали и были очень довольны сохранностью его и материалов.

В 1855 году был Сергей Васильевич Максимов, писатель. Писал про меня да про жителей моих. Особенно удивлялся их здоровью и долгожительству. Одна семья, Корепановы, кажется, 70 лет как вместе были. А у жены ещё мать была живая и из соседней Никитцы пешком к дочке в гости приходила. Вот люди были!

Как-то раз мужичок мой, Иван Перфильевич Вокуев, в 1869 году золотые часы от британского посла получил. Во как! А получил он их за спасение британских моряков с парусного корабля «Элизабет». Парусник потерпел крушение возле Чёрной Лопатки в сентябре 1868 года. Морячки без продовольствия, в лёгкой одежке в сторону жилья двинулись. Один умер от переохлаждения. Остальные бы тоже не выдержали, если бы не Вокуев, который их ко мне привёз. Разместили в домах, накормили, обогрели. Вот такая история.

А в какой-то год, запомнела, важный князь приезжал, Евсеём Осиповичем Палавандовым кликали. Недалеко от меня оборонительные сооружения делал. От французов да англичан собирался обороняться. И справились бы всем миром, уж очень хороши укрепления те вышли, да и стрелять мои мужички умели.

В 1937 году машина самолётная приземлилась, а в ней лётчик по фамилии Водопьянов и с ним ещё несколько человек. Он товарища своего искал, тоже лётчика, Леваневского. Жили они все в маленьком домишке Екатерины Васильевны Хабаровой. До сих пор стоит тот дом, и люди в нём до сих пор живут.

Помню, было время и совсем горькое.

Война... Моих жителей да соседней Никитцы 49 человек ушло. Вернулось только 8. Сколько горя было, слёз! До сих пор вспоминать больно. Дай Бог, не увижу больше такого.

Закончилась война, мирные дни настали и жизнь своим чередом пошла. Люди работали, меня отстраивали. Свадьбы играли, детей рожали.

А ещё ко мне писатели приезжали. Михайлов Александр, которого я ещё мальчишкой помнила, да друг его, Фёдор Абрамов. Второй-то больше не приезжал, а

Александр наведывался, душой отдыхал.

Последние годы скучно стало: скотину никто не держит, только петухи орут и курицы квохчут. Ни овец, ни коз, ни коров. Ну да ладно, чего-то я разворчалась по-стариковски.

Тихо... Скорее бы лето! Детишек много приезжает, весело становится, шумно! А какие цветы во дворах расцветают! Пышные, многоцветные! И сама молодеешь, хорошеешь! 445 лет... Тьфу, а не возраст!

А тут ещё часовенку всем миром поставили. Маленькую, ладную. Стоит, глаз да душу радует! Эх! Поживём ещё, поживём!...

ПРОЗА

Нёйто (Идущий на край Земли)

фрагмент повести

Денис Макурин

Родился 10 июня 1981 года в пос. Каменка Мезенского района Архангельской области. Живёт в селе Холмогоры. Литературным творчеством увлекается с 2015 года. Автор нескольких детских книг. Публиковался в журналах: «Юность», «Двина», «Север», «Урал», «Чиж и Ёж», «Мурр+» и др.

Благодарим автора за согласие познакомить читателей нашего Альманаха с фрагментом новой неопубликованной повести «Нёйто (Идущий на край земли)». В повести рассказывается об истории взросления маленького жителя тундры – мальчика Нёйто, его семье и шамане Варге.

Когда звёздное небо радовало Землю день и ночь, а снега обнимали тундру от края до края, у одной ненецкой семьи родился малыш. Родители назвали мальчика Нёйто. Точнее, это было его второе имя. А первое – Пенто, дал раздосадованный колдун по имени Варг.

Покровителем колдуна был мрачный бог Нга, и поэтому Варгу достался очень скверный характер. Варг, конечно, выручал кочевников от бед, лечил их, помогал отыскать отбившихся оленей, но был он жаден, скуп и ворчлив.

В тот час, когда колдун взял новорождённого на руки, чтобы произнести заклинание от злых духов, малыш пустил ему ручеёк в рукав малицы.

– О-о-эй! И-ё-эй! – хриплым голосом простонал старый колдун. – За твои проделки, Пенто, иди тебе до того места, где встречается солнце с землёй!

Имя Пенто означало озеро величиной с ладонь, но родители прежде не слышали такого, и оно им не понравилось, поэтому мать с отцом подумали и дали созвучное первому – Нёйто.

Нёйто – так называлось озеро, в котором от начала времён водилось много налимов. И правда, малыш был похож на маленького вёрткого налимчика. Он то и дело распинывал свёрток, в который его туго пеленали, и каждый раз пытался улизнуть из любящих рук.

Муж и жена согласились с именем, отдали

колдуну Варгу трёх оленей в уплату и попросились с вредным стариком. А вот послание жреца: «За твои проделки иди тебе до того места, где встречается солнце с землёй!» – так и осталось с новорождённым. С того самого момента и берёт своё начало история о Нёйто, маленьком ненце, идущем на край Земли.

Голос предков

В самом начале истории про Нёйто важно остановиться и рассказать, почему Варг стал колдуном. Не появляются же люди на свет уже озлобленными и плохими. Виной всему послушил его собственный выбор.

Со времён создания мира боги Нум и Нга соперничали друг с другом. Всюду, где Нум создавал светлое, Нга творил тёмное. Злость, подлость и глупость – всё это было с начала сотворения мира, но добрых поступков, любви и ума было больше. Нум долгие века сдерживал своего брата Нга, и всё же в какой-то срок во всей природе зло смешалось с добром, тёмное перепуталось со светлым. И чтобы можно было отделить зло от добра, боги призвали к себе помощников. У светлого Нума это были шаманы. У тёмного Нга – злые колдуны.

Варг, с юных лет работая пастухом, мечтал обзавестись собственным стадом, вырастить и укрепить его до тысячи оленей – прославить

свой род.

В один из дней в голове у пастуха зазвучали голоса духов. Но он не хотел их слушать. Они мешали ему охотиться, мешали пасти оленей. Он злился, гнал их прочь, ревел и рвал на голове волосы.

Однажды Варг не выдержал своих мучений и отправился на соседнее стойбище к шаману.

– Скажи, как твой ум ходит? Почему я слышу духов? – спросил Варг седовласого старца.

Шаман, подкидывая ветки в огонь, над которым висел закопчённый котёл, ответил:

– Боги испытывают твою душу. Послушай, что они скажут, и сделай выбор.

– Выбор? – удивился Варг.

– Нум и Нга призывают тебя служить им.

– Я хозяин тундры! Я буду служить только своей мечте!

– Чтобы быть хозяином, не надо об этом кричать. Доброе дело равняет человека со звездой, плохое с камнем. Звезда сияет, освещая тундру, камень нем и сер, – сказал старец. – Если ты достойный человек, люди сами это увидят. Слушай голоса предков, они подскажут, как жить.

– Чему могут научить бесплотные духи? Они только шум в моей голове. Я прославию себя и без их помощи!

– Нет! Тех, кто не чтит свой род, быстро забудут.

– Ты глупый старик! Я не подчинюсь ни духам, ни богам, никому! – закричал Варг и перевернул котёл, ударив его ногой. – Скоро ты услышишь о самом богатом человеке в тундре. У меня будет тысяча оленей и аргиш,* уходящий за горизонт.

– Ты ревёшь, как бурый медведь. Одну ягду с ними в тундре делишь, по одним тропам ходишь, думаю, Нга тебя уже выбрал, – сказал старец, предвидя недалёкое будущее.

После разговора с шаманом Варг начал преследовать свою мечту. Но всякий раз у него что-нибудь не получалось: то волки нападали на стадо, то оленей забирала болезнь – они падали и больше не вставали. Всё это время духи не покидали Варга. Одни подсказывали, где больше ягеля, куда кочевать. Другие обещали богатства, если он бросит пасти оленей. Варг не слушал, что советуют духи, и делал всё по-своему. Но стадо таяло на глазах: олени отбивались на перегонах, болели, умирали.

Юный пастух винил всех и вся, но только не себя. Он возненавидел окружающих, ожесточился, впустил в свою душу ненависть, а с ней пробрался и Нга.

Через несколько зим Варг потерял оставшихся оленей. И не было больше смысла в советах добрых духов, но оставались – злые. Варг обречённо покорился Нга, начал колдовать и выполнять поручения своего покровителя.

Аргиш – это обоз, состоящий из нескольких оленьих упряжек, идущих друг за другом.*

В течение долгих лет душа озлобленного Варга служила Нга. И так было бы всегда, если бы только в семье оленеводов не родился Нейто.

Первые шаги

Нейто рос непоседливым ребёнком. Сидя в гнезде из оленьих шкур, он тащил в рот и то, и это, и всякое, и овакое, одним словом всё, что лежало под рукой или само к нему приползло. Когда Нейто встал на четвереньки, мать Нябине забивала колышек и привязывала шалуна за ножку, чтобы он не выползал из чума и не дотягивался до огня. Отец Собируй за шалости пощунял Нейто. Бабушка Илне тоже бранилась на внука, а в особых случаях и поучала его вице. И только дядя Хасавато, живший в чуме по соседству, никогда не ругал своего племянника. Он с удовольствием выстрагивал Нейто оленей, песцов или моржей, каждый раз повторяя при этом: «Скоро я помолодею, потом немножко постарею, заведу жену, и у меня тоже родятся мужики, как ты, Нейто».

Когда Нейто научился твёрдо стоять на ногах и начал делать первые шаги, он вышел из чума. Тут же белая лайка по кличке Нарэй бросилась к маленькому человеку в объятья. Она подскочила к Нейто, облизала ему лицо и начала кружиться вокруг. Малыш поморщился и скривил лицо, язык собаки не был похож на поцелуи матери.

– У-у-у! – сказал Нейто, это означало «уходи».

Но Нарэй не поняла маленького хозяина, ей не терпелось отправиться на охоту, она схватила своего человека за подол малицы и потащила в тундру. Нейто не знал, что такое охота и заревел. Нарэй снова облизала лицо малышу. Он обиделся на собаку ещё больше и попытался убежать от неё.

Десять маленьких шагов отделяли Нейто от чума. Он успел сделать три, споткнулся о лежащий во мху хорей*, и падая, ударился о нарты. Большая красная шишка выросла на лбу у маленького хозяина. От боли, обиды и несправедливости он залился слезами.

Вечером в гости пришёл дядя Хасавато. Нябинэ поставила низенький стол и налила горячего чаю из ароматных трав. Нейто возился с игрушкой тюленя. Мужчины сели за стол.

– Нейто, я принёс тебе новую игрушку, – сказал Хасавато и выудил из-за пазухи деревянного медведя.

Малыш подполз на четвереньках, забрал мишку и уполз обратно на постель**.

– Нейто вчера ходил. Целую неделю ходил. Зачем снова разучился? – удивился Хасавато.

– Надоело, наверное, – ответил отец Собируй.

– Нет! – возразила бабушка Илне. – Ягель у тебя в голове, Собируй! Упал твой сын! Лбом стукнулся. Испугался. Теперь боится снова ходить.

– Бедный, – сказала Нябине не то про сына Нейто, не то про глупого мужа.

Хасавато повернулся к племяннику, взял его на руки и начал жалеть:

– Охо! Я сегодня же отгоню все нарты за стойбище. Дам тебе свою большую малицу***, малыш, и падать будет совсем не больно.

– Его надо снова привязывать, чтобы он не выходил из чума! – выругался Собируй.

– Оставь! – сказала бабушка Илне. – У ребёнка должно быть право на игру. Оберегая его от боли, ты не даёшь ему жить.

Через пару недель Нейто снова делал свои первые шаги, а лайка Нарэй лежала возле чума, прислушивалась к каждому шороху, повизгивала и с нетерпением ждала своего маленького охотника.

**Хорей – шест, которым погоняют оленей при езде.*

***Постель – шкура с длинной шерстью, снятая со взрослого оленя в зимнюю пору.*

****Малица – длинная верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь с капюшоном и рукавицами мехом наружу.*

Священные кости

Пришёл как-то Собируй жаловаться к Варгу. Колдун, закатив глаза, бил заячьей лапой по бубну.

– Бум-бурум! Бурум! – звенел бубен.

– О-о-эй! И-ё-эй! – плясал Варг вокруг обновки. – Я самый хитрый жрец! Малицу у простака на сушёный лопух выменял. Завтра тобоки* возьму, кашель бубном полечу...

– Много лет жизни, вам, умнейший! – сказал Собируй.

– Много лет жизни! – ответил недовольный колдун.

– Горе у меня... – продолжал Собируй.

– Олешки заболели или опять жена суп пересолила?!

– Не-е-ет! Хуже! У Нейто любопытство растёт. Умствует безразмерно. Говорит, хочу учиться! Помогите.

– Знаю! Всё знаю, – ответил колдун. – Ладно. Своих детей у меня нет, возьму вашего. Нового жреца воспитаю.

В тот же день отец с матерью привели сына в чум к Варгу и напутствовали:

– Вот твой новый чум, Нейто. Слушайся умнейшего, – сказал Собируй.

– Ладно, – ответил Нейто. – Посмотрим.

– Бедный, – сказала Нябине, не то про сына ученика, не то про колдуна-учителя и тяжело вздохнула.

Оленеводы ямдают** каждую неделю. Ягель заканчивается, оленям нечего есть, приходится перегонять стадо. Вот и Собируй с женой Нябине, матерью Илне, братом Хасавато свернули свои чумы, уложили их на грузовые нарты и перекочевали на другое место. Нейто остался

с Варгом.

В первый же день колдун приказал ученику вымести чум, а сам поехал обирать старого оленевода. Жрец нарвал лопухов и отправился в соседнее стойбище лечить старика от кашля.

– Чум вымети, золу из кострища выгреби, шкуры выхлопай, хворосту собери, чай свари... – наказывал Варг.

– Ладно, – отвечал Нейто. – Посмотрим.

Колдун сел на нарты и, погоняя тяжелым хореем четвёрку оленей, уехал. Ученик наломал вереска, старательно подмёл в чуме, выгреб золу, выхлопал шкуры. Под вечер подозвал свою любимую лайку Нарэй и других собак, запряг их в легковые нарты и привёз целый ворох хворосту. За службу Нейто бросил собакам кусок вяленого мяса и все кости, что нашёл в чуме.

– Ешь, Нарэй, заслужила! – гладил он свою любимую собаку.

Варг вернулся поздно вечером. Разложив новые тобоки на латах***, колдун начал производить одно из своих заклинаний, приносящих ему богатства. Чтобы удача не отвернулась от жреца, ему понадобились обрядовые кости. Обыскав весь чум, он закричал:

– Нейто, где все костяшки?!

– Собаки съели.

Колдун пришёл в ярость:

– Ты скормил священные кости, за это будешь сам голодать! Болеть твоему животу! И не спать тебе семь дней! Вон из чума!

– Ладно, – ответил ученик и вышел из нового дома.

На следующий день от сварливого жреца убежали олени. Вдобавок у него разболелись зубы, а колдовство и новые тобоки, как бы он их не прикладывал к больной щеке, не помогали.

– О-о-эй! И-ё-эй! – страдал Варг. – Попадись на глаза мне пройдоха Нейто! О-о-эй! И-ё-эй!!! За проделки твои напущу я ужей!

Собаки тем временем отвели маленького человека в тундру, где вызрело много черники и морошки. «Собака, однако, а помнит, кто её кормит», – подумал ученик.

Через неделю родители пригнали стадо, и Нейто вернулся домой.

**Тобоки – обувь оленевода из оленьей шкуры, высотой до бедра.*

***Ямдать – перевозить с места на место.*

****Латы – деревянный пол в чуме.*

Путешествие между дождями

фрагмент

Елизавета Выучейская

В редакции Рочевой Марины Григорьевны

Глава I

“Осень, доползём ли, доживём ли до ответа?
Осень, что же будет завтра с нами?
(Юрий Шевчук)

Наш поезд мерно стучал колёсами и летел мимо редких лесочков и полей, над которыми плавали клочья предутреннего тумана. Оказаться бы сейчас там, в этой мутной пелене, где всё теперь кажется нереальным и призрачным. Там, под насыпью железнодорожного полотна, пробуждалась земля, вдыхала ароматный запах трав и пила холодную росу через соломинки пожухлых травинок. Восток обещал скорый восход солнца, играя оранжево-красными полосками облаков у края горизонта.

А в предрассветном небе сияла обворожительным светом Венера. Она смотрела не мигая на нежившуюся под лёгкой простыней тумана землю и украшала предрассветную синеву неба своим присутствием. Меня охватывало лёгкое сожаление и беспокойство, когда высокие кроны деревьев, близко подступавшие к железной дороге, скрывали от моих глаз ясный свет звезды. Но ещё больший переполох в душе возникал, когда поезд делал поворот и Венера скрывалась от моего взгляда. «Увижу ли я её сегодня ещё раз, хотя бы на миг, ведь совсем скоро встанет солнце?» – с тревогой спрашивала я себя. Но тут же мысленно смеялась над собой и над своими совершенно нелепыми переживаниями. И продолжала смотреть в окно, любуясь разгоравшимся закатом, плавающими над землёй клочьями тумана и ловила себя на мысли, что напряжённо жду нового поворота поезда. Это ожидание постепенно превращалось в нетерпение, досаду и нарастало до тех пор, пока в моём окне в полном своём блеске вновь не появлялась Венера. Напряжение моё мгновенно спадало, ощущение радости и восторга охватывало в тот миг мою душу! Я вновь видела её, и для меня в то утро это было почему-то важно.

Вагон спал. Задремал и Миша, утомлённый монотонной песней колёс и убаюканный качкой вагона. Пусть поспит. Нам ещё предстоит долгая дорога из угасающего августовского лета в предзимье. Мы возвращаемся из отпуска домой, в городок, от которого рукой подать до Ледовитого океана. У нас не редки в августе ночные заморозки, а в сентябре может выпасть первый снег. Хотя, чего греха таить, снег у нас может идти и в июле. Жаловаться и пенять на

погоду – бесполезное занятие: смешно и странно ждать хорошей погоды в городе, притулившемся под крылышком океана, от названия которого мурашки бегут по коже.

Какой же погодой встретит нас Север на этот раз?

Каждый раз, возвращаясь из отпуска, я задаю себе этот вопрос. Чаще всего уже на трапе самолёта продирает до костей промозглый ветер, а по взлётной полосе носится позёмкой песок. Унылый пейзаж: изогнутые долгими ветрами низкорослые берёзки, растущие вперемежку с елями, низкое серое небо и желтоватый песок. Он клубится следом за машинами, взвихряется ветром, набивается в волосы, рот и глаза, и ты слышишь едва уловимый его шорох, похожий на звук сминаемого в руках полиэтиленового пакета. Таков наш Северок, угрюмый и неласковый. К непредсказуемости его погоды я давно уже привыкла, поэтому, отправляясь в отпуск, всегда беру с собой лишнюю сумку, набитую тёплой одеждой. Переодеваться иногда приходится прямо в самолёте, чтобы не быть застигнутой врасплох студёным ветром. Но хватит об этом. Натаскуюсь ещё по лету, которого у меня осталось всего-то несколько часов. Сегодня в десять вечера мы будем уже дома.

Когда в кассе вокзала нам с Мишкой достались сидячие боковые места, мы не сильно расстроились. С сыном мы договорились, что всю ночь мы будем пить кофе или чай, болтать и смотреть в окно. Мишку сморило уже на середине пути, а я так и не сомкнула глаз. Да разве уснёшь тут, если ослепительная по красоте звезда заглядывает в окно? Мне жаль своих попутчиков: они пропустили такое зрелище! Не умоляли они вместе со мной повернуть поезд курсом на север, чтобы не упускать и держать в поле зрения голубоватый свет звезды. Я же ощущала каждый поворот поезда не только затёкшими от долгого сидения мышцами, но и каждым своим нервом. И только стоило Венере зависнуть над верхним краем окна, я мысленно повторяла: «Светлоокая моя! Ясная! Как же я рада новой встрече! Побудь со мной хоть недолго. Дай мне на тебя наглядеться и напитать душу радостью, которую ты привносишь своим тихим светом». И всё существо моё переполнялось таким детским восторгом, как будто это я усилиями своей воли направляла бег поезда в нужном мне направлении.

Мы приближались к Москве. Пассажиры начали просыпаться и снова в узких проходах.

Я нехотя оторвала взгляд от окна и окликнула Мишу:

– Просыпайся, сынушка! Скоро Москва.

– А? А я что, уснул? Ты чего меня не разбудила?

– Зачем? Наоборот, подумала, хорошо, что ты спишь. Тебе надо было отдохнуть, ведь вся тяжесть сумок достанется тебе. Здорово, что ты вырос! Куда бы я без тебя?

Сын в ответ довольно улыбается, потирает ладонями заспанное лицо и спрашивает:

– А ты поспала хоть немного?

– Нет. Я в окно смотрела. Представляешь, сегодня так красиво светила Венера! Посмотрим, может, ещё раз её увидим.

Но чудо не повторилось, видимо, змеиное туловище поезда вильнуло к западу, скрыв от нас последние минуты блеска красавицы-звезды.

– Как жаль, не видно, – сказала я. – Хотя, собственно, и любоваться нам уже некогда. Скоро начнётся санитарная зона. Надо сходить в туалет, умыться и попить кофе и обязательно поесть. Цены в московских буфетах, сам знаешь, какие.

– Не. Есть мне не хочется.

– Миш, тут уж – через «не хочется». Поесть надо. До отправки самолёта останется десять часов.

– Нет, мам, не уговаривай. Хотя кофе я попью с удовольствием. Ну, пора действовать. Я пошёл занимать очередь в туалет. Где тут моё полотенце?..

За нехитрыми хлопотами незаметно пролетело время, и наш поезд подошёл к вокзалу.

– Ну, значит, как договаривались: сумки – в камеру хранения, дожидаемся открытия метро, немного погуляем по Москве, возвращаемся за вещами и – в аэропорт, – озвучивает сын план наших действий, который мы с ним обговорили ещё накануне.

Всё так и вышло. Мы гуляли по центру Москвы с той же поспешностью, с какой листаешь интересную книгу. Прочесть бы её, но нет времени, потому и вглядываешься жадно в её фотографии и иллюстрации, а потом с сожалением ставишь том на полку, утешая себя мыслью: «Как-нибудь потом прочитаю».

С Мишей мы пробежались по Красной площади, обошли Кремлёвскую стену, побродили по Александровскому саду и Манежной площади, впитывая в себя незабываемые образы со страстностью людей, которым неизвестно, когда придётся ещё раз побывать здесь. И над всей этой стремительностью прогулки довлел властный таймер, включенный глубоко в мозг, который не позволял расслабляться и замедлить наш торопливый бег. Он напоминал нам, что время нашего путешествия истекает. Стоило нам остановиться и присесть, чтобы дать отдохнуть гудящим от напряжения ногам, как неумолимый бег времени насылал страхи о дорожных пробках или других непредвиденных

обстоятельствах, которые могут вынудить нас опоздать на самолёт.

Время истекло незаметно. И вот мы, уже пристёгнутые ремнями к креслам, взмываем под рёв турбин и летим навстречу дождливой серой осени.

Глава II

А начиналось наше путешествие, о котором я хочу вам рассказать, в середине июня, в самом начале нового тысячелетия.

В день, когда мы уезжали в отпуск, дул холодный ветер и шёл снег, несмотря на то, что уже миновала середина июня. Такая погода могла бы повергнуть нас в уныние, если бы не поездка, предвещавшая нам до конца августа обилие солнца, дешевые фрукты и овощи и встречу с родственниками, с которыми я не делась семнадцать лет. Что я? Бабушка Мишку знала только по фотографиям, да и то только тем, когда мой сын позировал на них голопущим крепышом с пустышкой во рту. А потом иссяк поток писем, редкими стали даже поздравительные открытки, потому что мы все были измотаны испытанием на выживание. Таковы приметы последних лет, обрушившихся на Россию. И для меня многие племянники, с которыми мне предстояла встреча этим летом, существовали лишь теоретически. О них я знала по редким письмам и чёрно-белым фотографиям.

Городок Навашино, куда мы ехали, был родиной моего мужа. Там жили его мать, Мария Петровна, и три его сестры: Марина, Люба и Нина.

Мы уезжали из дома с радостью, которая, наверное, охватывает каторжан, внезапно обретших свободу. У нас не было ни чётких планов, ни ясных очертаний того, что нам предстояло за лето увидеть. Главным было то, что мы вырвались наконец в эту поездку. А свист холодного ветра и секущие по лицу ледяные крупинки лишь усугубляли радость, что не пройдёт и часа, как мы покинем эту серую мерзость погоды.

В Архангельске была получасовая пересадка. Времени едва хватило, чтобы выйти из самолёта, минут десять прогуляться вдоль здания вокзала, пока не объявят посадку. Приятно было увидеть яркое солнце и деревья, шелестевшие молодой листвой. Здесь уже начиналось лето, и было трудно поверить, что мы только что убежали от холода и снегопада. Но нас ждал ещё один перелёт в места, где лето утвердилось давно и надолго.

В Москве я плохо ориентировалась. В нагрудном кармане ветровки я держала небольшую записку, составленную мной перед отъездом, где были записаны номера автобусов, остановки, названия станций метро – тот минимум сведений, который помог бы нам без приклю-

чений добраться из аэропорта до Казанского вокзала. Даже купленная мною схема метрополитена пестрила названиями, которые, несомненно, на слуху у каждого из нас, но они ещё не были облечены в зрительные образы.

Незадолго до этой поездки Миша спросил:

– Мам, ты раньше была в Москве?

– Да, и не однажды. Но всё как-то проездом. В последний раз я была там, когда твои братья были ещё маленькими: Андрею исполнилось пять лет, а Васе – не было и четырёх.

– А отец почему с вами не поехал?

– Ему в то лето отпуск перенесли на осень. Он помог нам собраться, проводил на самолёт и отправил в гости, к бабушке. До сих пор думаю: смогла бы я решиться на такую поездку, с двумя малыши детьми, сейчас? А тогда, в молодости, всё казалось простым и лёгким. Сам подумай, что это за путешествие. Надо было в оба смотреть за малышами, да и вещи пришлось нести мне. Но мужички наши были молодцы, они мне помогали, каждый из них нёс пакет со своими ботинками или курточками. Перед поездкой я им строго-настрого сказала: «От меня не отставать ни на шаг! Крепко держитесь за мои руки! Если отстанете от меня, то тут же потеряетесь или своруют вас цыгане и заставят деньги просить или цыганочку на площади танцевать».

– Мам, такие строгости, – перебил меня Миша. – Ребята ведь были маленькие.

– Но эта строгость была вызвана необходимостью. Ты думаешь, мне не было жаль ребят, когда я глядела в их расширенные от ужаса глаза? Представь, каково было мне передвигаться в этих толпах людей, когда обе руки заняты сумками, а дети крепко держатся за ручки сумок. И прибавить шагу не можешь, потому что передвигаться надо со скоростью трёхлетнего ребёнка. Зазевался бы на мгновение хоть один из малышей, и его унесло бы людским потоком в неизвестном направлении. Да и мало ли что могло случиться. Поначалу всё шло хорошо. Приехали мы на Казанский вокзал. К билетным кассам не протолкнуться. Поначалу я спокойно стояла в очереди в кассу, а дети сидели в сторонке на чемодане. Но самое сложное ожидало меня у самого окошка. Тут происходила самая ожесточённая давка. С противоположной стороны от кассы наседали небольшая горстка людей, которые считали себя льготниками. Они просовывали в небольшое отверстие кассы какие-то справки, удостоверения, толкались и кричали, оспаривая своё право купить билеты вне очереди. Подошла моя очередь, но меня оттеснила цыганка. Она держала на руках ребёнка, который оглушительно ревел. Как только цыганёнок замолкал, мать щипала его ногу, и ребёнок начинал кричать с ещё большей силой.

– Не ребёнок, а щипковый инструмент, – заметил Миша.

– Вернее не скажешь, – засмеялась я. – Инструмент добывания всего, что хочешь.

Только отошла цыганка, меня начал отталкивать от кассы какой-то тучный гражданин, который утверждал, что инвалид II группы и поэтому его должны пропускать без очереди. Я решила использовать опыт цыганки, подождала к себе Андрея и Васю, с большим трудом подняла их и закричала:

– Уважаемые граждане! Со мной двое маленьких детей! Дайте мне купить билеты! Мы стоим здесь уже полтора часа!

И вот держу я детей на руках, буквально проседаю под их тяжестью, каким-то чудом высвобождаю руку, чтобы протянуть в окно кассы документы и деньги. И при этом хоть бы один из твоих братьев издал звук. Сидят на моих руках, с интересом разглядывают кассиршу. Наконец-то билеты мы купили.

Поезд наш отходил во втором часу ночи. В зале ожидания все кресла заняты. С великим трудом отыскали мы два места. На вокзале душно. Надо было ребят напоить, а отлучаться страшно. Напротив нас сидела немолодая супружеская пара. Я попросила их присмотреть за детьми. Ребятам сказала, что сейчас сбегать ненадолго и вернуться. Направилась я к выходу, отошла уже на солидное расстояние, но тут оглянулась, чтобы посмотреть, как там мои дети. Тут вижу я такую картину: на меня неотрывно смотрят четыре круглых глаза моих малышей. И столько ужаса в их лицах! Я решила приободрить детей, улыбнулась и помахала им рукой, давая знак, мол, держитесь, я – быстро. Только я отвернулась, чтобы продолжить путь, как услышала за своей спиной вой, который перекрывал собой шум и многоголосье вокзала. Я вновь оборачиваюсь и вижу, как ко мне мчатся с рёвом Вася и Андрей. Присела я на корточки, распахнула руки, и малыши с рёвом поочередно ввалились в мои объятия, едва не сбив меня с ног. Обняла я ребят, дождалась, пока они успокоятся, и спросила:

– Вы чего так перепугались, глупенькие мои? Я ведь хотела быстро до магазина сбегать, чтобы молока вам купить.

Андрейка говорит:

– Мама, а зачем ты нам рукой махала? Мы подумали, что ты одна, без нас, решила уехать к бабушке. Наверное, рассердилась на нас, что мы непослушные, и решила оставить нас цыганам.

– Да что вы! Чудышки вы мои! Ну на кого я вас брошу! Никуда я не уйду. Сейчас схожу до магазина, куплю вам молока или соку и тут же вернусь, – сказала я. – Вы только посидите тут немного.

Усадила я детей и пошла, но на этот раз даже оглянуться боялась. Сок и молоко я купила. В каком-то киоске приобрела ещё и две игрушечные машинки: надо было хоть чем-то детей занять. Сыновья принялись играть, и время пошло не так утомительно.

Пришло время ребят кормить. Недалеко от нас находился буфет, но народу в нём было

столько, что не протолкнуться... Заняла очередь. Постою я в ней минуты две, только ради того, чтобы в очереди меня запомнили, и бегу смотреть, на месте ли ребята. Всё в порядке: катают свои машинки по креслам, поглощены игрой так, что не замечают моих метаний от скамеек до буфета. Я мысленно нахваляю себя, что догадалась купить детям игрушки.

Подошла очередь. Я купила всё, что полагается, расставила стаканы и тарелки на освобожденном столике и пошла за детьми. Смотрю, Васьки нигде нет! Подбегаю к Андрюше и спрашиваю:

– Андрюшенька! А где Вася?

– Не знаю, мамочка, – отвечает, – только что здесь играл.

Супруги, согласившиеся приглядеть за детьми, растерянно пожимают плечами и говорят в один голос:

– Да здесь он, здесь! Не беспокойтесь вы так. Он тут! Куда ему деться? Он же у вас маленький, присел, наверное, на корточки, вот его и не видно.

Я обошла все ряды кресел – Васи нигде нет. Отвела Андрюшку в буфет, усадила за стол.

– Посиди здесь. Если хочешь, то поешь. А я найду Василия и вернусь. Не беспокойся, я мигом! И прошу тебя, ради всего святого, только не уходи никуда!

Но мигом у меня не получилось. Несколько раз я обошла зал ожидания, заглянула в туалет, возвратилась к креслам, где мы сидели, в надежде, что Вася вернулся, но всё тщетно. Подошла к милиционеру, который стоял у ограждения при входе в зал.

– Товарищ милиционер, – говорю, – вы не видели маленького мальчика в красной курточке с машинкой в руках? Понимаете, у меня сын потерялся! Его Васей зовут.

Милиционер в это время разговаривал с каким-то мужчиной. По тому, как они были поглощены беседой, было ясно, что милиционер и его собеседник – давние друзья. Страж порядка нехотя прервал разговор, глянул на меня и нетерпеливо переспросил:

– Что? Не понял. Что? Что вы, гражданочка, хотите?

Я несказанно смутилась: шутка ли, разговаривать со столичным милиционером, у которого дела куда поважнее, чем мои. И всё же мне пришлось повторить вопрос и уточнить жестом Васин рост. Тогда он приходился мне немногим выше колена.

Несмотря на то что я считала себя тогда вполне взрослым человеком, на самом деле была наивной, как девчонка. Мне казалось, что милиционер засуетится, включит рацию и начнёт оповещать все посты о пропаже ребёнка. Но блюститель порядка воскликнул:

– Ой, да что вы, гражданочка! Я тут внимательно смотрю за всеми, кто заходит в зал и выходит из него. На такого малыша, как вы только что показали, я бы уж точно обратил внимание!

Мимо меня тут, гражданочка, и муха незамеченной не пролетит! Так что не ходите никуда, успокойтесь и ищите сына в зале, он где-то там.

И милиционер в полном безразличии отвернулся, продолжая прерванную беседу с приятелем. Я носилась сломя голову по залу, заглядывала под кресла, забежала в буфет, чтобы успокоить Андрюшу и бросить ему на ходу:

– Андрюшенька, я Василия всё ещё не нашла, ты подожди ещё немного, мы скоро вернёмся. Только прошу тебя: никуда не уходи, сиди здесь.

Потеряв всякую надежду в поисках пропавшего сына, я вновь решила обратиться к милиционеру. Тот нехотя, как к назойливой попрошайке, обернулся ко мне со словами:

– Не нашли сына? Ищите лучше. Я же вам сказал: мимо меня муха не проскочит.

Ну, что тут будешь делать? Я была в отчаянии! Мне уже рисовались картины, одна ужаснее другой. В одной из них представлялось, что Василёк сел в поезд и мчится теперь в неизвестном направлении. Вторая подсказывала другой сюжет, как моего сына выкрали с неизвестно какой целью проходимцы. Оставалось одно: ещё раз заглянуть в буфет, успокоить Андрюшу и идти в дежурную часть, чтобы написать заявление о пропаже ребёнка. Обращаться к дежурившему у входа милиционеру, как я поняла, толку было мало.

Я подошла к креслам, чтобы проверить, на месте ли сумки, и увидела Ваську.

– Мам, а вы где с Андрюшкой ходите?! Я вас тут жду, жду! – сказал он невозмутимо.

– Васенька! – бросилась я к нему. – Слава богу, живой! Ты где был?! Я же тебя ищу везде!

– Нигде не был. Я только ходил погулять. Вышел на улицу, постоял, посмотрел. Неинтересно там. Только и видно, что одни ноги да колёса машин...

Выслушав мой рассказ, Миша засмеялся:

– Получается, что наш Васька незамеченный прошёл мимо милиционера и тот на него не отреагировал?

– Да, где уж ему?! Я же говорю, он всё это время болтал с приятелем. Вот те: «и муха не пролетит»! Василёк наш мимо него не менее двух раз протопал. Вот так они следят тут за порядком! Но больше всего меня в той истории удивило то, что Вася без труда нашёл дорогу до выхода из вокзала, погулял на улице и вернулся назад. Я тогда ещё спросила у него:

– Вася, а как ты запомнил, куда надо идти? Это же трудно: место незнакомое, народу кругом много...

– Что я, дурак что ли? – ответил трёхлетний сын. – Когда мы шли сюда, я запомнил дорогу.

Нет, Миш, представляешь, каково это ориентироваться, когда ты видишь только ноги людей и колёса машин. Оказывается, память у детей довольно-таки цепкая!

В ответ Миша только рассмеялся и кивнул головой в знак согласия.

С Мариной, сестрой моего мужа, мы сдружилась давно. Она – его старшая сестра.

С ним я познакомилась ещё на первом курсе института, и наш роман то угасал, то вспыхивал вновь. Сергей отслужил в армии, поработал недолгое время в Ленинграде, а потом вдруг уехал в Навашино. Все наши ссоры и примирения, месяцы безмолвия, когда я не знала, где он, и думает ли он обо мне, растянулись на пять лет моей учёбы. И когда я сдала последние экзамены и ожидала дня получения диплома, пришла телеграмма: «Приезжай. Люблю, жду, целую. Сергей».

Былые чувства всколыхнулись вновь. «Что же это с нами делается? – подумала я. – Сколько лет прошло, а мы всё ходим вокруг да около, как привязанные друг к другу. Надо что-то решать. Съезжу, посмотрю, никто меня силой не заставит выходить замуж. Приеду, взгляну ему в глаза, и, если увижу в них подтверждение слов короткой телеграммы, тогда и поженимся. Если что, я тут же сяду в поезд и укачу обратно».

Эти успокоительные мысли вернули моей душе покой. С ними я тряслась в вагоне, когда ехала к Сергею. С ними выпрыгивала на платформу, усилием воли напустив на себя рассеянный и безразличный вид. Но напускная холодность улетучилась тут же, как только я оказалась в крепких объятиях Сергея.

– Приехала! – облегчённо выдохнул он мне в ухо. И одно только это слово решило мою судьбу.

Встречать меня, несмотря на ранний час, пришли сёстры Сергея. Они с интересом рассматривали меня, а я ёжилась под их взглядами. Что поделаться? Моя голова была нашпигована мыслями, что девушка должна быть скромной, что все отношения с противоположным полом должны носить только дружеский характер, и не более того. А тут, к своему стыду, я сама приехала к парню, нарушив все принципы, сформированные во мне к тому времени.

Шла неделя за неделей, мы с Сергеем уже расписались, а я всё равно чувствовала себя преступницей, и любой молчаливый взгляд матери и сестёр Сергея воспринимала болезненно. Это сейчас понимаешь, что воспитание, полученное в детстве, порождает зашоренность взглядов, полное неумение разбираться ни в людях, ни в житейских вопросах.

О том, что дело обстояло гораздо проще, что ко мне присматриваются, как это и должно быть, мне и в голову тогда не приходило. Я замкнулась, боялась проронить лишнее слово и чувствовала небольшое облегчение лишь тогда, когда Сергей крепко держал меня за руку.

Появившееся откуда-то чувство вины терзало меня, сковывало все мои движения. Я даже стол не могла накрыть без того, чтобы не выронить из рук чашку или не разбить блюдце.

От этого я ещё больше сердилась на себя, погружаясь всё более в болезненное состояние, которое напоминало мне бесцельный бег по замкнутому кругу.

Из тупика, в который я вогнала себя своим надуманным чувством вины, был один выход: уехать отсюда. Жить самостоятельно, чтобы не сталкиваться с чьим-то изучающим тебя взглядом и обрести душевный покой. Уже не знаю, какие слова я нашла, чтобы убедить Сергея ехать со мной на Север, но он легко согласился оставить дом.

Марине, казалось, не было до меня и моих переживаний никакого дела. Всё её внимание было сосредоточено на первенце, Игоре, которому не исполнилось тогда и года. И всё же каким-то необъяснимым чутьём она поняла, что мне нужна поддержка. Не успели мы уехать, как от Марины стали приходить письма. Она не забывала вовремя отправить открытку, несколько раз приезжала к нам в гости. Своими письмами, открытками, приездами она шаг за шагом сближала меня с сёстрами и матерью Сергея. Она приучила думать о них как о родственниках, а не как о случайных в моей жизни людях.

Какое-то время я и своего мужа считала совершенно случайным человеком в своей жизни. Наш брак с Сергеем иногда казался мне скоропалительным. В том болезненном состоянии уязвлённой гордости не следовало принимать никаких серьёзных решений. Особенно эти мысли донимали меня в первый год замужества, когда мы только начинали привыкать друг к другу. Но родился Андрей, за ним Вася и Миша. И со временем я поняла, что не могло быть иначе. Решать надо было в день, когда я получила телеграмму. Судьба дарила мне несколько дней для раздумий до приезда в Навашино, до подачи заявления в ЗАГС, до свадьбы. Но раз уж она свершилась, над чем ещё можно и нужно ли ломать голову?

Когда-то мне казалось, что фраза: «Браки рождаются на небесах» – менее всего подходит к нам с Сергеем. Оказалось, что нет. И к нам она относится, хотя бы потому, что у нас вырастут и мужают сыновья. Пройдёт сто лет, двести, триста... Кому из наших потомков будет дело, как мы поженились, дружно ли жили в браке, кто о ком больше заботился? Всё это наносное. Даже не важно, сохранят ли они в своей памяти наши имена. Главным будет одно, что мы подарили миру потомство.

С остальными сёстрами у меня не было натянутых отношений. Мы часто ездили к ним в гости, но такой активной переписки, как с Мариной, не вели. Когда я приходила с работы и видела, что кто-нибудь из моих сыновей, разговаривая по телефону, подробно отвечает на вопросы, то я твёрдо знала, что звонит Марина. Только её могло интересовать, какие оценки стоят в таблице или что я сегодня готовила на обед.

Перестройка, наступившая вслед за нею нищета, смерть мужа на долгие годы отдалили меня от Навашино и её обитателей. Неизменным было одно: Марина по-прежнему не упускала случая, чтобы не созвониться с нами и разузнать, как мы живём.

Сейчас мы ехали в гости к Марине. Я ждала этой встречи и немного волновалась. Свекровь давно не писала мне. Как отнесётся она к нашему приезду?

Глава IV

Мы добрались до вокзала. Купили билеты, и времени у нас оставалось всего лишь на то, чтобы взять в дорогу пирожков и соку. Поезд, на бортах каждого вагона которого красовалась надпись: «Москва – Сергач», нас уже ждал. Суетился народ, входя в вагоны. Нам предстояло ехать пять часов на боковых местах.

– Постельное бельё брать будем? – спросила я сына. – Приедем поздно ночью, можно ненадолго и вздремнуть.

– Ну уж нет! Лично я спать не буду! Давай лучше посидим, поглядим в окно, поговорим. Я так давно никуда не ездил, и одна мысль, что я в дороге, радует меня, из-за неё я ещё долго уснуть не смогу! Какой тут сон?! Да и деньги сэкономим, они нам ещё пригодятся.

– Я тоже так думаю, – согласилась я. – Смотри, Миша, вагоны ничем не изменились со времён моего детства. Однажды мы ехали в пионерский лагерь из Печоры до Котласа. Мне тогда было четырнадцать лет. С ума сойти, сколько времени пролетело! Интересно, когда были спроектированы и построены эти вагоны? Изменилась только внутренняя окраска – тогда панели были выкрашены в стальной цвет, видимо, затем, чтобы меньше грязи на них было видно. Представляешь, как бы угрюмо это сейчас выглядело?!

– А постельное бельё выдавали?

– Не выдавали, а продавали, как и сейчас. Кажется, это стоило один рубль. Тогда постельное бельё было серым, застиранным и влажным. Даже неприятно было на такие простыни ложиться. А сейчас, обрати внимание, бельё уложено в пакеты. Всё-таки цивилизованнее мы стали жить.

– Смотри, мама, какую скорость наш поезд набрал! И темнеть уже стало, а я уже успел отвыкнуть от тёмных ночей. Так непривычно. А у нас, в Нарьян-Маре, солнце сейчас не садится. Эх, как тут красиво! Как же давно я никуда не ездил! Интересно, а нас кто-нибудь встретит?

– Конечно, встретят. Жаль, ты ещё не знаешь наших родственников. У них традиция – встречать и провожать гостей. Если бы мы туда часто ездили, и то бы это тебя поразило. Скоро ты сам убедишься: нас будет встречать толпа, состоящая из твоих милых тётушек, двоюродных братьев и сестёр. Помяни моё слово.

Так мы ехали, глядя в окно и болтая без умолку обо всём и ни о чём. Было непривычно смотреть на стущавшуюся темноту за окнами. В краях, откуда мы ехали, была пора белых ночей, таких, от которых пропадает сон. Отголосок наших белых ночей ощущался и здесь. Приближалась полночь, но небо почернело не полностью, а у самого горизонта на северо-западе желтела узкая, едва приметная полоска, красноречиво говорящая о том, что где-то в той стороне солнце не заходит ни на минуту.

Наши попутчики укладывались спать. Затих маленький ребёнок, который ещё недавно капризничал и плакал в конце вагона. Как только смолк его плач, кажется, все, кто ехал с нами, перешли на шёпот. Лишь изредка слышны весёлые возгласы компании молодых людей, усевшихся поиграть в карты. Не утомились лишь три демобилизованных солдата. Они слонялись по вагону, пили пиво, со всеми делились радостью, что служба позади и недалёк тот час, когда они окажутся дома. Одеты они были в форму, пестреющую яркими неуставными нашивками и шевронами, которыми украшает себя каждый уважающий себя дембель. Накачавшись пивом под завязку, один из солдат, видимо заблудившись, остановился около нашего столика, посмотрел на нас недоумённо, огляделся по сторонам и, поняв свою оплошность, извинился. Он с интересом посмотрел на Мишу, протянул ему свою широченную ладонь и представился:

– Марат.

– Михаил, – в тон ему отозвался сын.

– Тебе в армию скоро? – спросил Марат.

– Ещё не скоро, я в этом году девять классов окончил.

– Вот, Михаил, запомни, чтобы стать настоящим мужиком, надо в армию идти, – сказал с назиданием в голосе наш новый знакомый. – Я вот отслужил и ничуть не жалею. Бери пример с меня, – важно добавил он.

– А зачем мне с вас пример брать? У меня брат недавно из армии вернулся, – сказал сын.

– Где служил? – спросил Марат.

– Под Питером.

– А я в Подмосковье. Учиться дальше собираешься?

– Конечно, в десятый класс пойду.

– Ну, ты, брат, молодец! А я дурака сваял, не пошёл дальше учиться. Уж как мне мать говорила, а я, дурак, её не слушал. Я ведь и в школе, и в институте мог бы учиться неплохо, но появились кое-какие проблемы, я и бросил сторука школу, хотел матери насолить. А насолил себе. Ты, Миша, учись. Армия никуда не уйдёт. А если говорить по правде, то ничего хорошего в ней нет. Учись, пока есть возможность. Хочешь, я тебе свой значок гвардейский подарю? На, держи! И помни, что я тебе сказал.

Один из солдат уснул, взобравшись на верхнюю полку. Его огромные ноги торчали в проходе так, что каждый, кто проходил мимо,

рисковал ткнуться в них головой. А тут ещё и носки отставника стали источать такую невероятную вонь, что она резала глаза и сосредотачивалась комом в горле. Каждый, кто заходил в наш вагон, с подозрением осматривался, зажимал нос и восклицал:

– Фу-у! И чем это у вас пахнет?

– Да вон служивый года два, наверное, ноги не мыл и кирзачей своих не снимал, – отвечали ему.

Мы попросили проводницу включить вентиляцию, но та ответила:

– Я боюсь, что будет холодно. У нас дети в вагоне, как бы они не простудились. Вы уж потерпите.

Между тем смрад въедался в каждую клеточку наших организмов и, возможно, отравил бы всё живое в вагоне до прибытия поезда в конечный пункт назначения, если бы не извечная российская изобретательность. Сосед по нашему плацкартному отсеку решительно встал, достал из сумки огромный полиэтиленовый пакет, натянул его на ноги спящего солдата и завязал ручки пакета. Все облегчённо вздохнули: источник ядовитых газов был на время локализован.

Наш поезд подошёл к станции. Через проход торопливо стали протискиваться люди с огромными сумками. Открыли двери, и в вагон стал наконец-то поступать свежий воздух. Эта суэта ненадолго отвлекла меня от окна, так что я не увидела названия станции. Обратив свой взор к окну меня заставил тихий мелодичный звон. Он нёсся по всей платформе и всё более нарастал.

– Слышишь, Миша? Откуда этот звон? Странные какие-то звуки. Уж не сплю ли я?

– Смотри, смотри, мама! – с изумлением откликнулся сын.

По платформе в сторону нашего вагона бежали люди, нагруженные небольшими коробками и хрустальными люстрами. Подвески люстр по-новогоднему сияли в лучах скудного неоновом света, радужно преломляли его и пели волшебным звоном. Нет, это действительно было похоже на чудесный сон! А когда толпа людей приблизилась к нашему вагону, то стал различим людской неразборчивый гул голосов. Какая-то женщина подошла к нашему окну и стала прикладывать к нему наборы стаканов, чайные и кофейные сервизы. Она беззвучно, как аквариумная рыбка, открывала рот и манила меня рукой к себе.

– Миша, выйдем, подышим воздухом, – предложила я. – Заодно посмотрим, что там продают. Красотища-то какая!

– Mam, только ничего не покупай, – предостерёг сын. – Помни, у нас рук свободных нет.

Мы вышли на платформу. Со всех сторон к нам сбежали люди. Михаила они не воспринимали как серьёзного покупателя, поэтому весь удар торговой стихии пришёлся на меня. Разноголосая толпа, вмиг окружившая меня и

кричала:

– Хозяйка, хозяйка! Купи наборы стаканов. Смотри, какой тут тонкий рисунок. Недорого возьму!

– Да что его рисунок! Штамповка! Ты вот сюда посмотри, хозяйка, мои стаканы позолотой украшены. И продаю я дёшево. Бери! Где ты такое ещё увидишь?

– Хозяйка! Купи кофейный сервиз. Смотри, какой он красавец! А если два купишь, то я тебе хорошую скидочку сделаю.

– Хозяйка, не обращай внимания на его сервизы, у него рисунок штампованный. Бери мои чайные. Смотри, какая работа! В шкаф посудный поставит любой дорого!

– Да что вы? Я только вышла посмотреть, – растерялась я.

Но ко мне уже тянулись десятки рук, коробки с наборами стаканов и штофов, чашек и чайников, звонких обворожительно красивых люстр. Не прошло и минуты, как я была втянута в торг. Оказалось, что азарт торгашества таился во мне, концентрировался где-то в глубинах сознания, а сейчас выплеснулся, вскружил голову и приносил немалое удовольствие. Я и не подозревала, что могу сходить и расходиться в цене, выторговывая каждый десяток рублей.

Раздался свисток, поезд нетерпеливо дрогнул своим длинным телом, предупреждая, что вот-вот он тронется с места. Я, нагруженная коробками и свёртками, возвращалась к своему месту, с трудом балансируя в узком проходе.

– Mam, да ты с ума сошла! – воскликнул Миша. – Как мы всё это понесём?! Я пробовал отодрать тебя от этой толпы, но ты и слышать меня не хотела.

– Мишка, ты даже не представляешь, как я сбила цену! Всю эту прелесть я выторговала за триста пятьдесят рублей! Смотри, тут три чайных сервиза и набор стаканов с графином. Ну где ты встретишь ещё такие цены!

– И куда нам столько посуды? – трезво оценил обстановку сын. – И ещё вопрос: как мы всё это понесём?

– Ой, Миша, – отмахнулась я, – унесём как-нибудь. Тут главное – из поезда выйти, а уж там нас встретят. Ну а если что, так ведь камера хранения на вокзале есть. Хотя, я думаю, она нам не понадобится. Точно говорю: нас встретят. А посуду раздарим. Сам подумай, как это ехать в гости без подарков?

Соседи по плацкартному купе смотрели на меня с осуждающим любопытством. Мишкины отрезвляющие меня доводы были им гораздо ближе и понятней, чем мой восторженный и невразумительный бубнёж.

Эти настороженные взгляды попутчиков я давно уже ловлю на себе. Особенно это было заметно, когда мы разговаривали с Маратом. За время пути я заметила, что тут не принято пускаться в разговоры с незнакомцами. Это понятно. И для меня любая дорога – источ-

ник большого риска. Мало ли с кем предстоит ехать, поэтому в мозгу включен сигнал тревоги, не дающий расслабиться ни на секунду. И всё же что-то в моих попутчиках переменялось. Треснуло и разбилось отчуждение. Что послужило этому причиной, мне до сих пор непонятно. Может, Мишка подкупил всех таким понятным желанием не тратить попусту денег?

– Вы, наверное, впервые едете этой дорогой. На этой станции всегда посуду продают, – сказала одна из попутчиц, прикрывая ладонью растягивающийся в зевоте рот. – Тут неподалёку Гусь-Хрустальный находится.

– Гусь-Хрустальный, – мечтательно отозвалась я эхом.

– У меня там, на заводе хрусталя, сестра работала, – продолжила женщина, – мы иногда с нею созваниваемся. Так вот, сестра жалуется, что завод у них в упадке, многих рабочих отправили в бессрочный отпуск, а тем, кто остался, зарплату выплачивают изделиями завода. А кто-то и дома изготавливает посуду, потом носят её сюда продавать. А что? Людям как-то жить надо, не всем же спиваться.

– Это понятно. Я раньше не раз проезжала здесь, ещё до девяностых, такого здесь не видела, – задумчиво сказала я. – Такой доли и врагу не пожелаешь. Не от хорошей же жизни люди на платформе всю ночь простаивают.

– Что ночь? Они вот так каждый поезд встречают, – сообщила собеседница. – А вы, наверное, нездешние, раз так удивляетесь. Откуда и куда едете, если не секрет?

– Из Нарьян-Мара, – ответила я.

– Ой, а где это? На Чукотке?

«Сдалась им эта Чукотка! Вечно так: как только начинаешь в разговоре с непосвященными упоминать Нарьян-Мар, так слушатели радостно вспоминают Чукотку, словно у них по географии в школе “двойка” стояла», – с усмешкой подумала я.

– Наш город находится не на Чукотке, а на севере Архангельской области, в низовьях Печоры, – уточнила я.

После моих слов все, кто ехал в нашем отсеке, стали смотреть на нас с сыном в немом изумлении.

– У вас, наверное, сейчас холодно, – предположила попутчица.

– Утром, когда уезжали из города, снег шёл, – улыбаясь, ответил за меня Миша.

– Белые медведи, наверное, по улицам ходят, – мечтательно подхватила собеседница.

Глава V

Вот этот жгучий интерес меня всегда смущал и смущал. Так и подмывало приукрасить свой ответ чем-то необычным. Наша соседка по плацкарту, сама того не осознавая, провоцировала нас на сочинение небылиц о нашем округе. Мне стоило огромного труда не поддаться

этому соблазну. Но не всем это удаётся.

Вернувшись из армии, друг моего сына, Юра, со смехом рассказывал, что, когда он сообщил сослуживцам, что родом он из Нарьян-Мара, сразу же посыпались вопросы о белых медведях, оленьих упряжках и невероятных морозах. Вот он на ходу и сочинил сказочку, которую в урезанном варианте я вам хочу привести в качестве примера.

Северный Ледовитый океан почти вплотную подступает к нашему городу. Не верите – взгляните на карту. Я не буду вам рассказывать об айсбергах и торосах – это неинтересно. А вот о белых медведях скажу. В последнее время спасу от них не стало, потому что промышленники косолапые около мусорных баков в поисках пропитания, забираются через окна в первые этажи домов и наводят там погромы. Время от времени милиция проводит рейды: отгоняют медведей от города в тундру. Иногда вызывают бульдозеры, и те, громко тарахтя, распугивают мишек и оттесняют их в тундру. Убивать-то этих зверей нельзя, всё-таки в Красную Книгу занесены. Вот из-за этого запрета мы и мучаемся. Не проходит и недели, как медведи вновь дежурят у помоек и мусорных баков. Они у нас ходят стайками, как бездомные собаки. Но ведь с собаками ещё можно сладить, а тут медведи. Дело дошло до того, что опасно стало по улицам ходить, потому что раньше, например, меня охраняла верная овчарка, но после того, как её растерзал белый медведь, защиты никакой не стало. И надеяться можно только на быстроту оленьих упряжек, которые способны увезти от любой опасности. А олени упряжки в нашем городе развозят людей вместо такси. Когда город по крыши заметает снегом, никакой транспорт ходить не в состоянии, снегоуборочная техника с завалами снега не справляется. А тут ещё морозы стоят в середине января такие, что бензин замерзает так, что его хоть ножом режь. Хорошо, что в наши края пришла цивилизация и оленью упряжку к подъезду можно вызывать по мобильному телефону. Картина захватывающая! Подбегают к крыльцу дома быстроногие олени, скрипят на морозе нарты. Каюр, одетый в малицу, уже поджидает тебя. Он мерцает в темноте красным огоньком зажжённой сигареты и окутан, как привидение, клубами сизого тумана. Так называемый водитель оленьей упряжки спрыгивает с нарт, угрожающими криками и взмахами длинного хорея отгоняет от подъезда белых мишек и звонко кричит так, что в окнах дома обеспокоенно и беспорядочно начинают вспыхивать огни:

– Э-э-ге-гей!!! Кто тут упряжку заказывал?! Выходи!

Ты выскакиваешь из дома, прыгаешь на нарты, которые отзываются морозным взвизгивающим скрипом. Каюр заботливо закутывает тебя в оленьи шкуры, бочком садится на нарты, взмахивает хореем и звонко вскрикивает на языке, понятном только его оленям. Не прой-

дёт мгновения, как нарты понесут тебя, разрезая плотную завесу ночи, расцвеченную кое-где на небе широкими лентами полярного сияния и незаходящими созвездьями...

– Вы бы видели, с каким интересом меня слушали! Мало того, я видел, что ребята верят каждому моему слову! – со смехом сказал нам Юрий.

Эта история о медведях не совсем выдумка.

Однажды мне довелось познакомиться с женщиной, Галиной Николаевной, много лет прожившей в посёлке Амдерма. Она показала мне интересную фотографию. На фоне кирпичного дома, около мусорных баков, стоят три огромных белых медведя. Судя по тому, что снимок сделан с близкого расстояния, и по спокойным позам зверей, можно понять, что присутствие человека они воспринимают весьма равнодушно.

– Галина Ивановна! – воскликнула я. – Какая интересная фотография! Где сделан этот снимок?!

– В Амдерме, – улыбаясь, ответила моя знакомая. – А вон там, видите, лицо белеет в открытых дверях? Так это я. Правда, мне жаль, что я тут не очень-то чётко получилась.

– Галина Ивановна, а что, медведи так и бродят по посёлку?! – продолжала изумляться я.

– Да, частенько заходят, – спокойно и бесцветно, как о чём-то совершенно обыденном сказала моя приятельница. – Медведи роются в мусорных баках в поисках съестного. Пограничники время от времени отгоняют их подальше от жилья, но через день или два медведи снова приходят. Совсем звери обленились, им легче пропитание на помойках да на свалке искать, чем в море. Ты бы видела, как они ловко банки со стуженкой вскрывают! Ставят банке в одну лапу, другой лапой прихлопывают, бан-

ка сплющивается и лопают, а молоко стекает по лапе. В стуженке они знают толк... Видишь дом? – после небольшой паузы добавила она. – Наша квартира была здесь на первом этаже, так однажды медведь к нам в окно заглянул. Ещё немного, и ударил бы лапой по стеклу. Хотя в морозы стёкла хрупкие, одно неосторожное движение, и оно со звоном ломается. А тут медведь. Представь, какая громадина: встал на задние лапы и половину окна собою заслонил!

– Ой! Страшно, наверное?!

– Ну да. Мы тогда сильно перепугались, стали звонить, вызывать пограничников, – сказала Галина Ивановна. И вновь я поразились отсутствию каких-либо эмоций в её голосе.

– А вы не могли бы подарить мне эту фотографию? – с волнением в голосе спросила я.

– Нет, подарить не могу, она у меня единственная.

– Тогда дайте мне её ненадолго, я копии сделаю, буду знакомым показывать. Нечасто такое увидишь.

В фотоателье, где я попросила переснять фотографию, приёмщица неожиданно равнодушно глянула на медведей и спросила:

– Это где, в Амдерме?

– Да, – ответила я. – Правда, интересный снимок?! – тут же с жаром восторга спросила я.

– Ничего интересного, у меня дома не один десяток похожих фотографий. Это вы здесь, в Нарьян-Маре, удивляетесь, а я в Амдерме выросла и на этих медведей досыта насмотрелась.

Что ж? Всё познаётся в сравнении.

Возвращение фрагмент

Мария Кравченко

Когда духи не принимают жертвы

Глаз был большим и очень горячим. Отец положил его Ельне в ладонку зрачком вверх. А еще глаз был скользким. Девочка сжала пальцы и почувствовала, что в другой руке уже лежит второй глаз.

– Только не упади, не урони их. Бросишь глаза в озеро и смотри, утонут или нет, – сказала мама.

Раньше глаза к озеру носила сестра Ельне, но она уехала в город, учиться в интернате, поэтому отец поручил это важное дело самой младшей в семье, Ельне.

– У нее чистая душа, духу озера понравится, что она отдаст ему глаза, – сказал он.

– Через них дух будет смотреть на мир, будет видеть, правильно ли мы живем, и давать нам рыбу и чистую воду. Нам и оленям, – пояснила мама.

Ельне заволновалась и осторожно пошла, вытянув руки перед собой. Она смотрела только под ноги. Глаза в ладонках девочки смотрели в небо.

Обычно Ельне добежала до озера очень быстро. Сейчас она шла медленно, аккуратно обходя кочки, переступая через корни брусники, не замечая, как веточки багульника цепляются за подол нарядной панички.

Сегодня в семье Ельне праздник. Все собрались айбурдать: есть сырое горячее мясо оленя, макая его в соленую кровь, которая стекала в брюхо туши. Но сначала глаза оленя надо было принести в жертву духу озера.

Ельне еще и половину пути не прошла, а глаза в ладонях стали холодными и тяжелыми. Обычно, заглядывая в глаза оленям, девочка как в зеркале, видела только себя. Сегодня в зрачках отражалось синее небо. Это было красиво.

Вообще, все вокруг было красивым: белые

опушки цветущего багульника наполняли тундру медовым ароматом. Синие колокольчики, покачиваясь, вызванивали нежную песню. Им вторили жуки, перелетая с солнечных цветов морошки на россыпь незабудок. И от этого сердце девочки всегда наполнялось радостью.

Но не сегодня. Она, не замечая ничего, шла к озеру. От волнения сердце сжималось непонятной тоской.

Оказавшись на берегу, Ельне глубоко вздохнула, но странное дело, облегчения не почувствовала. Наоборот, сердце еще больше сжалось.

Тогда девочка размахнулась, глаза камнем ушли под воду.

– Вот и хорошо, – прошептала она. – Теперь духу будет все видно.

И тут глаза, как мячики выпрыгнули из воды, покрутились на воде и замерли белыми шарами с красными прожилками. Зеркальные зрачки смотрели в озеро.

Ельне в страхе молнией метнулась обратно в стойбище.

– Мапочка, они не утонули! Я хорошо несла, хорошо бросила, а они не утонули... – жалобно причитала она на бегу.

Отец с матерью сидели на траве возле туши оленя и оторопело смотрели на дочку.

– Надо идти к тадебя. Шаман скажет, что делать, – побелевшими губами прошептала мама.

Отец встал и медленно пошел к чуму.

– Что тут сделаешь, – не оборачивая ответил отец. – Все уже случилось. Ты делай что хочешь, мне все равно.

Ельне видела, как в одну секунду изменилась мама. Уголки губ опустились, плечи стали меньше, а глаза... добрые глаза стали пустыми.

– Мне тоже все равно, – еле слышно ответила мама и, откинувшись на траву, закрыла глаза, уснула.

Ельне стало страшно, глаза наполнились слезами. Набрав полную грудь воздуха, она собралась зареветь в полный голос. Она прекрасно знала, что на такой крик сбегутся все, и будут ее утешать, гладить по голове, успокаивать и волноваться, не ушиблась ли она, не заболела ли... И тут она увидела, что рядом с мамой сидят черноволосый парень, но не ненец и красивая девушка с длинными светлыми волосами. Елька никогда их раньше не видела. Мало того, она их не видела, когда прибежала от озера. Их не было и вдруг – появились.

Тот, который не ненец, удивленно озираясь, сказал.

– Это мы хорошо погуляли.

– Г-о-ша, – растерянно ответила девушка. – Мы же собирались... в тундру... до обеда...

Парень почему-то рассмеялся и уставился на тушу оленя.

– А обед перед тобой.

– Я не буду есть сырого оленя! – возмутилась девушка.

– Конечно не будешь. Даже если очень захочешь, я тебе не дам.

– Жадный такой, да?

– Я не жадный, я умный, – улыбнулся парень и обнял девушку за плечи. – Нам с тобой айбурдать нельзя. А вот ненцам необходимо, чтобы восполнить дефицит витаминов и микроэлементов. Помнишь, был случай, когда один священник решил ненецких детей учить? Было это в 19 веке. Собрал ребят из стойбищ, перевез в Архангельск. Кормил – поил на совесть, пироги, мясо жареное, овощи. Через год дети стали умирать. Авитаминоз. А всего-то не хватало крови горячей и мяса сырого.

– Может у меня тоже авитаминоз?

– Тогда тебе в аптеку. Ты другая. Катька, тебе кровь оленя не поможет. Но если хочешь, можешь попить. Организм человека – такая умная машина – избавится от ненужного любым путем. Хочешь, чтобы тебя рвало?

– Я сразу сказала, что не буду...

– Вы кто? – не выдержав перебила ее Ельне. – Откуда вы взялись?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Гоша.

– И, главное, вовремя, – вздохнула Катя. – Ты сама кто, как зовут?

– Я Ельне. Мне шесть лет. Я сегодня носила глаза оленя духу озера. Они не утонули.

– Понятно, – кивнул Гоша.

– Что тебе понятно?

– Что мы опять влипли в историю. Так что к обеду точно не успеем.

– Хорошо бы до конца каникул успеть, – растерянно ответила Катя.

Это твой мир, если в нем чужие духи?

Волки появились на поляне ниоткуда. Катя остолбенело смотрела, как серые звери, осторожно переступая огромными лапами, медленно приближались. Желтые глаза сверкали злобой, внушительные клыки отливали свинцом. Волков было шестеро. С каждым шагом они становились все больше и... прозрачнее. Среди волков был еще кто-то. Совершенно лысый серый зверь шел на задних лапах. Что-то ненормальное было в этом странном существе. Он вертел маленькой головой с несоразмерно большим носом, словно принюхивался. В этом было что-то знакомое, будто Катя уже видела это существо, знает, что оно такое. Увидев, что у него нет рта, чуть не закричала от ужаса: «Мал тэнга!»

– Что? – спросил волк Гошиным голосом.

От этого голоса страшные, в полнеба волки

и носатое существо исчезли, испарились. Гоша с тревогой смотрел в глаза Кати.

– Что ты сказала? Мал чего?

– Мал тэнга. Я это что, вслух сказала? – удивилась Катя. – Дайте водички попить, что ли, – жалобно попросила она.

Маленькая Ельне, все время тихонько сидевшая на траве перед ребятами, понимающе улыбнулась Кате.

– Табедя тоже так сидел, смотрел в никуда, потом кричал непонятное слово и воды просил. Я принесу, мне не трудно. Ты шаманка?

– Я? – удивилась Катя. – Нет, я нет!

Ельне разочарованно вздохнула и пошла к чуму.

– И отца позови, пусть сюда идет, – крикнул ей вдогонку Гоша и пересел поближе к Кате.

– Ну, рассказывай! Что видела?

– Волков, – виновато вздохнула Катя.

– Волков?

– Ну, может не волков, но очень похожих тварей. Не настоящих, прозрачных.

– Призраки волков?

– Может и призраки. И был мал тэнга. Понимаешь?

– Понимаю, «Нга» в имени – ничего хорошего.

Катя неожиданно улыбнулась, по-кошачьи ткнулась головой в Гошкино плечо.

– Я тебя просто обожаю! Ты такой умный!

– Не вижу связи.

– Зато я вижу! Сидела дура душой, ничего не понимала. А ты одно слово сказал, и все стало понятно. «Нга»!

– Он очень опасный?

– Кто? Мал тэнга? Да он вообще мифическое существо, у него даже рта, ну или пасти, чем они там кусают, нет. Только нос.

– Ну слава Богу!

– А раз это он, значит это не волки. Это тэри намгэ – образы тварей под...

Катя загнулась, радость на лице сменилась страхом. Она посмотрела на Гошу, неожиданно всхлинула.

– Подземного мира. Мал тэнга тоже оттуда. А твари – его свита. Это значит...

Голос у Кати дрогнул, из глаз посыпались слезы. Гоша слегка побледнел. Еще недавно в подобной ситуации он был бы блее белого. Годы общения с нечистой потусторонней силой научили выдержке. Самообладание – великая сила. Поэтому он просто обнял Катю за плечи.

– Разберемся. Не в первый раз. Ты не хочешь поговорить с Пыялета? Или Хадако? Давай, позови их, я пока Юрке позвоню.

Гоша встал и, чтобы не мешать, пошел к чуму, на ходу набирая номер на телефоне.

Катя не могла сосредоточиться. Что же такое должно было случиться, что бы духи подземного мира гуляли по тундре, как у себя дома? Мысли, одна другой нелепее, словно табун лошадей, носились в голове, топали...

– Пыялета, друг мой, хозяин всех земных оленей, ты мне нужен. Я зову тебя, помоги, – прошептала Катя.

В ответ наступила тишина. Мир замер.

– Бабушка Хадако, богиня земли, помоги мне, поговори со мной. Где ты?

Катя всматривалась в тундру и не узнавала ее. Живая земля застыла в тишине, стала похожа на картинку: трава, волнами гулявшая на ветру, застыла в поклоне, листья берез лохматились в разные стороны. Ветер исчез. Бабочка, распахнув цветные крылья, зависла в воздухе над цветком. Среди этого странного безмолвия к Кате шел Гоша. За ним семенила Ельне, стараясь не расплескать воду в ковшике.

– Катюша, у тебя все хорошо? – озабочено спросил Гоша.

– Нет, никто не отвечает. Ни Пыялета, ни Хадако, даже Харна куда-то пропал.

– И телефонной связи нет, представляешь? А хозяин чума спит. Глубоко и тихо. Я думаю, он спит, мать спит, это вопросы к Ирине. Она у нас по медицинской части.

Катя взяла у Ельне ковшик, жадно стала пить воду.

– Спасибо, солнышко, вкусная водичка.

– Это из озера, – улыбнулась девочка.

Катя вздрогнула и строго посмотрела на Ельне.

– Так, стоп! Еще раз, сначала. Ты отнесла жертву духу озера, он ее не принял. Что было дальше?

– Мама сказала, что надо идти к табедея, к шаману. А папа сказал, что уже все случилось, ничего нельзя сделать, и ему все равно.

– А мама?

– Сказала, что ей тоже все равно и уснула. А больше никого нет. Все в стаде, далеко отсюда.

– Ага! – Катя вскочила на ноги. – Значит ЭТО случилось раньше!

– Ты знаешь, что ЭТО? – осторожно спросил Гоша.

– Нет, но оно случилось раньше. Волков и Мал тэнга я видела потом. Значит причина всего этого в том, что случилось раньше.

– Наоборот, Катюша, – тихо заметил Гоша. – Волки и Мал тэнга – это следствие того, что случилось раньше. Как и то, что дух озера не принял жертву.

– И мир застыл, ты не видишь?

– Вижу. Стараюсь не смотреть, но вижу. Это следствие. А в чем причина того, что случилось раньше? И что это такое случилось?

Катя вздохнула.

– А еще, когда, кто виноват и что делать? Полный набор вопросов для полноценного приключения. Пошли домой? Слушай, ребенка придется взять с собой. Ты оставь в чуме записку с моим адресом. Чтобы не волновались. Пойдешь с нами, Елочка?

Ельне улыбнулась новому имени и кивнула.

Самый страшный дух тот, которого не видишь

Идти по замершей, словно нарисованной тундре было странно. Надо смотреть под ноги, чтобы не наступить на разную живность. Обычно, почуяв шаги зверя или человека, эта мелочь заранее разбегается, прячется в траве, а тут замерли, где были, прямо на узкой тропинке с риском быть раздавленными.

Удивительно много этой мелочи набралось, и мышки-грызуны, и жуки, тушканчики всякие. Пара серых здоровенных зайцев наострила уши и, вытянувшись во весь рост, замерла в кустах солдатами в дозоре.

А еще надо смотреть вперед и перед собой: вот стая крошечных птиц зависла в метре от земли, хоть в лукошко собирай. Пришлось обходить.

Маленькая Ельне, устроившись у Гоши на закорках, восторженно радовалась этому зоопарку. Пальчиком погладила по сизому крылу застывшую в воздухе птичку и рассмеялась звонким колокольчиком. Конечно, в шесть лет беда и радость легко сменяют друг друга. Все чувства от души и понарошку одновременно.

Катерина специально, чтобы не огорчать Гошу, радостно удивлялась застывшему многообразию тундры, умилялась пушистым зверькам, цветным бабочкам. На самом деле ей было грустно и страшно, потому что, если бы не это событие, с которым непонятно как разобраться, уже послезавтра они с Гошей принимали бы поздравления со свадьбой. Самое счастливое событие в их жизни, и вот!... И как?...

Теперь все придется отменять, потому что за один день вернуть мир в привычное состояние может только господь Бог, а не двадцатилетние Катя с Гошей.

Гошка, словно услышав мысли невесты, вполголоса сказал:

– Свадьбу можно отменить, любовь нет. И вообще, нас с тобой еще год назад обвенчал Вещий Круг.

Катя вздохнула.

– Мало того, что это было в Гиперборее, так еще за много веков до нашего рождения! Свадьбу придется перенести, а что делать с миром? Ума не приложу. У тебя идеи есть?

– Надо с нашими посоветоваться. Обычно вместе нам все удается. Так было всегда, вспомни Белую!

Белая - это река. Не большая, не маленькая, ни мелкая, ни глубокая. А Белая, потому что прозрачная. Сказочная, потому что берега из самоцветов; кристаллов кварца, цветных агатов...

Ребята решили всем классом отметить последнее лето детства сплавом на плотках. И все было бы хорошо, если бы Катя, Гоша, Ира и Юра не угодили в ловушку времени, ими же устроенную. Когда началась гроза, ребята спрятались в одной из пещер Каменного города. Расчищая место для спальников, разобрали горку камней, а оказалось - постамент идола, уже изрядно разрушенный. И пока они не восстановили алтарь, каждый день был повторением прошлого, но полным новых событий, которые помогли ребятам поверить в себя, в магию родной земли. Тогда же у ребят обнаружили разные магические способности, которые они получили в дар от Хадако, помощ-

ницы Богини Земли Я Миня.

У маленькой кудрявой Иришки обнаружился бесстрашный талант врачевателя. Рыжий и спортивный Юра стал видеть будущее. Тоненькая светловолосая Катя, переполненная любовью к своему краю, стала настоящим лидером маленькой команды. Гоша из достопримечательности школы, потому что был «готом», стал верным другом Катерины, в которую, как оказалось, был влюблен с первого класса. Они изменили свою судьбу и стали счастливее.

Иногда, чтобы построить новое, нужно раскатать по камешку старое, избавиться от мусора, выстроить в душе алтарь, чистый и крепкий (о приключениях на реке можно прочитать в повести «Сказка Каменного города».)

Они строили свои алтари, когда отправились на поиски хозяйки страшного амулета, чтобы спасти Юркину жизнь и помочь солдату Великой Отечественной обрести покой. Правда, пришлось воевать с ужасными духами подземного мира и подружиться с мудрым вороном Харна. Вообще, оказалось, что Катерину добрые духи любят: сам повелитель оленьих стад семирогий Пыялета катал ее на своей спине, летая над тундрой (эта история называется «Дар Хадако».)

Как и обещал провидец Юрка, все они стали студентами. Катерина поступила на истфак, Ира в мед, Юрка, желая стать звериным доктором, уверенно пошел в Академию. А вот Гоша всех удивил, поступив в Университет Пушкина, на философский факультет.

И тогда они получили Дары от маленьких сихиртя и, став оборотнями (Гоша стал совой, Катя зайчихой, Ира белкой, а Юрка - вороном), отправились на поиски Моро и амулетов его невесты Айны. Ребята выяснили, что Моро поглотил Нялыбук, страшное чудовище, мечтавшее стать человеком. По легенде он мог стать человеком, когда его поцелует... (об это лучше читать в повести «Дар сихиртя».)

На этом приключения ребят не закончились. Им пришлось отправиться в прошлое и вернуть бусину-пронизку, которую собиралась украсть Мерюнга, дочь бога Нга. Тогда-то Юрке пригодилось умение летать, а Гошу с Катей обвенчал Вещий Круг (эта история называется «Хранители».)

Катя вспоминала, перебирала в памяти волшебные события и не видела, как рядом с узкой тропинкой извиваясь, ползло толстое существо с телом змеи и головой седого старика. Вторая голова, прицепившись к хвосту, спала. Еще одно чудовище ползло с другой стороны.

Сегодняшняя встреча с волками Тэри намгэ и духом Мал тэнга выбила Катю из колеи. Очень не ко времени появилась эта проблема. И еще девушке казалось, что ей в спину смотрит зло. И тогда волной накатывал ужас. Она чувствовала такой же в пещере, когда Мерюнга (Черная оспа) пыталась ее убить и думала, что страшнее этого ничего нет.

– Я думал, страшнее встречи с Мерюнга или Мэнда ничего нет, – задумчиво сказал Гоша.

Он стоял перед домом Иры и смотрел в открытое настежь окно. То, что происходило в комнате, не укладывалось в понимании: Юрка утюгом гладил

стену через мокрую тряпку, которую держала Ира! Оба радостно хохотали.

– И к этим людям мы пришли за помощью? – жалобно прошептала Катя.

– Заметь - за медицинской помощью, – с непонятным сарказмом добавил Гоша.

Когда мир перевернулся

– Ой, ребята, нагулялись? – восторженно спросила Ира, осторожно неся исходящую паром тряпку в таз с водой. Юрка шпателем соскребал краску со стены. Гоша ошалело, как в том фильме, спросил:

– А что это вы тут делаете, а?

Простой вопрос, заданный дурацким тоном, словно нажал на какую-то пружину и Ирка с Юркой снова захохотали, да так, что слезы из глаз посыпались.

Катя, глядя на это безобразие, налила в чайник воды, поставила на плиту и стала убирать со стола кисточки, баночки, какие-то строительные инструменты.

Ирка спохватилась первой. Не переставая смеяться и утирая слезы, она начисто вытерла стол и, глубоко вздохнув, села на стул.

– Ой, ребята! Это мы решили стенку покрасить. Юрка принес краску, цвет такой красивый, персиковый, а она оказалась флю... фру...

– Флуоресцентная! – подсказал Юрка.

– Масляная? – уточнил Гоша.

– Ты что, водэмульсионная, – возмутился Юрка. – Я что, не понимаю, какую краску для кухни надо?

– Ну и?

– Покрасили. Очень красиво было, но вонюче! Я пошла к Таньке ночевать. А утром мы с Юрой встретились, идем домой, а у нас на кухне свет горит. Представляешь?

– Зачем горит? Солнце же светит, лето же, – не поняла Катя.

– А это не свет горел, а проявился флуоресцентный эффект. Ужас! – почему-то радостно объясняла Ира. – Мы стали краску смывать, а она не смывается. Ничем, представляешь? Написано – водой, а не смывается. Даже водкой не удалось.

– И тут я вспомнил, как отец краску паяльной лампой выжигал! – гордо заявил Юрка, заканчивая шкрябать стенку.

– Лампы у нас не нашлось...

– Слава Богу! – с облегчением сказал Гошка, представив масштаб последствий, найдись у них эта лампа. Весь дом спалили бы, не моргнув.

– Тогда мы попробовали утюгом. И получилось! Краска заваривается и соскребается... Вот, все утро стену утюжил через мокрую тряпку!

Гошка, оглядев стену, присвистнул.

– Это же сколько квадратов? Ну вы мастера! Умались?

– А это, Гошенька, тебе спасибо! – искренне улыбаясь, ответила Ира. – Мы бы обязательно пали духом, но вспомнили, что ты говорил.

– Что я говорил?

– Что любую большую проблему можно решить, разбив ее на небольшие части. Вот мы и..., по частям. Ну, все! Со стенкой разобрались, чайник вскипел,

у нас пирожки есть с молодой капустой, давайте к столу и расскажите, наконец, где вы ребенка нашли?

Все посмотрели на ребенка, то есть на Ельне. Она сидела на полу, на коленях у нее, уютно устроившись, сидело нечто. У маленького, размером с Гошину ладонь, существа было шесть лапок. На маленькой голове в разные стороны торчали ушки, штук шесть или восемь. В складках мордочки сверкали бусины глаз. Было что-то неприятное в этом несурзном существе. Ельне осторожно гладила лысую спинку.

– Бедный ты, бедный, – шепотом причитала она. – Совсем не смешной и такой некрасивый, несчастный.

Зверек пошевелил свисающими лапками, сморщил щеки и ребята с ужасом увидели внушительные острые клыки. Ельне, не замечая ничего, продолжала ворковать:

– У меня мама и папа, хоть и спят, но есть. И друзья есть, вон какие большие и красивые, а ты один-одинешенек, сиротинушка. Мне тебя очень жалко.

Катю с Гошей, бросившихся к Ельне, остановил короткий жалобный визг. Затем раздался хлопок и на коленях у девочки остался только клочок шерсти неведомой твари. Юрка, стоявший ближе всех, как пушинку подхватил Ельне и перенес на диван. Сел рядом, обнял за плечи.

– Что это было? – испуганно спросила Ира, глядя на Юру.

– Ты меня спрашиваешь? Я все утро с тобой по стеночке с утюгом..., а вот где наши молодожены были, где ребенка взяли, и как тут у нас появилась эта тварь?

– И куда делась? – задумчиво пробормотал Гоша, и стал расставлять чашки. – Давайте чай пить. И где пирожки, ребенка пора кормить.

Пока пили чай, кормили Ельне, Катя с Гошей успели рассказать обо всем, что с ними случилось.

– Мы к тебе, как к врачу. У Елочки родители уснули, очень странно. Разбудить не удалось. Может, заболели? – спросила Катя.

– Ха, заболели они! У нас половина населения уже так дрыхнет, – вместо Иры ответил Юра. – Не бойтесь, это не заразно.

– Чистой воды психосоматика неизвестного происхождения, – согласно кивнула Ира. – Спорим, последние слова твоих спящих были: «Мне все равно?»

– Откуда ты знаешь? – удивилась Катя.

– Оттуда! Меня отец к диагностике привлек, я опрашивала свидетелей, и выяснила, что уснувшие, перед тем как впасть в это состояние, говорили: «Мне все равно». Причем, заметь, поводы были разные, а эффект один.

– Но ты же говоришь эту фразу и не засыпаешь?

– Я думаю, дело не ней. Вернее - не только в ней. Витьку, что в салоне связи работает, знаете?

– Ну?

– А заметили, что связи нет?

– Это где-то в соседней области катер винтом оптоволоконно обрубил, – пояснил Юра. – Витьку спрашивают, что там со связью, почему нет? А он только ответил: «Мне все равно», прилег на прилавок и уснул. И так все. То есть, дело зависело от них, а им было наплевать. Не иначе, Бог покарал за равно-

душие.

– Понятно, то есть, не понятно, но ситуация проясняется, – сказал Гоша. – А ты знаешь, сколько они так спать могут?

– Пока не умрут? – уточнила Ира. – От десяти до пятнадцати дней без еды, и дня три без воды. Всех уснувших держат под капельницами, кого в больнице, кого дома, родственники суетятся, помогают. Вы знаете, что делать?

Гоша посмотрел в глаза Кате.

– К шаману идти надо, – уверено сказала Катя.

– Ты думаешь?

– Не я думаю. Мать Елочки это сказала. А отец решил, что уже все случилось, и ему все равно. Жена всегда принимает сторону мужа, поэтому она тоже сказала, что ей все равно.

– Ну так поехали, – оживился Юрка. – С Харна повидаемся. Елочка, хочешь, с говорящим вороном познакомиться? Вот завтра с утра и поедем. Сегодня я упарился с этой стенкой. Я пока машину проверю, бензин залью. Хорошо, у меня канистра в запасе, а то заправка спит в полном составе.

Гоша смутился, а Катя решительно встала из-за стола.

– На машине нельзя. Передадим колесами половину животного мира.

– Это почему еще? Мы же по дороге поедем.

– Сам увидишь. Пока не увидишь, не поймешь, – пояснил Гоша.

– У нас еще один вопрос остался. И пока мы не найдем разумный ответ, я с места не двинусь, – строго заявила Ира. – Что за тварь скалила клыки на нашего ребенка?

– Вероятнее всего это Тэри намгэ. Дух подземного мира, – пояснила Катя. – Тэри намгэ могут принимать любой образ. Мне волки явились, Елочке эта тварь.

– А чего она лопнула? – возмутился Юра.

– Хороший вопрос, – усмехнулся Гоша.

– Это как раз не вопрос, – ответила Ира.

Все дружно удивленно уставились на нее.

– Да ладно, вы же видели, что делала Ельне? Она его жалела! Его, духа подземного мира, перед которым все рыдать должны, просить пощады и бояться. А эта кроха его пожалела, от чистого сердца. Так что ваш Тэри намгэ пал жертвой когнитивного диссонанса.

– Вот так все просто? – удивился Юрка.

– Конечно. Ты сам сто раз так делал. Ну что ты так удивляешься? Вспомни, как тетка в булочной толкалась и ругалась. А ты предложил ей встать впереди нас, да еще посетовал, что она с работы едет, устала. Тетка злобой исходила, чем тебе не проявление подземного мира, а ты ее пожалел. Главное, тетку как подменили, злобная исчезла, стала нормальная.

– А это не всегда работает, – что-то вспомнив, пробурчал Юра.

– Всегда, если от души.

– Надо же, духа можно победить душой, ну и дела! Мир перевернулся.

И заел эту новость еще одним пирожком, а Ельне тихо сказала:

– А я еще одного Тэри намгэ видела. Но он мне не

понравился.

– Где? – В один голос крикнули ребята и вскочили, озираясь.

– Там, в тундре.

Гоша нахмурился, подобрался, как пантера перед прыжком.

– Вы уверены, что это наш мир? Или он действительно перевернулся?

Ребята растерянно переглянулись. Юрка вскочил, взял на руки Ельне и пошел к выходу.

– Идем к шаману, быстро! Чтоб по моему миру всякая нечисть гуляла... Да я...

Страх Тэри намгэ

– Действительно, пока не увидишь, не поймешь, – хмыкнул Юрка, оглядывая застывший мир тундры и переступая через семью леммингов на тропинке. – Тут надо очень внимательно...

– И по сторонам смотри, и перед собой. Тут в воздухе столько всего, – посоветовала Катя.

В воздухе, как в смоле, застыли бабочки, мотыльки, птицы. Комары сизыми облачками парили над кустами багульника, Легкие создания. А вот неподвижно висящая трехкилограммовая куропатка – зрелище редкое и удивительное. Рядом с ней застыла в стремлении взмыть в облака белоснежная крачка. Рыжая лисица замерла за секунду до удачной охоты на мышшь-полевку. Мир был похож на детские картинки-раскраски: на каждой – свой сюжет о жизни обитателей тундры.

– Ой, ребята, это же чудо! Боже, как нам повезло, вот так сразу увидеть всех обитателей тундры, – восторгалась Ира, пытаясь сдвинуть застывшую в воздухе бабочку.

Гоша остановился, удивленно посмотрел на Иру и рассмеялся.

– Это ты чудо! Катя, помнишь, в Каменном городе, мы в пещере рассказывали Ирке о том, как ты вовела с призраками солдат? Я ей, что было страшно, а она...

– А она так мечтательно улыбнулась, какие вы счастливые, говорит, такая волшебная история, – продолжила Катя, улыбаясь воспоминанию.

– Так, а я где был? Почему я не помню? – возмутился Юрка.

– А тебя вывели из игры. Ты со сломанной ногой лежал, вернее спал, – пояснила Ира. – Что вы смеетесь? История, действительно, волшебная. И я рада, что все это с нами произошло, и происходит.

– Вы можете не верить, но я тоже рад. Думаю, это и было счастье, – мечтательно улыбаясь, сказал Юра.

Он посмотрел в сторону, улыбка сползла с веснушчатого лица.

– Так, стоп! Никому не двигаться. Я сейчас. Возьми ребенка.

Юрка передал Ельне Гоше и медленно, высоко задирая ноги, пошел к ближайшему кусту, возле которого застыл заяц. Ребята услышали, как он бормочет.

– Тихо, больной, не шевелитесь... потерпите... ну вот и все. Можете бегать. Не можете? Ну, стойте тогда, стойте.

– Что это было? – изумленно спросила Ира.

– Обычный вывих плечевого сустава. Я вправил плечико бедному кузнечнику. Давай ребенка!

– Я сам понесу, вдруг ты еще больных найдешь?

– К-а-т-я, – задумчиво спросила Ира. – Смотри, тут живность застыла, там люди спят... Это отдельные явления или между ними есть связь? Я почему спрашиваю; людей мы обезопасили: капельницы, питание... А их, – Ира кивнула в сторону стаи птиц, замерших в воздухе. – Кто их спасет?

Катерина печально посмотрела на подружку.

– А кроме нас некому. Так что пошли искать шамана. И чем быстрее, тем лучше.

Скоро путешествие по сказочно прекрасной тундре превратилось в каторжную работу. Идти, переступать через жуков, мышшей, песцов, обходить бабочек, птиц, снова переступать...

– Явились – не запыхались, – проворчала Катя, подныривая под висящую в воздухе чайку.

– Кто явился? – испуганно спросила Ира.

– Тэри намгэ, – крепко обнимая Гошу за шею, ответила Ельне. – Их много.

– Почему я не вижу? – возмутился Юра.

– Может, не хочешь видеть? Люди часто не видят того, чего не хотят видеть, – ответила Катя.

– И даже слепнут, когда не могут не видеть, – поддержала подружку Ира. – Старческая слепота чаще всего из-за этого. Когда человек старый, а вокруг... черте что, он понимает, что ничего исправить не может, вот и решает, что лучше не видеть.

– Я хочу видеть! – крикнул Юрка и вздрогнул. – Ох, зря я это сказал, лучше бы не видел.

– Да, – согласился Гоша. – Редкостная гадость.

По обе стороны от тропинки, извиваясь, ползли метровые червяки с головами хищных птиц. Их толстые лысые туши перекатывались по кочкам, крючковатые клювы громко клацали.

– Господа, да у вас ожирение! – ехидно заявил Юрка, обращаясь к неведомым тварям. – Двигаться больше, жрать меньше, это я вам как врач говорю!

Это было так неожиданно, что ребята расхохотались, поселившийся было в душах ребят страх, исчез. Тут же пропали и твари.

Их исчезновение вызвало всеобщий восторг:

– Ого! – кричал Гоша. – Здорово!

– Ты как додумался? – кричала Катя.

– А я знала, что ты очень умный! – нежно улыбаясь, восторгалась Ира.

Умный Юрка почесал рыжую макушку, пожал плечами и жалобно спросил:

– У нас ничего поесть нет?

– Действительно, пора бы привал сделать. Юрка что, вот у нас ребенок голодный, – согласилась Катя.

С трудом нашли пяточок без застывшей живности, уселись на кочки, получили от предусмотрительной Ирки по пирожку.

– Похоже, знаем еще один способ борьбы с Тэри намгэ, – подытожила Катя.

– Будете смеяться, но я о таком приеме у Карнеги читал, – проглотив сразу полпирожка, сказал Юрка.

– Да, когда тебе человек неприятен, а приходится с ним работать, надо найти смешную деталь и неприятие исчезает. Я тоже читала, – подхватила Ира.

– Чаще всего мы не понимаем, чем человек неприятен. Это наше подсознание сигнализирует об опасности. Тогда получается, что Тэри намгэ вовсе не материальные существа, а наши собственные установки подсознания, – сделал вывод Гоша.

– Ты хочешь сказать, что мы сами провоцируем появления этой нечисти? – изумилась Ира.

– Сами-сами, – согласилась Катя. – Все сами. Сами придумали, сами победим. Только не забывайте, что Тэри намгэ – духи! Бесплотные духи, реально существующие в подземном мире. А вот какой образ

они примут... это уж наши страхи во плоти.

– Ладно, со страхами понятно. Только какого лешего они в наш мир приползли? – возмутился Юрка.

– Кстати, у нас действительно два мира?

– Почему два? – удивилась Катя. – Три!

– Мама дорогая, три мира! И что делать?

Продолжение следует...

ПРОЗА

Спираль времени

фрагмент романа

Ольга Пашун

Этот роман - история семьи, любви, войны и Победы.

Его рождению предшествовало тщательное изучение автором исторических материалов, семейного архива и долгое время вынашивания. В результате через призму времени читатель наблюдает развитие семейной истории, в которую вплетается дух времени, а повествование движется по спирали, раз за разом перетекая из 19 века в 20 век и обратно.

1854

Случилось это в апреле месяце 12 числа. Ньюхательная соль помогла графине прийти в себя. Все замерли, не зная, что ожидать: характер у старушки крутой, за мелкий проступок могли и на конюшне высечь, а тут дворовая девка родила от хозяйского сына!

Агафья Петровна вздохнула:

– Пусть живут; на одного крепостного больше, покупать не надо, – и добавила громче – во флигеле пусть живут, на глаза не показываются!

Графиня выгнала притихших слуг из комнаты, провалилась в сон. В пятьдесят лет силы не те, что в молодости. Ах, молодость, молодость! Красавец-генерал, вернувшийся из парижского похода, вскружил головы многим девицам на выданье: молод, хорош собой, душа компании, музицировал, пел великолепно! А выбрал её, совсем неприметную кроху, которая и кокетничать не умела. Как расцвела она! На руках муж носил, подарками одаривал, вызывая зависть окружающих.

Но сколько слез пролила, про то подушка знала да челядь, которая все примечала. Любил Григорий женщин и ничего с собой поделаться не мог, с возрастом лишь остепенился. А тут другая беда: что ведь удумал – взял денщика Василия, Настинного батюшку, с которым огонь и воду прошёл, и уехал на войну с турками. Старый пенёк, в его-то годы, да разве удержишь! Мужичков забрал самых работающих. Было писем несколько с оказией и молчок. Без мужских рук хозяйство захирело, а приданное, выручавшее в трудные моменты, давным-давно истая-

ло. Одна надежда – сына удачно женить. Но не удалось по причине меланхолического характера Николеньки. На балах сын бывал редко, сучал, откровенно зевая, распугал всех невест, да и небогатое сельцо Рождественское, в котором нынче жили, не привлекало внимание девиц.

С детства товарищем по играм была дочка няни – Настенька. К семнадцати годам она превратилась в красавицу: невысокого роста, ладненькая. Голубые глаза смотрели ласково, а светлые, заплетенные в косу волосы, мягкие, как лён, всегда привлекали внимание. Благодаря своему другу она умела читать, писать на русском и французском языках, знала географию и точные науки. Быстро прибравшись в комнатах, садилась в уголке, слушала учителя и впитывала знания, как губка. Мать её, нянька Николки, померла, отец тосковал шибко, а потом с графом на войну отправился. Настя летом от жары перебралась на сеновал, который в детстве был и пиратским кораблем, и неизведанными землями: как хорошо зарываться в сено, смотреть на звёзды и мечтать о путешествиях к дальним мирам. Николенька рядом, под боком был, кручинился о судьбе, пожалела девка его и стала бабой. Настасья таила беременность, как могла, да и в сарафане скрытно. А потом на дальнюю пасеку послали, там уж никто не видел. Николенька боялся сказать татап, но все тайное становится явным. Вечером нашёл Настеньку во флигеле, обнял:

– Любушка моя ненаглядная, покажи сыночка.

– Смотри, носик, щёчки, бровки – все твоё, только маленькое. Ох, боюсь матушки Агафьи Петровны, – Настасья вздохнула.

– Ничего не бойся, тамап, знаешь, погнева-
ется для острастки и смирится, единственный
внук как-никак!

– Единственный да незаконный, и ничего не
сделать.

– У меня просьба большая, уезжаю нынче,
письмо матушке утром передай, пусть не сер-
дится.

– Куда уезжаешь, коли не секрет? – в сердце
как заноза кольнула.

– Какие от тебя секреты. На войну, только
не отговаривай, не останусь, батюшку надо сы-
скать, нет известий давно. Ну всё, не плачь, бе-
реги себя, сына расти и никого не слушай, при-
еду – разберёмся. Есть у меня мысли кое-какие.

Настёна проводила до ворот и долго смотре-
ла вслед, пока не улеглась на дороге пыль.

1943

Пыль клубилась на дороге, мешая увидеть
всадника. Лишь через некоторое время разгля-
дели командира роты, быстро построились.

– Рота, равняйся, смирно! Товарищи бойцы,
командованием поставлена задача: взять бли-
жайший населенный пункт! Кто ворвется пер-
вым – медаль «За отвагу»!

– Товарищ командир, а где такого красавца
отхватили? – один из бойцов показал на коня.

– Начальство выделило для мобильности,
а то наша колымага накрылась медным тазиком
во время артналета.

Пётр, высокий, светловолосый, с голубыми
глазами мальчишка, подошёл, обнял коня за
морду:

– Что, хороший, воюешь? – и в сторону на-
чальства, – товарищ капитан, как его кличут?

– Карий. А разведчиков жду в землянке, об-
рисуете обстановку.

– Карий ты, Карий, тебе бы землю пахать,
а всё воюешь. На, возьми хлебушек, как чувство-
вал, оставил, – мягкие губы ткнулись в ладонь,
– идти надо, слышал, командир зовёт.

Коптилка освещала середину землянки,
ближе к стенам свет рассеивался, сменяясь по
углам сумраком. Карта, лежавшая на грубо
сколоченном столе, притягивала взгляды. Со-
бравшиеся вокруг неё разведчики доложили
обстановку.

Командир подытожил:

– Результаты последних поисков меня раду-
ют, данные о противнике имеются, о завтраш-
нем бое всё обсудили, – и со вздохом добавил,
– можете отдыхать.

Проводив солдат, Николай Павлович взял
кружку с остывшим чаем и задумался об этих
мальчишках, недавних школьниках, попавших
в мясорубку под названием «война». Он знал,
что после атаки может недосчитаться кого-то,
и опять боль сожмёт сердце, и невозможно бу-
дет сделать полный вдох. Одно-два сражения, и
разведчик выбывал, хорошо, если в госпиталь.
Капитан старался подготовиться к каждому

бою так, чтобы потери были минимальны. Не-
удивительно, почему его любили в роте и на-
зывали за глаза батей. Теория, полученная в
училище, и практика финской войны помога-
ли капитану проводить учёбу в батальоне на от-
дыхе между боями. Они отработывали приёмы
наблюдения, ориентировку на местности днём
и ночью, рукопашный бой, танковый.

На первых же занятиях командир обратил
внимание на Петра Графова – сочеталось в ха-
рактере парнишки несочетаемое: твёрдость и
покладистость, опытность и наивность, общи-
тельность и замкнутость. В поиске ему цены не
было: ходил неслышно, действовал молниенос-
но. А поиск – он всегда поиск, вроде по тонко-
му льду катишься, под ногами потрескивает –
и жутко, и сладко. Ещё для разведчика важен
товарищ: смелый, ловкий, чтоб жизни своей не
жалел. Про неписаное правило – последнюю
пулю – молчали. В плен нельзя, слишком мно-
го знают.

С Петром в разведку спокойно шли, верили
– из любой передраги вытащит. И сегодня мно-
го дельного сказал. Это надо же придумать: сиг-
нал к атаке сапёрной лопаткой подать. Зелёная
ракета насторожит противника, подготовит,
а лопатка стучит и стучит, окоп готовит или
ещё что. Капитан снял ремень, потрогал недав-
но введённые погоны с четырьмя звёздочками,
покатал во рту такое непривычное, отдающее
нафталином слово «офицер» и моментально
провалился в сон. Казалось, и не спал вовсе,
а только прикрыл глаза. И вот уже утро, лениво
подкравшееся сквозь молочный туман и оседа-
ющее на сапёрных лопатках холодной моро-
сью.

В окопах тишина. Пётр давно проснулся,
утренний холод не давал расслабляться. Стук
металла напомнил звон колоколов в соборе Пе-
тра и Павла, где его крестили и куда ходили на
службы в той, прошлой жизни. Пора! Бежали
молча. «Господи, пусть они не заметят, не за-
метят нас как можно дольше! Только бы успеть
добежать!» – неотступно пульсировало в голо-
ве. Когда идёшь в атаку, время вроде останавли-
вается, бежишь, бежишь, а враг также далеко и
поливает огнём. Но если ты в окопе – несколько
мгновений – и уже рукопашная, как так? Стран-
ная штука – время: может сжиматься и расши-
ряться. Об этом потом, после боя...

Тра-та-та-та – заметили гады, и ожогом
мысль: если упасть, положат всех, зарыться
негде... В несколько секунд преодолел десяток
метров. Одна граната, следом вторая. Глаза
немцев, испуганно расширенные. Невозмож-
но увидеть с такого расстояния, но все мысли
мимо, как и пули, потом после боя думать.
И третья граната, чтоб наверняка. Пулемёт за-
хлебнулся. Уши заложило и волной счастье –
живы и все вместе! «Ура-а-а-а!»

Ближайший дом. Дверь от пинка отлетела,
автомат в руках Петра ожил – один фриц упал,
второй на полу. В углу на полочке иконы Ни-

колая Чудотворца и Казанской Божьей Матери (то ли укор, то ли грусть в глазах) – и зарок: после войны оружие в руки не брать. Взгляд на погибших, упокой души их, Господи, и прости меня грешного. Привычно рука на лоб, живот, правое плечо, левое. Секунда, но еехватило, чтоб из соседней комнаты выпрыгнули в окно и разбежались.

Освободили деревню быстро, поступил приказ отдыхать. Бабы, старики, ребятишки подходили к полевой кухне и со слезами на глазах обнимали солдат. По дороге на запад шли свежие войска, в новом обмундировании, с автоматами. Пётр смотрел на них и вспоминал, что совсем недавно даже винтовок не хватало, добывали в бою.

Подошел ротный:

– Ну Петро, ну, молодец! Как ты их ловко ущучил. Представление на награду уже в штаб направили, будут у тебя теперь две медали! А что с ногой? Давай быстро в госпиталь, сейчас машина пойдёт.

– Зацепило маленько, пройдёт, сестричка перевяжет.

– Ну смотри сам, – старший лейтенант хлопал по плечу и пошёл в сторону штаба батальона.

Из медсанбата Пётр направился к центру деревни, но услышал окрик Михея:

– Пойдем помоемся, там баньку затопили.

Какое счастье помыться и попариться в русской баньке! Не в речке, не в землянке приспособленной, а на полке, поддав пару, и отхлопав веничками, найденными в предбаннике и запаренными в горячей воде. Как часто Пётр вспоминал дом. Вот и сейчас, сидя на лавочке, разморённый приятной истомой, вернулся в то довоенное время. Дома баня была по субботам: мама сначала мыла Шурочку и младших братьев, а уж потом шли мужики. Жару наподдадут – дышать невозможно. Однажды заигрался с ребятами и прибежал поздновато, попал с мужиками – напарили, едва живой выбрался. Мама, наливая квасу, вздохнула: в аду так же жарко, только никуда не убежишь. А наутро нарядно одетые – в храм. Долгое время после этой помывки ходил он притихший. А сейчас смешно стало за детские обиды, за споры и ссоры с сестрой. Какое это было счастье! И жаль Шурочку, милую сестрёнку, всюду ходившую за ним, как нитка за иголкой, от которой он удирал. Помня о близких, Пётр использовал гранаты только на открытой местности, а в домах – автомат. Ведь там могли оказаться чьи-то мамы, жёны, детишки.

Вдруг в предбаннике послышались женские голоса и смех.

– Надо крикнуть, что занято, – прошептал Михей, но дверь уже открылась.

Хорошо шайки рядом, успели, охнув от холодной воды, прикрыться. Две девушки, хорошенькие, ладненькие (откуда такие берутся), перешагнули порог.

– Ой, мальчики, нам час на отдых дали и на передовую идём, сразу в бой. Может, помоемся вместе, чтоб время не терять, – протараторила рыжеволосая, тряхнув кудрями. Вторая, с русской косой добавила:

– Если погибнем, хоть чистые.

У Петра только одна мысль мелькнула: «На фронте с такими волосами сложно, не везде помоешься». Лезет же всякая ерунда в голову.

Провожая после бани девчонок, Михей спросил:

– Вас как зовут-то, красавицы?

Рыжик засмеялась:

– Нас не зовут, мы сами приходим, и вообще, баня не повод для знакомства. Прощевайте, у нас уже построение.

Уже, отойдя, девушка оглянулась и заодно добавила:

– Спасибо за баньку!

При дневном свете стало видно, что она гораздо старше подруги.

– Михей, договоримся, о бане никому ни слова, – прервал Пётр затянувшееся молчание.

– Да, я тоже хотел предложить, неудобно как-то. Всё, забыли.

Сказать просто, но как справиться с морком, когда слышишь смех, а рыжие кудри щекочут щёку. Хорошо, занятия выматывали, и раненая нога ныла ночами. Две недели хотел написать письмо домой, едва набрал несколько строчек: «Здравствуй, милая моя мамочка, сестрёнка Шурочка и братьовья, если кто из вас дома, все родные и соседи. Простите, долго не писал, наступали, не до писем было. У меня все хорошо. Легко ранили в ногу, но в госпиталь не пошёл, вдруг наступление, чтоб от своих не отстать. Мамочка, не переживай, рана уже затянулась, в медсанчасти перевязывают. Командир вручил медаль «За отвагу». Можете порадоваться, я теперь кандидат в члены ВКП (б), после боя на собрании ребята проголосовали единогласно, а больше писать не о чем. Как вы поживаете, как у братьовьев дела? С уважением, Пётр».

Каждый день вывозили на машинах раненых с передовой в госпиталь. Поскрипывая, не торопясь, тащились телеги с убитыми на деревенское кладбище. Пётр шёл в санчасть на перевязку, и вдруг резануло по глазам: из-под рогожи выбивались, словно протестуя, рыжие кудри, с другой стороны лежала ровненько русая коса. Сжимая пилотку, проводил взглядом, пока процессия не скрылась за поворотом. Михею об увиденном промолчал.

1854

Наутро Настасья подошла к управляющему: – Алексей Фёдорович, мне надо к барыне по делу, пустите.

– По какому такому делу, – борода лопатой недовольно колыхнулась, – ишь выдумала, иди, давай, отседава.

– Никуда не уйду, пока с барыней не уви-

жусь, а если не допустите, вас же потом накажут, – с каждым словом голос набирал силу, становился громче.

От удивления управляющий не знал, что сказать – вот тебе и тихоня! И только набрал воздуха, чтобы прикрикнуть на дерзкую, как из комнаты раздался голос хозяйки:

– Позовите Настасью, – и в открытую дверь, – пошто шумишь, неразумная?

– Письмо вот... Николай просил передать.

Барыня глядела на листок, шевеля усердно губами.

«Моя милая мамочка, извините, что не прощаюсь с Вами! Зная Ваш характер, полагаю, будете против и начнете уговаривать остаться. При okazji напишу. Прошу позаботиться о Насте и моем сыне – Вашем внуке. Любящий Вас сын Николай».

По прочтении рука бессильно обвисла:

– Смерти моей хотите! – Грозный окрик заставил всех сжаться, – пошто не остановила сына?

– Если бы Вы захотели что сделать, разве остановишь, а он ведь Ваш сын.

– Поговори мне, – и тут же перешла на деловой тон, – ребенка грудью кормишь?

Да, – не зная, что ожидать, отрывисто выдохнула Настя.

– В Санкт-Петербург поедешь, сѣдни сообщили, Марье кормилица нужна, дочь у ней, а молока нет, замучались.

– Какое счастье, Мария Григорьевна родила?!

– Да, не трещи, идите все, ты готовься к поездке. Лексей Федорович, останься, насчет семян обсудить надо.

На телеги упаковывали для дочки продукты: овощи в кадках, кадушки и бочки с солониной, квашеной капустой, сметаной, творогом, кругами замороженных сливок. И вот двинулись в путь. Настасья смотрела по сторонам во все глаза – она ни разу не выезжала из деревни, только возница рассказывал о том, какой большой и красивый город Санкт – Петербург. Провожала их Степанида-золотошвейка, когда-то бывавшая в столице Российской империи. Сидя рядом с Настей, важно поучала, как надо жить у барыни. Уже далеко за околицей спрыгнула и долго махала вслед.

Телеги шли, слегка покачиваясь, дорога – сухая, почти ровная, без колдобин – катила ездовых вперед. Лес стоял высокий – дерево к дереву; кое-где берѣзки теснились, уступая место то осине, то кустам ивы, а то ельник сплошной стеной вставал по обе стороны дороги. Иногда он расходился, и вдали на склонах холмов появлялась липа. Все кадки, да и мебель в доме делали из липы. Настя любила этот запах. А ещѣ на зиму от простуды липовый цвет собирали. Лето – горячая пора, только успевай поворачиваться. Зимой полегче жилось.

Сына покормила на ходу, и он снова уснул, покачиваясь на сене. Можно спокойно наблюдать, какая красота вокруг. Некоторые деревья

Настасья не знала, у них такие не росли. И вот лес остался позади, а город с невиданными каменными домами обступил, как до этого деревья; с любопытством глядели на телеги огромные окна с разноцветных стен, украшенных белой лепниной и разнообразными балкончиками.

Наконец подъехали к господскому дому. Началась та же суета, что при отъезде, только в обратном порядке. Настя не ожидала, что хозяйка, которая давным-давно уехала из имения, встретит еѣ, как близкого человека. В первую очередь расспросила о матушке, нет ли писем от батюшки и Николя. Повздохали. За чаем сидели долго, говорили о войне, о видах на урожай.

Мария Григорьевна после родов располнела, все больше облик напоминал матушку. Но, в отличие от Агафьи Петровны, дочь часто смеялась. А чего не веселиться, когда все хорошо: живет в столице; муж, Сергей Иванович, человек добрый, внимательный; появился долгожданный ребенок, которого многие годы вымаливали, совершая ежегодные паломнические поездки по святым местам; управляющий помещьем, человек честный, о деле болеющий, деньги вовремя высылают, да и матушка не забывает – опять сколь всего прислала.

А как Маша любила танцевать! В Смольном их обучали танцам, и когда молодая графиня вышла замуж, пол-Петербурга к ним съезжалось. Всех желанней были подруги по Смольному, особенно Наденька Бунина. Про их балы в столице долго вспоминали. Сейчас Марья танцы забыла – какие полонезы, вальсы и мазурки, когда война идет. Иногда приходили приглашения на балы – отвечала отказом.

Великая Княгиня Елена Павловна с помощью хирурга Пирогова организовала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия, которые прибыли в Крым. Раненых госпитализировали в Севастополе или увозили в другие города Крыма, а тех, кому предстояло длительное лечение, отправляли в тыл. Тогда же Елена Павловна обнародовала воззвание к патристически настроенным российским женщинам самых разных слоев общества с призывом о помощи больным и раненым. Лучшие дворцы Санкт-Петербурга отдали под госпитали, а первый этаж Михайловского превратился в склад вещей и медикаментов. Когда-то эти великолепные покои занимали танцевальные классы мадам Розы Дидло (в девичестве Колинетт, девочки шутили над фамилией – коли нет, так нет), жены известного постановщика балетов. Как давно это было! Мария не могла сидеть дома, сложив руки, и, окончив медицинские курсы, частенько ассистировала при операциях. Когда она появлялась среди раненых, казалось, солнышко всходило, а раны быстрее заживали. Она видела, как доброе слово, вовремя поданный стакан воды и помощь при перевязке улучшают состояние больных. До-

мой добиралась, падая от усталости, а Настасья быстро приносила таз с холодной водой, чтобы отекшие ноги отошли.

Работой в доме Настю не загружали. Покормив малышей и уложив их спать, она отправлялась по поручениям: или с поваром на рынок или с запиской к хозяйке. С детьми находилась гувернантка. Иногда между кормлениями Мария Григорьевна оставляла Настю ухаживать за ранеными. И вот однажды ...

- Папа, - вскрикнули одновременно Мария и Настасья, кинувшись к двум раненым, которых только что занесли и переложили на койки.

- Как вы здесь оказались? - опять же вместе произнесли сестры милосердия и засмеялись.

- Мы-то известно как, а вот вы как сюда попали?

- Мы раненым помогаем, хоть какая-то от нас польза, - по Насте было видно, что она пытается что-то сказать, но не решается.

- А как там Николенька, не знаете? - опередила Марья подругу.

- Как не знать, только он тяперича не Николенька, а Николай Григорьевич. Герой он - барину жизнь спас, а мне честь!

- Василий, ну опять ты за свое!

- А как же, барин, был бы я рядом, разве вас захватили тогда басурмане, и как бы мне на глаза Агафье Петровне показаться?

-И что ты мог сделать, когда раненый лежал в госпитале?

Приход врача оборвал видимо давний спор. Настя улыбалась – жив, самое главное жив!

1855

Николай был скорее мертв, чем жив. Как успел Сандро услышать выстрел и подхватить падающего с лошади товарища, уму непостижимо! Какие-то доли секунды потребовались развернуть Уголька и рвануть обратно. Резвый Буян, не чувствуя в седле хозяина, полетел следом. А как хорошо начинался день, выехали из лагеря засветло, чтобы проверить дорогу. Через пару часов начали приглядывать место для отдыха. Именно в этот момент, огибая скалу, увидели несколько всадников в фесках. Все замерли от неожиданности. Неизвестно, чем бы всё закончилось, но одного из противников подвело терпение, и он выстрелил. Отъехав на приличное расстояние, Сандро остановил коней. Погода явно портилась: солнце спряталось за тучи, чувствовалась влажность. Перетянув поясом руку Николая, чтобы остановить кровь, Сандро влил ему в рот лечебные травы, о которых дед говорил, что мёртвого подымут и похлопал закашлявшегося товарища по щекам.

- Ты что меня бьёшь? - приоткрыв один глаз, пробормотал тот.

- Давай помогу взобраться на коня, скоро дождь ждёт. Сможешь сам ехать?

- Попробую...

Буян, щипавший поблизости редкую траву, пробивающуюся между камней, и будто понимая, что от него требуется, низко наклонил голову. Николай устроился в седле, едва сдержав стон, и поехал за Угольком. Внезапно ветер стих. Торопливо пробарабанили первые капли дождя, медленные, ленивые, постепенно набирая силу и превращаясь в сплошную пелену. Небо потемнело, облака опустились на вершины гор, затянув серым шёлком воздух.

- Смотри, направо от дороги пещера, переждем дождь, - Сандро провёл рукой по лицу, стряхивая надоедливые капли. Лошадей стреножили и, захватив поваленное деревцо, развели небольшой костер. Поджаренный на веточках хлеб наполнил ароматом пещеру. После сушеного мяса и хлеба решили вздремнуть. Николай, засыпая, вспоминал, как познакомился с Сандро.

Год назад, в апреле 1854 года, поехал прямым ходом из дома в Санкт-Петербург к сестре. Марья отговаривать не стала, дала коляску, слугу Ивана и кучу нужных вещей. То, что они нужные, понял позже, в горах.

- Как ты хочешь найти папа? - сестра говорила, не отвлекаясь от вышивки.

- Не знаю пока, там разберусь.

- Папа хотел встретиться с Михаилом Семёновичем Воронцовым, наместником Кавказа, воевали вместе против французов в 1812 году. Но он занятой человек, советую найти его адъютанта, Александра Ивановича Гагарина. Софья Алексеевна, которая всё про всех знает, сообщила, что он в Тифлисе, недавно женился на княжне Анастасии Орбелиани. А с первой женой князя, Марией Андреевной Бороздиной, случилась трагическая история...

- Подожди, говори по делу, - Николай пытался остановить поток слов, но сложно задерживать лавину, и он продолжил слушать.

- Я и говорю по делу. Она влюбилась в итальянца, Иосифа Поджио, вдовца с четырьмя детьми, вышла за него замуж. После декабрьского восстания Иосиф был арестован. Чтобы его не отправили в Сибирь, и дочь не последовала за мужем, как её двоюродная сестра Мария Волконская, отец Марии Бороздиной, Андрей Михайлович, в то время уже всеильный сенатор, написал личное письмо государю с просьбой заключить зятя в крепость. Почти восемь лет провёл Иосиф в одиночке. Представляешь, всё это время Мария разыскивала его, писала Александру Христофоровичу...

- А кто это такой? - успел спросить Николай.

Вопрос возмутил сестру так, что вышивка полетела на стол:

- Как, ты не знаешь Бенкендорфа, начальника третьего отделения жандармерии?

- Как-то не приходилось сталкиваться.

Маша перекрестилась:

- И слава Богу, не смейся, он умер лет десять

назад. Ты меня сбил, на чем я остановилась?

- Твоя тёзка Мария писала письмо...

- Ах, да. Ответа не было. Наконец, отец сказал дочери, что участь Иосифа будет смягчена, если она разойдётся с мужем и выйдет замуж вторично. Тогда его отправят в Сибирь, что непременно лучше, чем каземат, где он и так сильно подорвал здоровье. Чтобы облегчить участь мужа, она соглашается. Марию Андреевну выдают замуж за князя Гагарина. Михаил Семёнович назначается наместником на Кавказе и отправляется в Тифлис. За ним следует и Александр Иванович с женой. Четыре года назад Мария Андреевна умерла. Разгорячённая танцами после бала Мария приняла холодную нарзанную ванну и скончалась от остановки сердца. Это случилось через год после смерти Иосифа Поджио.

- Какой ужас! Ты всегда любила страшилки.

- Я тебе помочь хочу, а ты... - сестра приготовилась плакать.

- Прости, прости, я пошутил.

- В Тифлисе найди салон Мананы Орбелиани, одна из красивейших женщин Грузии. У неё собираются все, кто известен в искусстве, литературе. Князь Гагарин наверняка там будет, недавно он женился на её дочери Тасо. К ней многие сватались, но получили отказ. А Тасо достался русский князь. Хотя она тоже не из простых, предки Грузией правили.

Расставшись с сестрой и преодолев значительное расстояние, Николай добрался до места. Город покорила его. Попастъ из дождливого, сумрачного Санкт-Петербурга в земной солнечный рай - такое ощущение возникло, глядя на Тифлис, живописный, раскинувшийся вдоль реки Куры и как будто лежащий в люльке, окаймленной с трёх сторон горами. С востока город прикрыт Махатским хребтом, с запада глядит Мтацминда или гора Святого Давида. Ещё можно представить Тифлис вишенкой, лежащей на ложечке, где ручкой окажется Солоникский гребень, врезавшийся в город с юга.

Николай поражался, что рядом с улицами, похожими на столичные, с роскошными зданиями, прекрасными магазинами и конно-железной дорогой, с заграничными экипажами, ютились в лабиринте кривых закоулков базарчики, мастерские, кофейни, кузницы. Прямо на улице выпекался хлеб, продавалось вино, готовилась пряная еда, от аромата которой сжимался желудок проголодавшегося путника. В лавчонки, прячущиеся в тупичках и нишах, больше похожие на пещеру Алладина, продавцы зывали окружающий люд. Шум, толкотня, пестрота толпы, верблюды, ослы, кони, поскрипывающие арбы создавали восточный колорит.

В гостинице с колоннами и портиком, больше похожей на дворец, Николай умылся и отдохнул. Вечером в доме Орбелиани, устланном коврами, заставленном по углам вазами с цветами, его представили князю Гагарину. Краса-

век в молодости, князь, несмотря на возраст, выглядел великолепно: высокого роста, стройный; длинные русые кудрявые волосы зачёсаны направо, пробор как по линейке; светлые глаза искрятся. Узнав о просьбе Николая, князь, придерживая его за локоть, подвёл к только что вошедшему горцу. Отличного качества черкеска сидела на госте, как влитая, лихо заломленная папаха прикрывала густые черные волосы, длинный кинжал покоился в серебряных ножнах за поясом.

- Николай, позвольте представить вам Александра Кутателадзе, его предки были азнаурами у князей Гогоберидзе, а потом за смелость приглашены на службу к царю. Сандро, ты горы хорошо знаешь, помоги найти отца Николая, моего хорошего товарища. Он пропал после боя. Кстати, господа, познакомьтесь, моя жена Анастасия, домашние зовут её Тасо, и прекрасная Манана, её матушка.

Подошедшие женщины были в ярких шёлковых платьях малинового и фиолетового цвета, из-под которых выглядывали кожаные туфли; шелковые вышитые пояса спускались почти до пола; косы, покрыты вуалью, закрепленной к ободку налобной драгоценной булавкой. Довершали наряд ожерелья, серьги, кольца и браслеты из золота с изумрудами и рубинами.

Молодые люди выразили восхищение красотой женщин. Манана, не зная языка, вежливо улыбалась, а Тасо смутилась и была рада, когда они, оправдываясь нехваткой времени, отказались от ужина и откланялись.

Выйдя из дома, Николай заметил:

- Манана - красавица необыкновенная, хотя уже в возрасте. Какой же она была в молодости!

Утром выехали из города. Природа завораживала: скалы, покрытые цветущими лесами, много полей, зеленеющих лугов. Захватывало дух от ледников на макушках гор, прячущихся в вате облаков. Вскорости прибыли в отряд Бебутова.

Сандро поначалу ездил в горы один, но очень уж просился этот русский, добрый, немного неуклюжий, мешающий быстро объехать ближайшие аулы. Со временем стали друзьями. К сожалению, поиски пришлось временно прекратить - с отрядом Бебутова выступили в поход и, вскоре после перехода границы, остановились между селениями Палдерван и Кюрюк-Дар. В этом месте отряд готовился к битве почти месяц. Временами происходили стычки между дозорами, в которых иногда участвовали Сандро с Николаем.

Наконец, в ночь с 23 на 24 июля корпус выступил, все тяжёлые грузы были оставлены под охраной двух сотен донцов. На рассвете армии встретились. Численный перевес был таков, что против каждого русского батальона стоял полк турок! Руководство турецкой армии, надеясь на трёхкратное превосходство в силах, растянуло фронт, и Бебутов понял, что можно сгруппировать войско и нанести сокрушительный удар.

Сначала он разгромил правое крыло турок, затем центр, после чего обратил в бегство левое крыло! Жестокое сражение длилось с четырёх утра до часу дня. Николай и Сандро не видели всей картины боя, находясь в резерве. Только души их рвались на битву, слыша грохот пушек и свист неуправляемых ракет, за которыми тянулся шлейф дыма, наводя ужас на султанских солдат. В конце сражения, чтоб отбросить турецких улан, Бебутов направил две дворянские дружины собственного конвоя. Оказавшись в гуще боя, Николай знал, что Сандро рядом и не оглядывался.

Турецкую конницу опрокинули, но остатки разгромленной армии преследовать не стали: и люди, и лошади изнемогли, падали от усталости. Русский 18-ти тысячный корпус под началом князя Василия Бебутова разгромил 60-ти тысячную турецкую армию! На этом компания 1854 года завершилась. Наши герои продолжили поиски Григория, отца Николая, и на удивление быстро нашли его в небольшом ауле, дома в котором лепились один над другим, а во дворах росли фруктовые деревья. Высокий, сутулый мужчина с копной седых волос, обросший бородой, нес в ведрах воду от ручья. Хромота выдавала недавнее ранение. Позади, повесив ружьё на плечо, шёл худенький подросток.

- Давай проследим, а ночью выкрадем, - Сандро пытался удержать Николая, но куда там! Тот, пролетев как птица, соскочил с коня и кинулся на грудь отцу. Быстро сторговался с хозяином, который немного струхнул, увидев двух вооруженных всадников рядом с сыном. Радость от встречи была великая, но Николай уговорил отца ехать в столицу лечить ногу и при первой же оказии отправил его вместе с денщиком Василием.

Говорится долго, а мысли летят моментально. Так, под воспоминания, Николай заснул. Сандро, лёжа возле костра, вспоминал дом, куда он хотел привезти друга в обещанный скорый отпуск.

Сашкин дед тоже Сандро. Когда он был ещё мальчиком, пас с отцом Георги в горах овец. Он любил горы, необычные закаты, каждый раз новые, и рассветы с птичьими разговорами, и солнечные лучи - торопливо соскальзывающие с вершин предвестники огромного солнца, выкатывающегося на голубой плат неба. Любил сидеть рядом с отцом, молчаливым, всё понимающим без слов. Какое это было счастье, и даже частые отлучки отца в селение, где он работал в кузнице, не печалили сильно. Время шло быстро, и отец всегда возвращался через несколько дней. Но однажды случилось страшное: Дарико, старшая сестра, пошла за водой, а через некоторое время её подруги нашли валявшийся на земле возле источника кувшин - девушку похитили. Со слезами вернулись они в селение. Георги торопился спасти дочь и погнался за злодеями один. Его убили из засады. Увидели это, когда подняли тело из расщелины - пули вошли в спину сверху вниз. Он никого не позвал на помощь. Папахи на голове не было, видимо, сдернули, сталкивая вниз...

Сквозь сон слышались какие-то шорохи, но от усталости ощущение опасности притупилось, и Сандро провалился в царство Морфея...

Продолжение следует...

